

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2021 '4

ЖЕНЩИНА

В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2021

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)
С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS*

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Нечмиас (Школа по связям с общественностью,
Университет штата Пенсильвания в Гаррисберге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2021

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. E. A. Smirnov, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. N. S. Rychikhina (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2021
© Ivanovo State University, 2021

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

GENDER SOCIOLOGY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 3—17.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 3—17.

Научная статья

УДК 001.89

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.1

НАУКА КАК СФЕРА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН И СОЦИОГЕНДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Галина Георгиевна Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru

Аннотация. С концептуальной опорой на парадигму модусов социального времени, теории гендерного равенства и институционализма рассматривается развитие науки как вида деятельности, социального процесса и внеэкономического фактора, определяющего поведение личности, ее выбор и предпочтения в научной сфере жизнедеятельности в зависимости от гендерного признака. Процесс познания окружающей реальности анализируется как эволюция науки с учетом исторического вклада, внесенного в ее развитие талантливыми женщинами разных эпох. На принципах социогендерного конструирования построена галерея топ-10 женщин, которые вошли в историю науки, став первооткрывателями в различных отраслях научного знания. Дан сравнительный анализ гендерной структуры занятых в современной мировой и отечественной науке, их гендерная дифференциация. Раскрываются гендерные особенности мотивации выбора научной деятельности. Интеграция женщин в данную деятельность рассматривается как форма творческой самореализации личности и развития гендерного равноправия. Ставятся проблемные вопросы разработки «новой гендерной стратегии» последователями научной школы «Гендерная и экономическая социология».

Ключевые слова: наука, самореализация, социогендерная общность, научно-исследовательская деятельность, социогендерный потенциал, научная школа, гендерная статистика, гендерное равноправие, гендерная структура, гендерная асимметрия

Для цитирования: Силласте Г. Г. Наука как сфера самореализации женщин и социогендерный потенциал ее развития // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 3—17.

Original article

SCIENCE AS A SPHERE OF SELF-REALIZATION OF WOMEN AND THE SOCIO-GENDER POTENTIAL OF ITS DEVELOPMENT

Galina G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

Abstract. The article, conceptually based on the paradigm of social time modus, the theory of gender equality and institutionalism, considers the development of science as a type of activity, a social process and an extra-economic factor that determines the behavior of an individual, his choice and preferences in the scientific sphere of life, depending on the gender characteristic that affects the personality behavior in this sphere. The evolutionary process of cognition of the surrounding reality is analyzed as the evolution of the development of science and the historical contribution of talented women of different eras to its development. A gallery of Top 10 women is built, who entered the history of science by making scientific discoveries and becoming pioneers in ten branches of scientific knowledge. A comparative analysis of the gender structure of those employed in modern world and domestic science, their gender differentiation is given. Gender peculiarities of choice and motivation of forms and directions of integration of women into scientific activity are revealed as a form of creative self-realization of personality and development of gender equality. The problematic issues of the development of a “new gender strategy” are raised by the followers of the scientific school “Gender and Economic Sociology”.

Key words: science, self-realization, socio-gender community, research activities, socio-gender potential, scientific school, gender statistics, gender equality, gender structure, gender asymmetry

For citation: Sillaste, G. G. (2021) Nauka kak sfera samorealizatsii zhenshchin i sotsiogendernyy potentsial ee razvitiia [Science as a sphere of self-realization of women and the socio-gender potential of its development], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—17.

Эпиграф на все времена

Французский писатель и политический деятель С. Ж. де Буффлер подарил женскому сообществу прекрасное высказывание, которое может служить эпиграфом к данной статье: «О женщине всегда найдется сказать что-то новое, пока хоть одна из них останется на земном шаре». Сегодня женская половина человечества составляет 3 932 млн из 7 936 млн человек, проживающих на планете (мужчин — 4 004 млн, т. е. 50,5 %) [Счетчик населения Земли, 2021]. Иначе говоря, мир гендерно-асимметричен в пользу мужчин, их на 72 млн больше. Поэтому говорить о женщинах можно и нужно много, учитывая множество социальных ролей, которые они играют в обществе.

Из богатого и очень динамичного социального пространства предлагаю рассмотреть в качестве предмета социологического анализа многомерную

и специфическую сферу самореализации женщин и мужчин, связанную с развитием науки как социального института, репродуцирующего интеллектуальный потенциал общества и государства, преобразующего его в энергию созидания, прогресса и последовательного развития человеческого капитала и социогендерных ресурсов общества.

Не изменяя приверженности стилю аналитического жанра, построю анализ в форме нескольких социологических сюжетов, используя для этого концепцию модусов социального времени: прошлого, настоящего, а по мере возможности — и будущего.

Сюжет 1. Наука как сфера социогендерной самореализации и научного прорыва

Что значит «самореализация»? По странным обстоятельствам определения этой категории нет в социологических словарях (ни в отечественных, ни в зарубежных). Можно найти интерпретацию понятий «самообман» и «самоубийство», «самооправдание» и даже «самость» (self), «саморазвитие» и «саморазрушение», но не термин «самореализация». Поэтому даю авторскую научную интерпретацию этой категории. *Самореализация — это универсальная способность человека развивать свой потенциал, обеспечивая себе на правах свободного индивидуального выбора разнообразие видов практической деятельности в любой сфере жизнедеятельности общества.* Гендерная самореализация означает специфику общего и особенного в протекании данного процесса в зависимости от гендерных характеристик и ресурсов личности.

Для самореализации личности наука предоставляет необычайно широкие возможности проявления интеллектуального таланта и способности к саморазвитию, несмотря на скромные материальные вознаграждения и компенсации, которые получают ученые, прежде чем станут выдающимися величинами в своей сфере научной деятельности.

Обращаясь к модусу прошлого социального времени, в котором сфера науки традиционно считалась пространством мужской самореализации, предлагаю совершить краткую экскурсию по уникальной виртуальной галерее эксклюзивных портретов топ-10 женщин, которых объединяет определение «первая» и которые оставили свой яркий след в мировой науке [Силласте, 2021]. При этом не будем забывать о жестких гендерных барьерах, стоявших на пути женщин к научным знаниям: до 1918 г. у них отсутствовало право поступать в высшие учебные заведения, обучаться, посещать лекции в университетах, политическое право участвовать в выборах и быть избранными; следует также помнить о цепких гендерных стереотипах как стандартах одобряемого обществом поведения.

1. *Алхимия* — предтеча развития науки (Иерусалим, I в.). Первая женщина-алхимик — *Мария Коптская*. Ее считают основательницей александрийской алхимической школы, она первая предложила подогрев жидкости на водяной бане, создала аппарат трибикос (первый в мире перегонный аппарат) и проложила путь к производству крепкого алкоголя и эссенций.

2. Сфера *образования* (Александрия, IV—V вв.). Первая женщина-преподавательница — *Гипатия Александрийская*. Учителем Гипатии был ее отец Теон Александрийский, видный ученый, глава собственной школы, восходившей

к Платону, руководство которой она взяла на себя, став преемницей отца. Гипатия изобрела дистиллятор, астролябию и ареометр, преподавала все философские науки, своей ученостью превзошла современных ей философов.

3. *Физика* (XVIII в.). Первая женщина-физик — итальянка *Лаура Басси* (1711—1778). В 21 год она была назначена профессором анатомии в Университете Болоньи (замечу, самый прогрессивный по тем временам университет: в отличие от других мировых университетов он поддерживал демократическое право женщин на образование), в 22 года избрана в Болонскую академию наук, в 23 года получила кафедру философии. В 27 лет (1738 г.) Л. Басси вышла замуж за академика Дж. Вератти, родила 12 детей, что не мешало ей читать лекции дома на регулярной основе (университет даже повысил ей зарплату, чтобы ученая могла купить собственное оборудование). Она преподавала физику 28 лет и стала первой со времен Ренессанса женщиной, которой официально было разрешено преподавать в европейском университете. В 1745 г. Л. Басси вошла в элитную группу ученых академии, состоявшую из 24 мужчин, став 25-м ученым.

4. *Химия* (XIX в.). Первая русская женщина — химик-технолог — *Юлия Всеволодовна Лермонтова* (1847—1919). Ее отец В. Н. Лермонтов, генерал, директор Московского кадетского корпуса, был троюродным братом М. Ю. Лермонтова.

В европейской науке первой женщиной-химиком стала *Мария-Анна Пьеретта Польз Лавуазье* (1758—1836).

5. *Астрономия* (XIX в.). Первая женщина-астроном, обнаружившая комету, — *Каролина Лукреция Гершель* (1750—1848). В 1783 г. она открыла три новые туманности, после чего последовала вереница других открытий. Исследовательница занималась астрономической теорией, освоила алгебру и формулы, которые используются для наблюдения за звездами и управления астрономическими расстояниями; обнаружила восемь комет и открыла 14 туманностей, составила каталог для звездных скоплений и туманностей, дополнив общеизвестный каталог небесных светил. К. Л. Гершель награждена золотой медалью Британского королевского астрономического общества и избрана его почетным членом.

6. *Палеонтология* (XIX в.). Первая женщина-палеонтолог — *Мэри Эннинг* (1799—1847), коллекционер ископаемых родом из маленького английского городка Лайм-Реджис. Она сделала немало открытий в поисках древних окаменелостей (первое из которых — скелет ихтиозавра — обнаружила в 12 лет). Ею восхищался Чарльз Диккенс. В 2010 г. Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе включило М. Эннинг в число десяти британских женщин, которые оказали наибольшее влияние на развитие науки.

7. *Программирование* (XIX в.). Первая женщина-программистка — *Ада Лавлейс* (1815—1852), дочь поэта Байрона, так и не узнавшая своего прославленного отца. Познакомившись в 17 лет с изобретателем аналитической машины (своим будущим мужем Ч. Бэббиджем), она принимала активное участие в его работе по созданию вычислительной машины — прообраза современного цифрового компьютера. А. Лавлейс разработала программу, которая демонстрировала аналитические возможности счетной машины, первой ввела термины «рабочая ячейка» и «цикл»; писала о том, что подобно тому, как Жаккардов

ткацкий станок может ткать цветы и листья, так и эта аналитическая машина способна создавать алгебраические формулы, а в перспективе — писать музыку, рисовать картины и указать науке такие пути, какие никому и не снились. Все это подтвердило современное развитие компьютерной техники. Построить работающую копию вычислительной машины Лондонский музей науки смог лишь в 1991 г.

Именно в честь математика А. Лавлейс, написавшей первый известный алгоритм для механической вычислительной машины и предсказавшей будущее таких аппаратов, ООН объявила 11 февраля — день рождения А. Лавлейс — Международным днем женщин и девочек в науке. В 2021 г. он отмечался четвертый раз. Цель инициативы ООН — подчеркнуть важную роль женщин в исследованиях и научных разработках, а также необходимость обеспечения в разных государствах равного доступа женщин к научной деятельности.

8. *Математика* (конец XIX в.). Первая в России и в Северной Европе женщина-профессор, первая в мире *женщина — профессор математики — Софья Ковалевская* (1850—1891). По правилам Берлинского университета (куда пыталась поступить С. Ковалевская) женщины не имели права слушать лекции. Ей помог профессор К. Вейрштрасс. Видя интерес Ковалевской к науке, он пошел на уступки, разрешив ей посещать лекции и взяв на себя руководство ее занятиями. В 1874 г. С. Ковалевская получает ученую степень доктора философии, переезжает в Россию. В 1888 г. Французская академия наук, а в 1889 г. Шведская академия наук награждают исследовательницу за открытие третьего классического случая разрешимости задачи о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки. С. Ковалевская стала первой женщиной, избранной членом-корреспондентом физико-математического отделения Российской академии наук.

9. *Первая женщина — нобелевский лауреат*, первая и единственная из женщин, кто получил Нобелевскую премию дважды (1903 и 1911 г.) — *Мария Склодовская-Кюри* (1867—1934). Судьба свела ее с французским ученым-физиком П. Кюри, породив не только личный, но и блестящий научный союз. Вместе с мужем она открыла элементы радий и полоний, занималась исследованиями явлений радиации, окончила факультет естественных наук. Одна из дочерей Кюри — Ирен стала ученым в области физики и химии, совместно с супругом Ф. Жолио-Кюри открыла явление искусственной радиоактивности, за что они оба были удостоены Нобелевской премии по химии в 1935 г.

10. Изобретательница «секретной связи» *Хедвига Ева Мария Кислер* (1914—2000), больше известная под сценическим псевдонимом Хеди Ламарр, прославилась вначале как актриса в Австрии и США. Но во время войны проявила интерес к оружию, предложила идею дистанционного сообщения координат цели управляемой торпеды с использованием смены каналов связи, что гарантировало безопасную передачу информации. В августе 1942 г. Х. Ламарр с другом Дж. Антейлом получили патент под кодом «Секретная система связи» (Secret Communication System) сроком до 1955 г., который описывал секретные системы связи, включающие передачу ложных каналов на разных частотах. Изобретатели отчисления за патент не получили. Спустя полвека патент стал основой для создания связи с расширенным спектром, которая сегодня используется везде — от мобильных телефонов до Wi-Fi.

Какие социальные уроки можно вынести из этой краткой виртуальной экскурсии?

Урок первый: нет таких сфер научной деятельности, которые постепенно не находили бы своих талантливых представителей среди женщин. Этот процесс будет ускоряться.

Урок второй: успешность женщин в науке — это, как правило, успешность союза мужчины и женщины. Мужчина своим вниманием способен помочь женщине обрести уверенность в себе и в том деле, которому она служит, забота и совместная деятельность делают этот союз прочнее и способствуют научным достижениям женщины. Чем крепче духовный союз, тем успешнее женщина в науке.

Урок третий: в науку женщины идут не «благодаря тому, что...», а «несмотря на то, что...», ибо занятие наукой и жизнь в науке — это имманентная потребность, состояние души и ума.

Сюжет 2. От модуса прошлого социального времени к модусу настоящего: гендерное лицо современной науки

Сегодня в мире, по оценкам экспертов, существует пять новых самых перспективных профессий: гид по космическому туризму, инженер по восстановлению окружающей среды, техник по ветроэнергетике и солнечной энергии, проектировщик 3D-печати, биоинженер. Кто из женщин впишет свое имя в инновационные разработки этих направлений современного знания, сделает открытия в этих областях? Покажет будущее.

Мировые тенденции и достижения. *Сколько сегодня ученых в мире?* По данным последнего доклада Института статистики ЮНЕСКО (UNESCO Institute for Statistics) в 2013 г. в мире работали 7 758 900 ученых. Количество сотрудников сферы науки за 9 лет увеличилось более чем на 2 млн. Для сравнения: в 2004 г. Институт докладывал о работе 5,5 млн ученых. В 2013 г. на миллион жителей планеты приходилось 1083,3 ученого (см.: [Сацик, 2019]). В России — 3084 ученого на миллион жителей. В Китае — 1071, и это при населении в 1,4 млрд (!), в Южной Корее — 6533 ученого, в США — 3984 [там же].

Как отмечается в докладе ЮНЕСКО, процессы глобализации способствуют мобильности сотрудников и молодых специалистов, постоянно растет количество иностранных студентов в учебных заведениях по всему миру. За период с 1975 по 2013 г. оно увеличилось с 0,8 до 4,1 млн человек, и стремление к обучению за рубежом, перенятию странового опыта будет только возрастать. Это явление получило определение «умные миграции». Оно обуславливает и отток ученых в Европу и США либо в другие страны с лучшей заработной платой.

Растет и количество научных публикаций в мире. Лидирует здесь ЕС (34 %). Доля публикаций ученых из США составляет 25 %. При этом резко увеличивается доля Китая (с 5 до 20 % за десять лет). Как отмечают специалисты, такой стремительный рост Китая в сфере науки стал возможен благодаря прикладному характеру публикаций и исследований [там же].

Как отражается гендерная структура ученых на развитии науки?

По данным ЮНЕСКО, в 2021 г. доля женщин в мировой науке составила около 30 % (по сравнению с 2016 г. рост на 2,2 %) [Всего лишь 30 %... , 2021]. Во Франции женщин среди ученых 27 %, в Германии — 28 %, в Италии — 36 %, в Великобритании — 38,6 %, в Испании — 40 %. Самый высокий уровень женского представительства в науке — свыше 50 % — в европейском научном сообществе (в недавнем прошлом в социалистических странах — Литве и Латвии, Албании и Македонии).

Одним из центральных вопросов современной мировой повестки ЮНЕСКО является вопрос о сокращении гендерного неравенства в области науки и техники. Например, в атомной отрасли, по подсчетам МАГАТЭ, женщины составляют всего 22 %. Для выравнивания столь резкой гендерной асимметрии Агентство в 2020 г. запустило программу имени Марии Склодовской-Кюри, в рамках которой 100 студенткам, отобранным по 550 заявкам, поступившим из 90 стран мира, в течение двух лет будет перечисляться до 10 тыс. евро в год на оплату обучения по магистерским программам и столько же на проживание. После вуза стипендиатки могут пройти в МАГАТЭ стажировку длительностью до 12 месяцев. В группе таких стипендиаток, в частности, и 11 студенток российских вузов — МИФИ, Томского и Санкт-Петербургского политехнических университетов, обучающихся по направлению «Ядерная физика и технологии».

По оценкам экспертов Агентства, количество женщин на руководящих технических должностях растет, но этого по-прежнему недостаточно для достижения гендерного равновесия. Среди причин отмечаются две главные: 1) слишком небольшое количество девушек, изучающих в школах и вузах математику, естественные и инженерные науки; 2) субъективные сложности на пути женщин к научной карьере — предвзятость со стороны мужчин и действие эффекта «стеклянного потолка». Подчеркивается, что даже в такой высокоинтеллектуальной сфере, как наука, многие до сих пор считают (сознательно или не очень), что мужчины умнее, целеустремленнее и компетентнее женщин (см.: [Полякова, 2021]). Поэтому традиционной в этих областях является гендерная асимметрия в пользу мужчин как устойчивый и пока трудно поддающийся смене гендерный вектор.

Есть страны, в которых мужчины почти не задействованы в исследовательской деятельности. Например, Мьянма, где женщины среди ученых абсолютно преобладают и составляют 85,1 %. В целом наивысшим уровнем женщин в науке из всех мировых регионов отличается Центральная Азия (48,1 %). В Юго-Западной Азии, напротив, самый низкий процент женщин (всего 18,1 %) [Сацик, 2019].

Если по показателю насыщения науки женскими кадрами оценивать Европу, то следует отметить, что наименьшее количество женщин среди ученых и исследователей в Нидерландах, немногим больше в Германии, Чехии, Франции, Швейцарии и Финляндии — 25—35 %. Это значение принято считать близким к среднемировому.

Иная картина в восточноевропейских странах, где количество женщин-исследовательниц остается ощутимо выше, чем на западе Европы. За этим стоят прежде всего достижения социалистического этапа развития стран, когда одна

часть из них входила в состав СССР (на правах союзных республик), другая — в социалистический лагерь, страны которого, как и СССР, успешно решали «женский вопрос», в том числе в сферах науки и образования, отличались высокой степенью женской эмансипации и широкой интеграцией женщин во все сферы общественного производства и научного знания, что позволяло постоянно увеличивать количество женщин в науке.

Эти страны до сих пор по данному показателю опережают западноевропейские. Как отмечает ЮНЕСКО, «это не новость; социалистический лагерь был законодателем целого ряда явлений в общественной сфере, которые на Западе начали проявляться заметно позже» [Сколько женщин-ученых... , 2013].

Место России в мировой науке. По данным ЮНЕСКО, в России динамика доли женщин в исследовательской среде не совпадает с мировой тенденцией, а скорее идет вразрез с ней. Динамика количества женщин в российской науке довольно устойчивая и колеблется в пределах 40—41 %. Что касается международного рейтинга доли женщин в общей численности исследователей, то, согласно данным ОЭСР (2014 г.), Россия занимает в нем 5-е место (40,5 %). Для сравнения: в Великобритании доля женщин-исследовательниц — 38,1 %, в Германии — 27,9 %, в Японии — 14,7 %.

Разрыв заметен на уровнях высшего профессионального образования и вузовского научного сообщества.

1. Высшее профессиональное образование (включая послевузовское) в России имеют 58 % женщин (15,9 млн). Такая гендерная асимметрия в пользу женщин с высшим образованием для России явление довольно устойчивое. Да, женщин с высшим образованием существенно больше, чем мужчин. Однако это отнюдь не означает, что оплата труда женщин выше. Реально все наоборот. Гендерный разрыв в оплате труда женщин и мужчин с высшим образованием составляет 25 % в пользу мужчин. На то есть и объективные, и субъективные причины. Поэтому не тороплюсь с выводами о социальной дискриминации женщин с высшим образованием в сфере оплаты труда.

2. Гендерная дифференциация по статусным когортам показывает, что среди вузовского профессорско-преподавательского состава женщины преобладают (57 % против 43 % мужчин). Иначе говоря, гендерная асимметрия и здесь в пользу женщин. С повышением административно-должностного статуса представителей вузовского научного сообщества гендерная структура меняет свой вектор на противоположный: наблюдается асимметрия в пользу мужчин, женщин среди заведующих кафедрами — 43 %, среди профессуры — 33 %.

Так показатель феминизированной среды профессорско-преподавательского состава сменяется дихотомической противоположностью — маскулинизацией профессуры. Иначе говоря, в системе высшего образования и его научного сообщества действует обратная пропорциональная зависимость: чем выше профессиональный статус членов научной когорты, тем меньше в ней женщин.

3. Уровень женского вузовского сообщества — кандидаты наук, составляющие 42 % среди исследователей (рост на 8 % с 2000 г.).

4. В когорте докторов наук удельный вес женщин падает на 16 % и составляет всего 26 % (рост на 7 %). В целом это высокий уровень концентрации

женского интеллекта в вузах. Вопрос в том, как он распределяется по отраслям научного знания и как реально используется?

Ряд направлений, особенно общественные науки, биология и медицина, сохраняют резкую гендерную асимметрию в пользу женщин. В то время как физика и математика по-прежнему остаются областями мужской научной деятельности.

Независимо от исторического времени важное значение имеет возраст ученого, преподавателя вуза. По результатам исследований Высшей школы экономики, 42,1 % женщин-ученых имеют возраст до 39 лет. Возрастная структура исследователей представлена на рисунке 1 [Гендерный состав... , 2020].

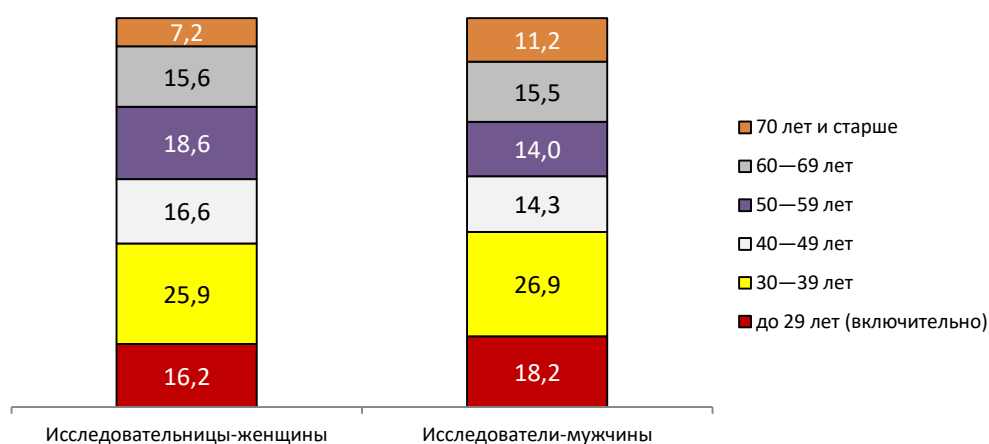

Рис. 1. Возрастная структура исследователей (2018 г.), %

Среди мужчин старшая возрастная когорта представлена более широко, чем среди женщин (11,2 против 7,2 %). Напротив, возрастная когорта ученых — исследовательниц предпенсионного возраста (50—59 лет) развивается более активно, чем данная когорта мужчин (18,6 против 14 %).

В молодежной когорте (до 29 лет включительно) мужчин больше, чем женщин, хотя и незначительно (разница в 2 %). Можно прийти к выводу, что возрастная структура гендерных групп исследователей не имеет резких различий и возраст скорее относится к факторам гендерно-нейтрального влияния на включенность молодых исследователей в научную деятельность. Образно говоря, как и любви, науке все возрасты покорны, было бы стремление ей служить и желание работать в целях ее познания.

Что касается распределения отечественных ученых по областям науки, то доля женщин-исследовательниц в общем количестве исследователей в гуманитарных науках составляет 62,3 %, в медицинских — 59,6 %, в общественных науках — 56,4 %. В этих областях науки женщины-исследовательницы высшей научной квалификации (кандидаты и доктора наук) проявляют себя наиболее активно.

Однако настораживает четко повторяющаяся в последние годы тенденция сокращения количества российских исследователей, которых сейчас свыше

348 тыс. За 20 лет (с 2000 по 2019 г.) их стало меньше в 1,2 раза (в 2000 г. было почти 426 тыс.). Всего, с учетом техников, вспомогательного персонала и прочих лиц, в отечественной сфере исследований и разработок трудятся 682,5 тыс. человек — в 1,3 раза меньше, чем в 2000 г. (887,7 тыс.).

Чем объясняется это падение? Одна из непосредственно напрашивающихся гипотез — слабость аспирантского звена. Длинный путь научно-статусного признания и самоопределения (от аспиранта до академика) проходят далеко не все, вступающие в эту сферу. У одних не хватает сил, у других пропадает интерес, и они творчески перегорают раньше времени, у третьих не хватает времени и желания закончить начатую дистанцию забега, и они продолжают ее совсем в другой сфере, у четвертых меняются жизненные приоритеты, а с ними и интерес к начатому научному «предприятию», или на их пути встают гендерные барьеры, подкрепленные гендерными стереотипами.

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», обучающиеся по программам аспирантуры, не прошедшие промежуточную аттестацию, отчисляются как не выполнившие обязанности по освоению программ [Об образовании... , 2012]. В 2015 г. аспирантуру закончили 25,8 тыс. человек, из них кандидатские диссертации защитили только 4,6 тыс. [Количество аспирантов... , 2017].

Отсюда и основание для критики: крайне низкий процент аспирантов, успешно защищающих диссертацию и получающих степень кандидата наук по итогам обучения в аспирантуре [Сацик, 2019]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2017 г. только 13 % выпускников аспирантуры защитили диссертацию, что на 5 % ниже значения показателя в 2015 г. и на 15 % — в 2010 г. [Почему в российской аспирантуре... , 2019].

Академические выборы прошли: каковы результаты? Полезно обратиться к результатам последних выборов (2020 г.) в Российскую академию наук. Произошли какие-либо симптоматические изменения в этом весьма консервативном иерархическом институте? Избрано в совокупности 2042 члена РАН, из них 898 академиков и 1144 члена-корреспондента. В числе академиков РАН — 4 женщины, а в числе членов-корреспондентов — 26 женщин, что можно считать существенным прогрессом по сравнению с предыдущими выборами.

Другая отличительная особенность — возраст членов РАН. В эти выборы средний возраст избранных академиков составил 64 года, а членов-корреспондентов — 58 лет. Если до выборов средний возраст академиков был 75 лет, а членов-корреспондентов — 68 лет, то после выборов состав академиков РАН «помолодел» на 11 лет, а членов-корреспондентов — на 10. Это следует считать беспрецедентным событием за многие десятилетия развития отечественной академии наук.

Не могу не остановиться и на развитии социологической науки. Специальность «Социолог» пока молодая по сравнению с другими научными направлениями в подготовке кадров. Ее впервые вывели на уровень институциональной подготовки специалистов в высших учебных заведениях СССР лишь в 1988 г. на гребне перестройки и демократизации. Поэтому социология — наука, которая начала готовить свои кадры намного позже других, традиционных отечественных отраслей научного знания. Это упорядочение состоялось лишь годы

спустя, в начале 2000-х гг., когда, наконец, стали присуждать социологам звание кандидата и доктора именно социологических наук. Столь продолжительное официальное приведение в соответствие ученого звания и научной специальности, по которой защищаются диссертации, долгое время вносило немало путаницы и осложнений в идентификацию ученых-социологов, которым продолжали присуждать ученые степени кандидата и доктора философских (а не социологических) наук. Сегодня социологов в России готовят более 100 вузов, выпустивших уже свыше 20 тыс. специалистов.

В одном только Финансовом университете при Правительстве РФ по специальности «Социология» (профиль «Экономическая социология») обучаются свыше 400 студентов, хотя начинали мы в 2006 г. с набора одной группы в количестве 13 человек. По своему составу это резко гендерно-асимметричное общество в пользу женщин. Такая асимметричность характерна для всех научных уровней, но только до когорты докторов наук. После чего вектор по своей гендерной направленности резко изменяется в пользу мужчин. Кафедре — теперь уже департаменту гендерной и экономической социологии — 1 сентября 2021 г. года исполнилось 25 лет. Это возраст одного поколения, который позволяет подводить серьезные итоги и рассматривать планы долгосрочного, стратегического характера. Что и делается научной школой «Гендерная и экономическая социология» под руководством автора статьи и социологическим сообществом Финансового университета.

Таким образом, даже с учетом негативных тенденций развития гендерной структуры российской науки в постсоветский период включенность женщин в научно-исследовательскую сферу деятельности в России остается существенно выше соответствующего среднего показателя в западноевропейских странах.

Учитывая резкую гендерную асимметричность структуры населения России, ее асимметричный гендерный ландшафт, можно утверждать, что гендерные смещения в сфере отечественной науки будут происходить постоянно в зависимости от спроса на те или иные научные направления и специальности в подготовке кадров. Главное, как отметил министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков, «мы хотели бы, чтобы женщин в науке было больше, а государство заинтересовано в более широкой интеграции женщин в науку, во все ее сферы, особенно в технические» [Валерий Фальков... , 2020].

Не «благодаря тому, что...», а «несмотря на...», или Зачем женщине наука. В 2005 г. президент Гарвардского университета Л. Саммерс, выступая с речью на закрытой конференции по вопросам занятости, решил ранжировать причины гендерного расслоения в науке и инженерных специальностях по степени влияния. Во-первых, по мнению экономиста, от претендентов на самые престижные места ждут, что они будут «вкалывать» с утра до ночи и всегда думать о работе. У тех, кто на это согласен, остается мало времени на семью. Не то чтобы женщины не умеют и не хотят работать, но от них ждут, что они предпочитают мужа и детей, и многим сложно идти наперекор этим ожиданиям.

Во-вторых, и это самый скандальный аргумент Саммерса, хоть люди обоих полов в среднем близки почти по всем показателям, у мужчин чаще встречаются большие отклонения от средних значений. Та же закономерность

существует и для интеллектуальных способностей: скорее всего, умных женщин больше, но исключительные умы чаще встречаются среди мужчин.

В-третьих, разные предпочтения мальчиков и девочек, которые позже повлияют на выбор карьерного пути, нельзя целиком списать на воспитание. Докладчик привел пример общин, где члены вольны выбирать занятия по душе, но мужчины и женщины все равно предпочитают делать то, что традиционно полагается их гендеру.

Другая грань этого вопроса — *почему женщин в науке стало больше, хотя это не самая высокооплачиваемая сфера деятельности?* С одной стороны, можно гордиться тем, что в России женщин в науке больше, чем во многих других странах. С другой — можно удивляться и возмущаться тем, как слабо данный социогендерный ресурс человеческого капитала ценится. В настоящее время, как показывает статистика, средняя начисленная заработная плата женщин, имеющих высшее образование, составляет 36 902 руб. (мужчин — 52 829 руб.). Ни в том ни в другом случае это не эквивалентная оценка труда ученых независимо от гендерного фактора [Гендерный состав... , 2020].

В науку женщины идут не благодаря тому, что труд в ней хорошо оплачивается или время не так жестко регламентировано. Идут, несмотря на низкую оплату труда, невысокую в рыночное время престижность науки, отсутствие свободного времени, несуразные трудности на пути поиска грантов для проведения исследования. Идут ради творчества в науке, желания добиться результата, который станет полезным для практики, а значит, чем-то поможет людям. Идут, так как привлекает дух творчества в профессиональной деятельности ученого, возможность жить интеллектом, а не подсчетом ежедневной прибыли. И это подтверждают данные социологического исследования, проведенного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в 2016 г. [там же].

Какие выводы они позволили сделать?

Во-первых, исследование показало отсутствие существенной гендерной разницы между ведущими мотивами выбора научной карьеры женщинами и мужчинами. Это исследовательский интерес и потребность в творческой работе. Отличие в том, что у женщин выше потребность в стабильности и защите, а заработок их на четверть меньше. Для женщин важно, чтобы научная работа была им интересна и давала возможность самореализации. 64 % респонденток главной причиной выбора профессии считают творческий и инновационный характер научного труда, 47 % — собственный исследовательский интерес, а 40 % — возможности профессионального роста.

Во-вторых, женщины в два раза чаще отмечали готовность сменить место работы (вплоть до переезда в другой город) ради интересного проекта. Но не согласны работать вечерами, в выходные и иметь сниженную заработную плату. Тогда как три четверти мужчин готовы перерабатывать ради участия в важном и интересном проекте даже при понижении заработной платы (16 % мужчин против 9 % женщин).

По результатам исследования, при зарплате от 25 до 50 тыс. руб. доля мужчин и женщин, занятых в науке, одинакова, но более высокую заработную плату (свыше 50 тыс.) женщины получают в два раза реже мужчин.

В то же время 41,3 % женщин уверены, что текущая работа позволяет им иметь достойную оплату труда (среди мужчин эта группа составляет 51,1 %). Данные представлены на рисунке 2.

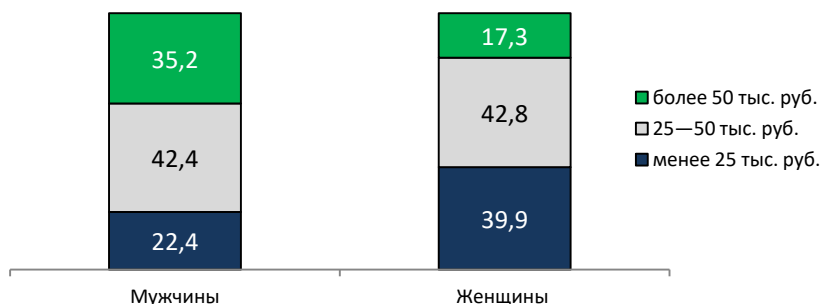

Рис. 2. Распределение исследователей в науке по размеру средней заработной платы и гендерному признаку, %

Что еще привлекает женщин в научной сфере? Более 70 % респонденток отметили, что научная работа позволяет им самим формировать свой рабочий график и организовывать свою жизнь с учетом личных интересов. При этом подавляющее большинство женщин-ученых указали, что такой режим работы дает им возможность лучше реализовать свой профессиональный потенциал.

В-третьих, женщин в науке стало больше, хотя это не самая высокооплачиваемая сфера деятельности, поскольку они по натуре более альтруистичны: женщины работают не за то, чтобы им «круто» платили или выдавали регулярно премию (хотя это было бы нелишним). Они занимаются самыми разными отраслями знания потому, что более всесторонне смотрят на мир, более бескорыстны, но требовательнее в духовно-гуманизированном роде деятельности.

Как показало исследование, 37,2 % женщин являются членами различных профессиональных обществ и экспертных советов. Однако общественное признание за свою научную работу они получают реже мужчин. Наличие званий и наград за профессиональную деятельность отметили 36 % мужчин и только 28 % женщин. Опрос показал, что женщины-исследовательницы не реже коллег-мужчин активно делятся своими научными и экспертными знаниями.

Женщины-ученые по натуре народ увлекающийся, в большинстве случаев бескорыстный и мудрый. А как однажды заметила Софи Лорен, «мудрость приходит, когда зная границы своих возможностей, все равно выкладываешься до конца».

В заключение отметим важнейший фактор дальнейшего развития высшей школы и науки. Особенно университетской, шире — вузовской. В высшем образовании подходит к логическому завершению процесс смены поколений научно-преподавательских кадров. Слой за слоем уходит профессиональная, очень опытная и требовательная когорта ученых поствоенной советской генерации. Найдется ли замена, которая будет в состоянии поддержать фундаментальную научную школу? Кто будет дальше задавать тон на научной российской «кухне», особенно вузовской? Какие научные кадры на ней закрепятся? Каков

будет конечный научный продукт и как продвинется на его основе российская высшая школа? Вопросов больше, чем реальных ответов. Новое социальное время выдвигает все более сложные задачи, для решения которых надо искать новые социальные инструменты, новые научные и образовательные технологии, а также по-новому подготовленные кадры.

Научная школа «Гендерная и экономическая социология» на VI Всероссийском социологическом конгрессе (12 ноября 2021 г.) представила «новую гендерную стратегию», направленную на широкую конструктивную интеграцию действий ученых одновременно по нескольким векторам: работа со студентами (расширенный формат наставничества); деятельность научных школ, научно-общественных движений, общественных организаций и экспертных сообществ. Комплексный авторский проект «Ученый: вклад в будущее науки» готов к практическому внедрению, и первые шаги в этом направлении сделаны. Но это предмет отдельного разговора.

Список источников

- Валерий Фальков: мы хотели бы, чтобы женщин в науке было больше. 2020. URL: <https://gia.ru/20200305/1568183462.html> (дата обращения: 15.11.2021).
- Всего лишь 30 % исследователей в мире — женщины. Какова ситуация в вашей стране? 2021. URL: <https://ru.unesco.org/news/всего-лишь-30-исследователей-в-мире-женщины-какова-ситуация-в-вашей-стране> (дата обращения: 15.11.2021).
- Гендерный состав научных кадров. 2020. URL: <https://issek.hse.ru/news/341451906.html> (дата обращения: 15.11.2021).
- Количество аспирантов сокращается и без вмешательства чиновников. 2017. URL: <https://indicator.ru/engineering-science/aspirantura.htm> (дата обращения: 11.11.2021).
- На пути к 2030 г.: доклад ЮНЕСКО по науке. 2013. URL: <https://ru.unesco.org/news/doklad-yunesko-nauka-v-avangarde-vsemirnogo-dvizheniya-k-ustoychivomu-rostu> (дата обращения: 15.11.2021).
- Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. 2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.11.2021).
- Полякова М. Как достичь гендерного равновесия? 2021. URL: <https://strana-rosatom.ru/2021/02/08/dolya-zhenshin-v-mirovoj-nauke-okolo-30/> (дата обращения: 15.11.2021).
- Почему в российской аспирантуре так мало защит. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/14/791401-v-rossiiskoi-aspiranture> (дата обращения: 15.11.2021).
- Сацук Т. ЮНЕСКО о науке: тенденции и мировое развитие. 2019. URL: <https://oknnews.info/юнеско-о-науке-тенденции-и-мировое-раз/> (дата обращения: 15.11.2021).
- Силласте Г. Женщины в мировой социологии. М.: Прометей, 2021. 438 с.
- Сколько женщин-ученых в науке. URL: <https://zen.yandex.ru/media/infostat/skolko-jenscinuchenyh-v-rossii-evrope-i-v-stranah-mira-5def9bd75ba2b500b18758ae> (дата обращения: 11.11.2021).
- Счетчик населения Земли. 2021. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 15.11.2021).

References

- Gendernyi sostav nauchnykh kadrov* (2020) [Gender composition of scientific personnel], available from <https://issek.hse.ru/news/341451906.html> (accessed 15.11.2021).
- Na puti k 2030 g.: Doklad IuNESKO po nauke* (2013) [Towards 2030: UNESCO report on science], available from <https://ru.unesco.org/news/doklad-yunesko-nauka-v-avangarde-vsemirnogo-dvizheniya-k-ustoychivomu-rostu> (accessed 15.11.2021).
- Pochemu v rossiiskoi aspiranture tak malo zashchit* (2019) [Why are there so few defenses in Russian graduate school], available from <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/14/791401-v-rossiiskoi-aspiranture> (accessed 15.11.2021).
- Poliakova, M. (2021) *Kak dostich' gendernogo ravnovesiia?* (2021) [How to achieve gender balance?], available from <https://strana-rosatom.ru/2021/02/08/dolya-zhenshin-v-mirovoj-nauke-okolo-30/> (accessed 15.11.2021).
- Satsik, T. (2019) *IuNESKO o nauke: tendentsii i mirovoe razvitiie* [UNESCO on Science: trends and global development], available from <https://oknnews.info/iunesko-o-nauke-tendentsii-i-mirovoe-raz/> (accessed 15.11.2021).
- Schetchik naseleniia Zemli* (2021) [The counter of the Earth's population], available from <https://countrymeters.info/ru/World> (accessed 15.11.2021).
- Sillaste, G. (2021) *Zhenshchiny v mirovoi sotsiologii* [Women in World sociology], Moscow: Prometei.
- Valerii Fal'kov: my khoteli by, chtoby zhenshchin v nauke bylo bol'she* (2020) [Valery Falkov: we would like to see more women in science], available from <https://ria.ru/20200305/1568183462.html> (accessed 15.11.2021).
- Vsego lish' 30 % issledovatelei v mire — zhenshchiny. Kakova situatsiia v vashei strane?* (2021) [Only 30 % of researchers in the world are women. What is the situation in your country?], available from <https://ru.unesco.org/news/vsego-lish'-30-issledovatelei-v-mire-zhenshchiny-kakova-situatsiia-v-vashei-strane> (accessed 15.11.2021).

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 19.11.2021; принята к публикации 19.11.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 19.11.2021; accepted for publication 19.11.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель департамента гендерной и экономической социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Scientific Director of the Department of Gender and Economic Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 18—36.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 18—36.

Научная статья

УДК 316.014

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.2

**«ВИДИМОСТЬ» ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
ПРЕОДОЛЕНА ЛИ МАРГИНАЛЬНОСТЬ?**

Марина Александровна Кашина

Северо-Западный институт управления — филиал,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

Аннотация. Маргинальность в обществе рассматривается и как ситуация культурного конфликта, и как средство слома устаревших норм и образцов. В науке маргинальность может породить инновационные междисциплинарные подходы, а может свидетельствовать о позиции научного аутсайдера. В начале XXI в. гендерная социология была аутсайдером в российской общественной науке. Исследовательский вопрос данной статьи — изменилась ли ситуация спустя 20 лет? При помощи наукометрических инструментов, в частности индекса цитирования, анализируется представленность гендерной тематики в общем массиве социологических публикаций за 2015—2020 гг. в русскоязычных журналах, индексируемых базой Scopus, а также соотношение публикационной активности в области гендерной социологии и в 13 других областях социологии. Делается вывод, что гендерная тематика пока не интегрирована в полной мере в исследовательское поле российской социологии, в силу чего ее инновационный потенциал остается во многом не использованным.

Ключевые слова: гендерная методология, российская социология, мейнстрим, наукометрия, индекс цитирования, исследовательский фронт, наукометрическая база Scopus

Для цитирования: *Кашина М. А.* «Видимость» гендерных исследований в российской социологии: преодолена ли маргинальность? // *Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 18—36.*

Original article

“VISIBILITY” OF GENDER STUDIES IN RUSSIAN SOCIOLOGY: HAS MARGINALITY BEEN OVERCOME?

Marina A. Kashina

North-West Institute of Management — Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russian Federation, Kashina_soc@inbox.ru

Abstract. Marginality in society can be considered as a situation of cultural conflict, and as a way of breaking outdated norms and patterns. In science, marginality can generate innovative interdisciplinary approaches, or it can be the evidence of a scientific outsider position. At the beginning of the XXI century gender sociology occupied the position of an outsider in Russian social science. The research question of this article is — what is the situation today, 20 years later? The author makes use of scientometric tools, in particular the citation index. Analyzed is the representation of gender topics in the general array of sociological publications for 2015—2020 in Russian-language journals indexed by the Scopus database. Besides, the author compares the publication activity in the field of gender sociology with the activity in thirteen other fields of sociology too. The author shows that gender topics in different scientific journals are presented differently. 39 % of all articles were published in the journal “Woman in the Russian Society” (Ivanovo). However the journal “Sociological Studies” (Moscow) publishes only 8 % of such papers. The main conclusion of the researcher is that gender issues are not yet fully integrated into the research field of Russian sociology, due to which its innovative potential remains largely unused.

Key words: gender methodology, Russian sociology, mainstream, scientometrics, citation index, research front, abstract and citation database Scopus

For citation: Kashina, M. A. (2021) “Vidimost’” gendernykh issledovaniĭ v rossiĭskoi sotsiologii: preodolena li marginal’nost’? [“Visibility” of gender studies in Russian sociology: has marginality been overcome?], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 18—36.

Введение

Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина 20 лет назад, давая характеристику зарождающимся гендерным исследованиям в России, писали: «...онтология российских гендерных отношений отличается от западного опыта, ставшего основой феминизма в развитых странах. Именно поэтому гендерный подход формируется в достаточно узком (хотя и расширяющемся) философски информированном сообществе, но до сих пор вызывает отторжение за пределами феминистской аудитории» [Здравомыслова, Темкина, 1999: 184]. В их следующей статье эта мысль формулируется еще более четко: «Гендерный подход остается маргинальным в системе общественного знания. Легитимность данной тематики по-прежнему невысока, академическое сообщество скептически относится к проблематике гендерных исследований» [Здравомыслова, Темкина, 2000: 22]. Следует подчеркнуть, что при этом тема отношений между мужчинами и женщинами является для социологии сквозной, — так или иначе высказываются по этому поводу все основные школы в социологической теории, т. е. маргинальным оказывается сам гендерный подход к исследованию этих отношений.

Понятие маргинальности обычно применяется в отношении личности и характеризует неопределенность ее социального статуса, маргинальность отличается от деклассирования (выпадение из социальной структуры, утрата связей с обществом) (подробнее см.: [Лысенко, 2018: 98—100]).

Маргинальное положение — это ситуация нормативной неопределенности, «когда индивид обнаруживает, что его представление о себе не совпадает с мнением большинства». «Это порождает дистанцию, — продолжает Н. А. Сайнаков, — чуждость, нетипичность по отношению к группе, создает культурное и социальное напряжение» [Сайнаков, 2013: 99]. Маргинальность в отличие от деклассирования не может быть вечной, «не бывает пожизненных и наследственных маргиналов» [Лысенко, 2018: 100].

Первоначально маргинальность трактовалась чикагской социологической школой как социальная проблема, как личностный культурный конфликт, требующий разрешения, т. е. встраивания индивида в существующие социальные структуры. Со временем происходит диверсификация понятия. Н. Н. Лысенко выделяет четыре научные традиции исследования маргинальности: североамериканскую, латиноамериканскую, англо-немецкую и французскую. Французской школой делается акцент на инновационном потенциале маргинальности, которая «понимается как субъективный протест личности против традиционных ценностей и норм общества, как продукт классовой борьбы и выражение специфического отношения к существующему общественному строю» [там же: 97]. Другими словами, маргинальность рассматривается данной школой в качестве одного из способов разрушения устаревших социальных норм и создания новых.

На этом аспекте маргинальности строит свою концепцию научного лидера как маргинала Л. В. Шиповалова. Она пишет, что «научная инновационность, развитие научных специальностей, открытие нового пути решения проблемы связаны с маргинальным статусом ученых, их междисциплинарной мобильностью, возникновением пограничных сообществ» [Шиповалова, 2018: 45]. Хорошо известно, что именно междисциплинарность всегда отличала гендерные исследования, определяя их новизну и в то же время маргинальность как невозможность вписаться в существующую номенклатуру научных специальностей.

Однако уже отмечалось, что ситуация маргинальности не может быть вечной. Если на первом этапе «аутсайдерское существование действительно обеспечивает свободу от принятых сообществом стандартов поведения, в данном случае стандартов исследовательских практик и парадигмальных теоретических оснований» [там же: 46], то на следующем должен происходить синтез, создание объединительных концепций, т. е. рутинизация инновации, утрата ею статуса нового, ее хабиутализация, встраивание в существующие *измененные* структуры. Использование инновационного потенциала маргинальных теоретических концепций/подходов выступает способом развития науки в целом.

Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина, говоря о маргинальности гендерной социологии, акцентировали именно ее творческую, инновационную составляющую. Хотя то, что «гендерный подход в современной России развивается в интеллектуальном климате эссенциализма и биологического детерминизма» [Здравомыслова, Темкина, 2000: 22], свидетельствует о присутствии и второй

составляющей маргинальности — несоответствии гендерного подхода господствующим культурным образцам, нормам и стереотипам, ее отчужденности.

Существование в постнеклассической науке тенденции к полипарадигмальности и использование в качестве основы гендерного подхода широко признанной в социогуманитарном знании концепции социального конструктивизма, казалось бы, должно было обеспечить беспроблемное включение гендерной тематики в социологический мейнстрим и преодоление ею своего маргинального статуса. С момента публикации в России первых работ по гендерной теории, к которым в первую очередь относится двухтомник «Введение в гендерные исследования» [Введение... , 2001], прошло уже 20 лет. Хватило ли этого времени на то, чтобы гендерная социология из «некритически заимствованной западной теории» превратилась в «обычную» отраслевую социологию, существующую наряду со множеством других теорий среднего уровня? Утрачен ли ею статус маргинальной?

Развитие современных информационных технологий, включая создание баз данных, предоставляет возможность ответить на этот вопрос используя инструменты наукометрии. Отечественными авторами наукометрический анализ активно проводится с начала 2010-х, в том числе в области политологии [Савинов, 2012] и социологии [Соколов, 2009]. Имеющиеся работы ориентированы на обсуждение качества существующих отечественных и зарубежных платформ и эффективности самих наукометрических индексов [Тарасевич, Шиняева, 2015]. Часто это делается в привязке к конкретным образовательным организациям и их сотрудникам (см., напр.: [Ефимова, 2012; Тарасевич, Шиняева, 2015]). Иногда авторы проводят сравнение цитирований отечественных ученых в русскоязычных и англоязычных базах [Соколов, 2009]. Обсуждается понятие «хорошего» журнала и списки «правильных» журналов [Функ, 2016]. Основная идея названных публикаций может быть сформулирована как необходимость оценки «включенности (российской науки. — М. К.) в научные кластеры и фронты исследований», что служит показателем мирового уровня научных исследований и разработок [Савинов, 2012: 154]. Другими словами, наукометрический анализ позволяет оценивать «видимость» этих исследований и в какой-то мере их качество. Повышение уровня цитируемости будет свидетельствовать, с одной стороны, о росте качества российских научных исследований, а с другой — об успешной интеграции отечественной науки в мировую. Сегодня эти задачи, в том числе благодаря государственной поддержке, в российской науке постепенно решаются, поэтому можно обратиться к другим, не менее важным направлениям наукометрии, а именно определить «вектор интереса научных кругов: какая тематика в настоящее время вызывает наибольший интерес (как следствие — “взрывное” число публикаций и цитирований), а какая теряет свое влияние на умы ученых, что отражается на сокращении частоты ее присутствия на страницах научных изданий» [Ефимова, 2012: 103]. Здесь речь идет уже не о качестве исследований, а о степени интереса к той или иной научной тематике и ее востребованности. Эта востребованность определяется главным образом внешним контуром науки, ее спонсорами и стейкхолдерами. Они устанавливают, что окажется в мейнстриме, а что на обочине. Можно предположить,

что этот внешний контур способен как усиливать маргинальность отдельных научных подходов, так и способствовать их переходу в мейнстрим.

В данной статье наиболее известный инструмент наукометрии — уровень цитирования — использован для решения одной весьма узкой задачи — оценки степени «видимости» гендерной тематики в российской социологии. Не анализируется динамика указанного процесса, не рассматриваются его причины и движущие силы. Это задачи будущих исследований. Для начала следует ответить на исходный вопрос: востребована ли гендерная тематика в отечественной социологии как таковая?

Методология и методы исследования

Проблема исследования — противоречие между необходимостью встраивания социологического знания о гендерных процессах в общую теорию развития российского общества и сохраняющейся маргинализацией российской гендерной социологии, которая эмпирически проявляется как сравнительная «невидимость» публикаций по гендерной проблематике в общем массиве высокоцитируемых статей, посвященных социальным проблемам российского общества.

Объектом исследования являются публикации по социологии в высокорейтинговых русскоязычных журналах, *предметом* — «видимость» и цитируемость данных публикаций.

Цель исследования — определить уровень «видимости» и цитируемости публикаций по гендерной социологии в высокорейтинговых русскоязычных журналах в сравнении со статьями по другим отраслям социологии.

Выдвигались следующие *гипотезы*: 1) гендерная тематика в социологических исследованиях становится видимой, когда она укладывается в мейнстрим, в первую очередь политический, т. е. в проблематику государственной социальной политики. При этом более востребованными оказываются результаты эмпирических исследований, а не теоретико-методологические статьи; 2) гендерная социология остается вне основного русла отечественной социологической науки.

Метод сбора информации — анализ документов. В качестве основной методологии использовались идеи сетевого анализа когнитивной структуры науки. В частности, идея о том, что существуют исследовательские фронты, образующиеся вокруг «ядерных» (наиболее цитируемых) публикаций. Описание этих фронтов позволяет «получить детальную картину исследуемых ее [научной дисциплины] представителями объектов и интересующих их проблем» [Сафонова, Винер, 2013: 142]. Наукометрия дает возможность оценить «видимость» тех или иных авторов, а также их влияние. Высокий уровень цитирования — это индикатор того, что данная тематика входит в социологический мейнстрим, низкий — что она невидима, невостребована, маргинальна.

Выборки исследования формировались по состоянию на 31 января 2021 г. из генеральной совокупности русскоязычных научных статей, индексируемых РИНЦ. Критериями их отбора стали: время публикации (2015—2020 гг.), направленность тематики журнала (социология), уровень журнала (индексирование наукометрической базой Scopus).

Выборки научных публикаций осуществлялись:

1) по словам «гендер», «гендерные исследования», «гендерная теория», «гендерная методология», «теория гендера», которые встречаются в названии, аннотации или ключевых словах. Выбранные термины позволяют идентифицировать статью как гендерно-тематическую, но при этом абстрагироваться от ее конкретики. Всего в выборку вошли 224 статьи;

2) принадлежности научной статьи к одной из 14 отраслей социологии¹ исходя из упоминания отрасли социологии в названии, аннотации или ключевых словах. Выборка составила 756 статей.

Исследование имеет следующие *ограничения*.

1. Отбор статей велся исходя не из их содержания, а из того, как сами авторы классифицируют свои работы, используя те или иные термины в названии, аннотации и ключевых словах.

2. При формировании выборки использовался ограниченный круг терминов, в них не отражалась проблематика самих исследований.

3. Содержание статей по гендерной тематике не анализировалось, поэтому нельзя сказать о том, какой именно подход использовался авторами при анализе гендерных проблем — социально-конструктивистский или эссенциалистский. Выводы о приращении знания в области самой гендерной социологии не делались².

4. Выборка была ограничена списком русскоязычных журналов, входящих в настоящее время в наукометрическую базу Scopus по тематике «Социология». Всего таких журналов 12.

Результаты исследования и их анализ

Начнем с оценки уровня и характера анализа гендерной тематики в российской социологии. В таблице 1 показано распределение статей по выбранным терминам³.

¹ Выбор, помимо гендерной социологии, еще 13 социологических теорий был обусловлен реализацией: 1) сферного подхода (экономическая социология, политическая социология, социология культуры); 2) институционального (социология семьи, социология образования, социология права); 3) структурного и процессного (социология неравенства, социология молодежи, социология организации, социология труда, социология управления); 4) кросс-дисциплинарного подхода (социология личности, социология здоровья).

² Российские исследования гендерных проблем всегда были двойственными, феминистский дискурс противостоял традиционализму: «Далеко не всегда интерпретация женской роли в российских публикациях соответствует либерально-феминистским идеям. Женщина в российский дискурс зачастую возвращается как патриархатная любовница, подруга, спутница жизни настоящего деятеля — мужчины» [Здравомыслова, Темкина, 1999: 182].

³ Как уже отмечалось, всего в выборку вошли 224 статьи, здесь их число 319, потому что некоторые статьи попадали сразу в несколько групп. 2 статьи вошли одновременно в 5 групп, 3 — в 4, 13 — в 3, 51 — в 2. 69 % статей (155) упоминаются только в одной из 6 сформированных подвыборок. Статьи, которые индексируются сразу по 5 группам, — это «Гендер и власть: читая книгу Рейвин Коннелл в России» и «Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства».

Таблица 1

Распределение статей в рейтинговых русскоязычных журналах по выбранным терминам (2015—2020 гг.)

№ п/п	Термин	Число статей	Число журналов, в которых опубликованы статьи	Статьи с цитированием 10 и выше		Статьи с цитированием 5 и выше		Статьи с цитированием 0—1	
				абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
1	Гендерные исследования	159	10	20	13	45	28	85	53
2	Гендер	100	10	15	15	28	28	46	46
3	Гендерная теория	30	9	1	3	5	17	15	50
4	Гендерная социология	17	5	3	18	6	35	8	47
5	Гендерная методология	7	4	2	29	2	29	4	14
6	Теория гендера	6	6	0	0	2	33	1	17

Следует отметить, что из 224 статей только 17 (7,5 %) имеют в своих метаданных термин «гендерная социология», при этом в описании большинства публикаций (71 %, или 159 статей) есть словосочетание «гендерные исследования». В целом это ожидаемо, поскольку термин «гендерные исследования» является зонтичным для всех социогуманитарных исследований в данной предметной области. Почти десятикратный разрыв между использованием для индексации терминов «гендерные исследования» и «гендерная социология» свидетельствует о том, что сами исследователи не классифицируют свои работы как социологические, хотя они опубликованы в журналах, индексируемых по социологии. Это не означает, что данные исследования по сути не являются социологическими. Важно, что в общем массиве публикаций они не индексируются Scopus как социологические, тем самым снижая «видимость» российской гендерной социологии.

Статей, которые позиционируются как теоретические («гендерная теория», «гендерная методология», «теория гендера»), на порядок меньше (примерно 13 %). Однако показатели цитирования у них лучше, чем у статей по гендерным исследованиям, среди которых 53 % практически не цитируются другими авторами. Требуется дополнительного анализа ситуация со статьями по гендерной теории. Несмотря на то что их сравнительно много, они мало цитируются. Статьи, при описании которых использовано словосочетание «теория гендера» цитируются гораздо лучше. Более того, имеющиеся 6 статей из этой выборки опубликованы в 6 разных журналах, это косвенное свидетельство востребованности данной проблематики разными изданиями.

У нас нет возможности подробно анализировать журнальную политику по отношению к гендерной тематике. Отметим только то, что из 12 русскоязычных журналов, индексируемых в настоящее время наукометрической базой Scopus, только один — «Ideology and Politics Journal (Foundation for Good Politics)» — за период 2015—2020 гг. не опубликовал ни одной статьи, где бы в названии, аннотации или ключевых словах встречались термины, указанные в таблице 1.

Чаще всего такого рода статьи публиковались журналом «Женщина в российском обществе» — почти 40 % всех статей (табл. 2). Показательна довольно высокая доля публикаций по гендерной тематике в журнале «Laboratorium». Хотя он выходит всего три раза в год (23 статьи в выпуске), в рейтинге журнал занимает 7-е место из 11. Обратим внимание, что это единственный журнал, который издается автономной некоммерческой организацией.

Таблица 2

Распределение статей гендерной тематики по журналам (2015—2020 гг.)

№ п/п	Журнал	Число статей	Доля в массиве, %	Число выпусков в год	Учредитель
1	Женщина в российском обществе	88	39,3	4	Ивановский государственный университет
2	Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	49	21,9	6	ВЦИОМ
3	Журнал исследований социальной политики	17	7,6	4	НИУ ВШЭ
4	Социологические исследования	17	7,6	12	РАН
5	Вестник РУДН	14	6,3	4	РУДН
6	Социологическое обозрение	10	4,5	4	НИУ ВШЭ
7	Laboratorium: журнал социальных исследований	9	4,0	3	Центр независимых социологических исследований (СПб.)
8	Экономическая социология	7	3,1	5	НИУ ВШЭ
9	Социологический журнал	7	3,1	4	ФНИСЦ РАН
10	Высшее образование в России	5	2,2	11	Ассоциация технических университетов; Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова
11	Мир России. Социология. Этнология	1	0,4	4	НИУ ВШЭ
	<i>Всего</i>	224	100		

Невысокая позиция в рейтинге журнала «Высшее образование в России» может объясняться тем, что он не является социологическим в полном смысле слова, его основная предметная область — проблемы высшего образования. Однако, поскольку Scopus он индексируется как журнал по социологической тематике, его

необходимо принять во внимание. Опубликованные в нем статьи явно представляют интерес — «О гендерных стереотипах преподавателя вуза: влияние СМИ», «Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи», «Эмоции и образование в перспективе феминистских исследований», «Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ», «A woman in the man's culture of engineering education».

Если провести группировку по учредителю журнала, ситуация немного меняется (рис. 1). Журналы РАН оказываются на четвертом месте, уступая изданиям НИУ ВШЭ и ВЦИОМа, хотя периодичность выхода журнала «Социологические исследования» самая высокая в данной выборке журналов (24 статьи в выпуске). Учитывая, что «Социологические исследования» — старейший отечественный журнал по социологии, он фактически является титульным, поскольку вошел в международные наукометрические базы данных первым, мы можем сказать: данное обстоятельство свидетельствует о том, что гендерная тематика не входит в приоритетные области российской социологии. В истории журнала были два выпуска, целиком посвященные гендерным исследованиям (№ 11 за 2000 г. и № 11 за 2002 г.), но они издавались в рамках реализации грантов, а не по инициативе редакции.

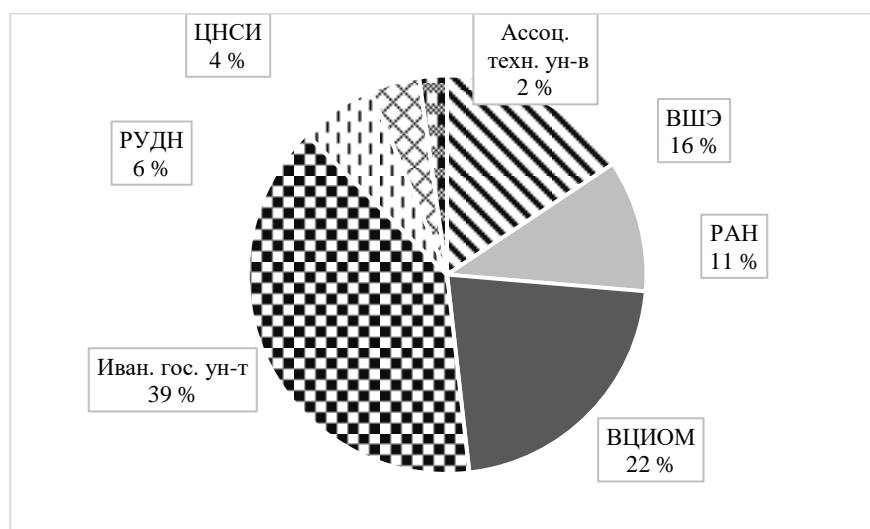

Рис. 1. Распределение статей по гендерной тематике с учетом учредителя журнала, в котором они опубликованы

Теперь рассмотрим, какие публикации в каждой из выделенных групп оказались наиболее цитируемыми (табл. 3). Меньше всего цитируются статьи по теории гендера и гендерной социологии, больше всего — по гендеру и гендерным исследованиям. Названия наиболее цитируемых статей не содержат в себе каких-либо гендерных коннотаций, что служит свидетельством того, что гендерный анализ в них носит вспомогательный характер, авторы просто анализируют в своих исследованиях гендерные группы. Методологическая статья про интерсекциональность цитируется почти в 8 раз реже.

Таблица 3

**Перечень самых цитируемых публикаций по гендерной тематике
в рейтинговых русскоязычных журналах (2015—2020 гг.)**

№ п/п	Ключевое слово	Число цитирований	Публикация
1	Гендер	49	Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 120—129
2	Гендерные исследования	42	Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 157—160
3	Гендерная теория	26	Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177—185
4	Гендерная методология	26	Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177—185
5	Гендерная социология	14	Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5—18
6	Теория гендера	6	Гаврилюк Т. В., Бочаров В. Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 3. С. 537—545

Все наиболее цитируемые статьи во всех группах так или иначе связаны с социальной политикой, а именно обеспечением здорового образа жизни населения, решением проблем молодежи, семьи, пожилых людей, преодолением социального неравенства.

Тем самым первая гипотеза исследования подтвердилась:

— исследовательские фронты в гендерной тематике строятся вокруг проблем, которые укладываются в политический мейнстрим, т. е. в проблематику государственной социальной политики;

— учитывая, что пятая часть статей (22 %) опубликована в журнале ВЦИОМ «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», можно утверждать: более востребованными оказываются результаты эмпирических исследований, а не теоретико-методологические статьи;

— статей по гендерной теории и методологии в последнее время (2015—2020 гг.) публикуется сравнительно немного (43 упоминания из общего массива в 319, или 13,5 %), при этом работы по гендерной теории имеют

низкую цитируемость, половина из них цитируются только один раз либо вообще не цитируются, что свидетельствует или о не востребованности этих публикаций, или об их низком качестве;

— аккумуляция публикаций по гендерной тематике в одном региональном журнале Ивановского государственного университета «Женщина в российском обществе» (39 %), в то время как в журналах, учредителем которых выступает Российская академия наук, опубликовано только 11 % статей, говорит о своего рода изолированности/обособленности гендерных исследований в России.

Теперь проверим вторую гипотезу о малой «видимости» гендерной социологии в российской науке. На рисунке 2 показано распределение статей в рейтинговых журналах по отраслевым социологиям за период 2015—2020 гг.

Рис. 2. Распределение статей в рейтинговых журналах по отраслевым социологиям, абс. число

На рисунке хорошо видно отставание гендерной социологии по общему числу публикаций. Однако, если мы добавим к анализу показатель цитируемости, то ситуация изменится. На рисунке 3 показана доля нецитируемых и малоцитируемых публикаций (цитирование 1) в отраслевых социологиях. Для сравнения в график включены и подвыборки статей по гендерной тематике, которые анализировались выше.

Понятно, что высокая цитируемость может быть вызвана и небольшим количеством самих статей, что называется — выбирать не из чего. Однако статей по социологии образования достаточно много (это третья по количеству

публикаций отрасль), но доля малоцитируемых статей здесь только 48 %, в то время как социология молодежи по количеству статей на 11-м месте (в выборке лишь 22 статьи индексируются по этой области), но из этого небольшого количества 59 % публикаций практически никак не используются.

Рис. 3. Распределение статей по отраслевым социологиям в рейтинговых журналах по доле нецитируемых и малоцитируемых публикаций, %

Если рассматривать только гендерные области, то следует отметить, что хуже всего ситуация с гендерными исследованиями (53 % нецитируемых и малоцитируемых статей), лучше всего с гендерной методологией (14 %). Гендерная социология находится в середине распределения (47 %), но в целом ситуация с цитируемостью здесь лучше, чем в других отраслевых социологиях. Она заметно отстает от лидера — социологии здоровья, хотя имеет практически такое же число публикаций. В то же время по доле научных статей, которые цитировались только 1 или 0 раз, она вместе с социологией личности находится на третьем месте, уступая только социологии здоровья и социологии неравенства. Другими словами, специалисты, работающие в области гендерной социологии, друг друга читают, в России существует сообщество гендерных исследователей.

Более подробно ситуация с уровнями цитирования представлена в таблице 4.

Таблица 4

**Представленность и цитируемость статей по отраслевой тематике
в рейтинговых русскоязычных журналах (2015—2020 гг.)**

№ п/п	Теория среднего уровня (отраслевая социология)	Общее число статей	Статьи с цитированием 10 и выше		Статьи с цитированием 5 и выше		Статьи с цитированием 0—1	
			абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
1	Экономическая социология	139	18	13	37	27	69	50
2	Политическая социология	101	14	14	24	24	51	50
3	Социология образования	92	16	17	24	26	44	48
4	Социология организации	72	8	11	18	25	40	56
5	Социология культуры	65	11	17	20	31	33	51
6	Социология труда	63	8	13	15	24	36	57
7	Социология права	49	6	12	8	16	37	75
8	Социология управления	41	8	19	15	37	21	51
9	Социология неравенства	33	6	18	12	36	13	39
10	Социология семьи	25	6	24	8	32	13	52
11	Социология молодежи	22	4	18	6	27	13	59
12	Социология личности	19	4	21	5	26	9	47
13	Социология здоровья	18	5	28	12	67	4	22
14	Гендерная социология	17	3	18	6	35	8	47
<i>Всего</i>		756						

Теперь рассмотрим уровни цитирования в отдельных отраслевых социологиях (табл. 5). Самая цитируемая статья по гендерной социологии отстает от самой цитируемой статьи по экономической/политической социологии почти в 6 раз (14 против 79).

Таблица 5

**Перечень самых цитируемых публикаций по отраслям социологии
в рейтинговых русскоязычных журналах (2015—2020 гг.)**

№ п/п	Отраслевая социология	Число цитирований	Публикация
1	2	3	4
1	Экономическая социология	79	Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 5—17
2	Политическая социология	79	Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 5—17
3	Социология неравенства	57	Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 2. С. 37—67
4	Социология здоровья	57	Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26, № 1. С. 7—31
5	Социология образования	37	Бедный Б. И., Рыбаков Н. В., Сапунов М. Б. Российская аспирантура в образовательном поле: междисциплинарный дискурс // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 125—134
6	Социология права	33	Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. Проблемы и перспективы исследований на основе big data: (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48—58
7	Социология семьи	33	Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99—110
8	Социология труда	32	Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014—2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1—17
9	Социология организации	31	Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 1. С. 7—33
10	Социология управления	26	Мальцева А. В., Шилкина Н. Е., Махныткина О. В. Data minig в социологии: опыт и перспективы проведения исследования // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 35—44
11	Социология молодежи	18	Нарбут Н. П., Троцук И. В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций. Ч. 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 131—155

Окончание табл. 5

1	2	3	4
12	Социология культуры	16	Киященко Л. П. Междисциплинарность — область взаимодействия философии и социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 3—11
13	Социология личности	14	Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5—18
			Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 202—231
14	Гендерная социология	14	Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5—18

Требует отдельного исследования низкое цитирование статей по социологии личности, культуры и молодежи. Пока можно только констатировать наличие нормального распределения статей по различным отраслям социологии исходя из уровня их цитирования (рис. 4).

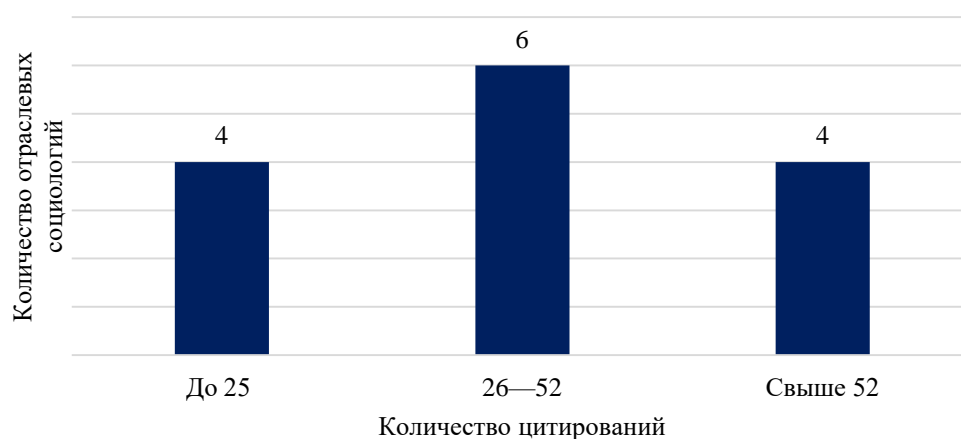

Рис. 4. Распределение статей по различным отраслям социологии на основе уровня их цитирования, абс. число

При анализе таблицы 5 можно обратить внимание на три момента.

1. Очевиден определенный «журнальный монополизм». Практически половина наиболее цитируемых статей (6 из 13⁴) опубликованы в одном журнале «Социологические исследования», хотя в настоящее время наукометрической базой Scopus индексируются 12 русскоязычных журналов по тематике «Социология».

⁴ Некоторые статьи индексируются сразу по двум отраслевым социологиям, поэтому общее число статей не 14, а 13.

2. Наиболее цитируемая статья по гендерной социологии вышла не в «Социологических исследованиях», а в специализированном журнале «Женщина в российском обществе». Она на порядок отстает по цитируемости от лидеров рейтинга — статей по экономической и политической социологии.

3. Тема неравенства является центральной для гендерной социологии, но гендерное неравенство оказывается невидимым, потому что общая статья по бедности и социальному неравенству цитируется в 4 раза чаще.

Таким образом, вторая гипотеза исследования тоже нашла свое подтверждение. Гендерная социология в России и по количеству публикаций, и по уровню цитирования заметно отстает от большинства других отраслевых социологий.

Дискуссия

Наукометрические инструменты позволяют дать только формальные оценки значимости научных исследований. За это они не раз подвергались критике (см., напр.: [Полянин, 2014]). Тем не менее сегодня данный способ анализа результатов научной работы является общепризнанным. Ограничения проведенного исследования не позволяют претендовать ему на полную достоверность, однако ряд выводов могут стать основой дальнейших обсуждений. *Первый* — выявленная региональная составляющая публикационной активности. 40 % значимых публикаций вышли в журнале регионального государственного университета. Их авторы представляют всю страну, и в первую очередь Москву и Санкт-Петербург. Смогли бы они опубликовать свои статьи в высокорейтинговых журналах, если бы не было «Женщины в российском обществе»? Качество самих публикаций сомнений не вызывает, потому что статьи журнала индексируются Scopus с 2017 г., и в 2020 г. он повысил свой квартиль. *Второй* — невостребованность статей по теории и методологии. Уже говорилось, что низкое цитирование может быть вызвано и качеством публикации, но в выборке данного исследования были только статьи из высокорейтинговых журналов, прошедшие жесткий отбор. Значит, дело не в качестве, а в востребованности. Для гендерной социологии это очень острый вопрос, потому что борьба научных подходов (социально-конструктивистского и эссенциалистского) в отечественной социологии далека от завершения. Отсутствие четкой методологической рамки обесценивает самые интересные эмпирические результаты, так как делает невозможной их адекватную интерпретацию, а значит, и развитие самой теории. *Третий* — взаимное цитирование и внутренняя общность гендерных исследователей. Полученные результаты свидетельствуют, что в российской социологии существует сообщество гендерных исследователей, потому что авторы читают и цитируют друг друга. Это можно оценивать двояко: с одной стороны, данное обстоятельство — явный признак научной школы (российской школы гендерных исследований в социологии), с другой — свидетельство своего рода замкнутости, если не сказать кастовости. Указанное явление берет свое начало с конца 1990-х гг., когда гендерные исследования в России активно поддерживались различными зарубежными фондами и получение хорошего гранта не представляло проблемы. Когда же финансирование стало сокращаться, борьба за ресурсы, естественно, обострилась и многие ученые ушли из гендерной тематики. Оставшиеся стали охранять свой «огород» от конкурентов. *Четвертый* —

капиллярное проникновение гендерной тематики в социологию. Самые цитируемые, т. е. видимые статьи не про гендерные проблемы, но они содержат в себе упоминание гендера. Это означает, что в российской социологии идет процесс проникновения «снизу», не от теории гендера, а от практики социальных отношений, когда без использования гендерной оптики научный анализ оказывается неполным.

Заключение

Основной вывод данного исследования состоит в том, что за прошедшие 20 лет маргинальность гендерной социологии в России если и уменьшилась, то ненамного, она по-прежнему остается вне основного русла отечественных социологических исследований. Не давая оценки этому факту, а только фиксируя его, отметим, что проведенное исследование позволило поставить множество новых вопросов — о причинах сохранения этой маргинальности, способах ее преодоления; о сравнении гендерной социологии с другими маргинальными социологическими теориями, например социологией тела или социологией сексуальности; о роли государства, государственных институтов, женского движения, общественных организаций в актуализации гендерной тематики; об учете исторических, социокультурных и страновых контекстов развития гендерной социологии и т. д.

Список источников

- Введение в гендерные исследования / под ред. И. А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1: Учебное пособие. 708 с.; Ч. 2: Хрестоматия. 991 с.
- Ефимова Г. З. Анализ эффективности наукометрических показателей при оценке научной деятельности // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 101—108.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 177—185.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15—24.
- Лысенко Н. Н. Маргинальность как проблема социальной философии // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2018. № 12. С. 96—101.
- Полянин А. Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша и использование других наукометрических показателей // Математическое моделирование и численные методы. 2014. № 1. С. 131—144.
- Савинов Л. В. Российская политология и ее наукометрические показатели // Политические исследования. 2012. № 3. С. 151—162.
- Сайнаков Н. А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97—101.
- Сафонова М. А., Винер Б. Е. Сетевой анализ социотирований этнологических публикаций в российских периодических изданиях: предварительные результаты // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 36. С. 140—176.

- Соколов М. М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей: (наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144—152.
- Тарасевич Ю. Ю., Шиняева Т. С. Критерии оценки состояния и развития научных исследований на основе анализа наукометрической информации // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 221—240.
- Функ Д. А. Наукометрия в оценке качества публикаций в социальных и гуманитарных науках // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 8—26.
- Шиповалова Л. В. Маргинальность и лидерство в науке // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9, № 4. С. 39—51.

References

- Efimova, G. Z. (2012) Analiz éffektivnosti naukometriceskikh pokazatelei pri otsenke nauchnoi deiatel'nosti [Analysis of the effectiveness of scientometric indicators in assessing scientific activities], *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 101—108.
- Funk, D. A. (2016) Naukometriia v otsenke kachestva publikatsii v sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Scientometrics in assessing the quality of publications in social sciences and humanities], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 8—26.
- Lysenko, N. N. (2018) Marginal'nost' kak problema sotsial'noi filosofii [Marginality as a problem of social philosophy], *Pozitsiia. Filosofskie problemy nauki i tekhniki*, no. 12, pp. 96—101.
- Polianin, A. D. (2014) Nedostatki indeksov tsitiruемости i Khirsha i ispol'zovanie drugih naukometriceskikh pokazatelei [Minuses of citation indices and Hirsch and the use of other scientometric indicators], *Matematicheskoe modelirovanie i chislennye metody*, no. 1, pp. 131—144.
- Safonova, M. A., Viner, B. E. (2013) Setevoi analiz sotsitirovaniia étnologicheskikh publikatsii v rossiiskikh periodicheskikh izdaniiax: predvaritel'nye rezul'taty [Network analysis of socializing ethnological publications in Russian periodicals: preliminary results], *Sotsiologiia: metodologiia, metody, matematicheskoe modelirovanie*, no. 36, pp. 140—176.
- Saïnakov, N. A. (2013) Marginal'nost' kak poniatie. Metodologicheskie perspektivy v istoricheskom issledovanii [Marginality as a concept. Methodological perspectives in historical research], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 375, pp. 97—101.
- Savinov, L. V. (2012) Rossiiskaia politologiia i ee naukometriceskie pokazateli [Russian political science and its scientometric indicators], *Politicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 151—162.
- Shipovalova, L. V. (2018) Marginal'nost' i liderstvo v nauke [Marginality and leadership in science], *Sotsiologiia nauki i tekhnologii*, vol. 9, no. 4, pp. 39—51.
- Sokolov, M. M. (2009) Rossiiskie sotsiologi na mezhdunarodnom i natsional'nom rynke idei: (Naukometriceskii analiz) [Russian sociologists in the international and national market of ideas: (Scientometric analysis)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 144—152.
- Tarasevich, Iu. Iu., Shiniäeva, T. S. (2015) Kriterii otsenki sostoianiia i razvitiia nauchnykh issledovaniia na osnove analiza naukometriceskoi informatsii [Criteria for assessing the state and development of scientific research based on the analysis of scientometric information], *Voprosy obrazovaniia*, no. 2, pp. 221—240.

- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (1999) Issledovaniia zhenshchin i gendernye issledovaniia na Zapade i v Rossii [Women studies and gender studies in the West and in Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 177—185.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2000) Sotsiologiia gendernykh otnoshenii i gendernyi podkhod v sotsiologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 15—24.
- Zherebkina, I. A. (ed.) (2001) *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to Gender Studies], St. Petersburg: Aleteiia.

Статья поступила в редакцию 05.04.2021; одобрена после рецензирования 02.10.2021; принята к публикации 19.10.2021.

The article was submitted 05.04.2021; approved after reviewing 02.10.2021; accepted for publication 19.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Кашина Марина Александровна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Social Technologies, North-West Institute of Management — Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ
GENDER SOCIOLOGY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 37—51.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 37—51.

Original article

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.3

**FREE RURAL-URBAN MIGRATION
OF WOMEN IN VIETNAM:
CURRENT SITUATION AND RAISED ISSUES**

Tran Thi Minh Tuyet

Academy of Journalism and Communication, Hanoi, Vietnam,
tuyetminh1612@gmail.com

Abstract. Migration is an inevitable consequence in the development of each nation. For a country that is accelerating the process of industrialization like Vietnam, increasing the speed of urbanization, the flow of migration from rural to urban areas is an inevitable trend. Based on the recent Results of the Census of Population and Housing (2019) and other research papers, the author wants to study in depth the current situation of free rural-urban migration of women in Vietnam and identify issues needed to be addressed in order to promote the positive effects, limit the negative sides of this process and ensure the rights of women migrants.

Key words: women, urbanization, free migration, rural-urban migration, Vietnam

For citation: Tran Thi Minh Tuyet (2021) Free rural-urban migration of women in Vietnam: current situation and raised issues, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 37—51.

Научная статья
УДК 314.15

СВОБОДНАЯ МИГРАЦИЯ ЖЕНЩИН ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ГОРОДА ВО ВЬЕТНАМЕ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ПОДНЯТЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тран Тхи Минь Туэт

Академия журналистики и коммуникации, г. Ханой, Вьетнам,
tuyetminh1612@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса миграции вьетнамских женщин из сельской местности в города. Отмечается, что до последнего времени в государстве Вьетнам не проводилась конкретная и последовательная политика регулирования процесса свободной миграции в целом и миграции женщин в частности, хотя число мигрантов составляет значительную долю от общей численности населения. Эта тема является относительно новой для исследования, она имеет теоретическую и практическую значимость. При изучении процесса миграции женщин из сельской местности в города автора интересовало изменение образа жизни мигранток. С «гендерной» точки зрения трудящиеся женщины-мигрантки больше страдают от неблагоприятного положения, чем мужчины, поскольку имеют более низкую заработную плату, более «нестандартную» работу, более трудные условия жизни в городах. Женщинам приходится также сталкиваться с более предвзятым общественным мнением. В настоящее время в стране формируется соответствующая миграционная политика для женщин, которая не только отвечает требованиям развития страны, но и способствует защите прав женщин, преодолению трудностей, с которыми они сталкиваются при миграции в города. Поскольку женщины, свободно мигрирующие в городские районы, не отвечают требованиям высококлассного сегмента рынка труда, они часто участвуют в следующих видах работ:

- уличная торговля;
- неквалифицированный труд в строительной сфере;
- работа в должности прислуги в семьях, ресторанах, гостиницах, магазинах;
- обработка товаров на рынках;
- работа на фабриках и производствах, а также переработка морепродуктов.

Из-за непонимания трудового законодательства большинство женщин-мигранток не имеют трудового договора. Во многих случаях работодатели не подписывают трудовой договор, предоставляя только 3 месяца испытательного срока, а затем увольняют женщин, чтобы избежать оплаты социального и медицинского страхования сотрудников. Участвуя в спонтанном рынке труда без государственного контроля и с небольшой способностью защитить себя, трудящиеся женщины-мигрантки часто сталкиваются с большим риском, чем мужчины. Многим женщинам среднего возраста приходится выполнять тяжелую и напряженную работу. Что касается доходов трудящихся женщин-мигранток, то, за исключением работниц на фабриках с четко установленной заработной платой, их реальные доходы остаются загадкой, поскольку они выполняют разные работы на основании разных договоренностей и обычно держат свои доходы в секрете. Однако можно предположить, что их доходы выше, чем в сельской местности. Благодаря бережливости и упорному труду они также накапливают больше финансовых средств,

чем мужчины-мигранты. Предотвращение миграции женщин из сельских районов в городские невозможно как с экономической точки зрения, так и с точки зрения прав человека. Трудящиеся женщины-мигрантки сталкиваются со многими трудностями и препятствиями. В настоящее время на основе практического анализа ситуации государство Вьетнам должно выработать соответствующую миграционную политику, с тем чтобы женщины-мигрантки могли в полной мере пользоваться своими правами и обязанностями согласно Конституции и закону, вносить свой вклад в развитие страны. Автор приходит к выводу о необходимости свободной миграции женщин из сельской местности в города — в аспекте прав человека вообще и феминизма в частности. Однако свободная миграция женщин из сельских районов в города ставит ряд вопросов, которые необходимо решать. С помощью введения законодательных и политических норм права этой группы населения Вьетнама должны быть гарантированы.

Ключевые слова: женщины, урбанизация, свободная миграция, миграция из сельской местности в города, Вьетнам

Для цитирования: *Тран Тхи Минь Туэт. Свободная миграция женщин из сельской местности в города во Вьетнаме: текущая ситуация и поднятые проблемы // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 37—51.*

Introduction

Vietnam started the *Doi Moi* process in 1986 and got out of the socio-economic crisis after 10 years. Since then, a new period has opened up in the development of the country: the period of accelerating industrialization and modernization. The Communist Party of Vietnam (CPV) — the leading force in Vietnam has clearly defined the path of industrialization and modernization in our country needs to and can be shortened [Communist Party of Vietnam, 2001]. Implementing that policy, the urbanization process in Vietnam has been taking place rapidly with many large industrial zones in some cities such as Hanoi, Hai Phong, Quang Ninh, Da Nang, Ho Chi Minh City, Bien Hoa, Binh Duong, etc. Great demand for labor in urban areas with higher income levels than that in rural areas has created a “pull force” and led to the process of free migration from rural to urban areas, in which women migrants make up a relatively large proportion. According to the latest *Results of the Census of Population and Housing* (on April 1, 2019), women account for 55.5 % of the total migrant population, higher than the rate of 50.1 % of the non-migrant population [Central Steering Committee, 2019]. The issue of “gender”, the phenomenon of “feminization of migration” needs to be carefully considered because it relates to feminist issues. More notably, Vietnamese women are often very attached to their families and homeland, value stability, hesitate to go far; taking care of children and parents-in-law as their responsibility. So what prompted them to leave their families to migrate to the cities? How does their departure affect the lives of their families and children? What difficulties did women living in urban areas face? Are their rights guaranteed in a temporary place of residence? These questions need to be carefully studied in order to have appropriate policies to promote the phenomenon of women migrants becoming a factor of development and to limit the negative aspects and consequences in the implementation of women’s rights in Vietnam.

The urgency of this topic also stems from the following reason: Vietnam has industrialized for 25 years but has not achieved the target of becoming a modern-oriented industrial country by 2020. Although the average GDP growth rate during the Doi Moi period has been quite high, in the period 2016—2020 alone, it is about 6 % year in average, but many other important indicators, including the urbanization rate, have not reach the plan. According to the Prime Minister's Decision no. 445-TTg (signed on April 7, 2009), *On the master plan for development of Vietnam's urban system to 2025 and a vision to 2050*, the urban population in Vietnam must reach 45 % by 2020. However, the Results of the Census of Population and Housing (April 2019) shows that, it only was 34.4 % — a relatively low level compared to other countries in Southeast Asia [ibid.]. The Thirteenth National Congress of the CPV has defined the goal of Vietnam to become a modernity-oriented industrialized developing country and graduate from the lower-middle income group, to become a developed and a high-income country by 2045. That means, urbanization will continue to take place even more intensely; rural-to-urban migration are not only the issue of today but also will be a matter of the future. In that objective trend, it is not possible to suppress it; researching its current state to find scientific solutions for the future is an urgent requirement.

The urgency of studying the current situation of free migration from rural to urban areas of woman in Vietnam also stems from the following reasons: Up to now, the state of Vietnam has not had specific and consistent policies to regulate the free migration process in general and women's migration in particular, although the number of migrants accounts for a significant proportion of the total population. Specifically, the Results of the Census of Population and Housing (April 2019) shows that among the 88.4 million people aged from 5 and over, the number of migrants is 6.5 million, accounting for 7.3 % [ibid.]. That is not to mention the number of short-term, seasonal migrants that has not been updated in national data. Therefore, in fact, the number of rural-to-urban migrants in Vietnam, a large part of which are women, is even greater than the statistical figure. From a "gender" perspective, women migrant workers suffer more disadvantages than men ones, such as lower wages, more "precarious" work, more difficult living conditions in the cities, and they also have to face more prejudiced than men migrant workers. At this time, the establishment of the appropriate migration policy for women not only meets the development requirements of the country but also contributes to the protection of women's rights, overcoming injustices and difficulties faced by the rural women labors when migrating to the cities.

With the above reasons, studying the current situation of free migration from rural to urban areas of women in Vietnam is really an objective requirement, an activity with profound theoretical and practical significance.

Literature review

Free migration from rural to urban areas is a trend that has taken place quite strongly in Vietnam for many years, so this issue has attracted the attention of many domestic and foreign researchers. However, free migration of women is a relatively new issue that has not received adequate attention, even though the phenomenon of "feminization of migration" has taken place for a long time. With different

research angles, the following works have mentioned the status of free rural-urban migration of women.

The article “Some theoretical perspectives on migration and women migrants” by Nguyen Thanh Tam [Nguyen Thanh Tam, 2003] introduced some theories of foreign scholars when studying on migration and women migrants, and the author commented: while men migrants have received considerable attention from many researchers, women migrants are not the independent subject of these studies, despite the fact that women accounts for half of the people in the urban-rural and international migration flows. Policy makers and experts often only see women as passive migrants, just following men ones. From that fact, the author believes that approaching migration from a “gender” perspective is an important analytical tool to understand the reality of migration from rural to urban areas in Vietnam.

Dang Nguyen Anh’s book titled “Internal Migration: Opportunities and Challenges for Innovation and Development in Vietnam” analyzed in-depth the relationship between migration and Vietnam’s development in the Doi Moi period and came to the conclusion: migration is both a cause and a consequence of the development process. The author paid special attention to migration of women. On the basis of analyzing the reasons why women migrate and their lives in the cities, the author drew the following conclusion: “Migration still occurs as an opportunity to help women improve their economic conditions, even though their life in the cities is full of uncertainties and risks” [Dang Nguyen Anh, 2005: 23].

The author Dang Thi Thanh Nhan in the article “Free rural-urban migration in recent years” [Dang Thi Thanh Nhan, 2008] analyzed the causes of migration, the characteristics of rural-urban migrants and the socio-economic impacts of the migration process, she also referred to the “gender” aspect of migration. The author believed that women migrants are the most vulnerable group to human rights abuse because they are both migrants and women. When the human rights of women migrants need to be protected, their voices need to be heard, the study of migration from the perspective of “gender” is an interesting and necessary direction.

The book “Gender and Migration — an Asian Vision” edited by Nguyen Thi Hong Xoan gathered 8 articles in an international conference held in May 2012, co-hosted by the Rosa Luxemburg Stiftung Foundation (Germany) and the University of Social Sciences and Humanities (National University of Ho Chi Minh City). The articles showed a multi-dimensional view of migration from the perspective of “gender” based on the reality of Asian countries, including Vietnam. The authors explained why the proportion of female migrants exceeds that of male ones and argued that a “gender-based approach” will provide a more comprehensive and in-depth view of the migration situation of female workers [Nguyen Thi Hong Xoan, 2013].

The most direct and systematic study on this topic is the book of Ha Thi Phuong Tien, Ha Quang Ngoc with the title “Free Rural-Urban Migration of Female Workers” [Ha Thi Phuong Tien, Ha Quang Ngoc, 2008]. By studying female migrant workers in the three largest cities of the country: Hanoi, Ho Chi Minh City and Da Nang, the authors provided us with a fairly comprehensive picture of the causes of migration, the life of female workers who freely migrate from rural to urban areas and the impact of this process on the destination and departure and their families in rural areas.

The research results also allowed the authors to identify the development trend of the phenomenon of “feminization migration” and solutions, especially in terms of policies and laws to ensure urban order and security and help women migrants not being “on the sidelines” of society as they are today. It can be affirmed that up to now, this is the most elaborate research on free rural-urban migration of women. However, this research had been completed since the year of 2000; after more than two decades, the data and picture of women migrants has changed a lot.

In addition to the direct research on women migrants, other studies such as the book “Social Policy for Rural-Urban Migrants in Vietnam Today” by the author Mai Ngoc Cuong [Mai Ngoc Cuong, 2013] and the book “From the Countryside to the City. Socio-Economic Impacts of Migration in Vietnam” by authors Le Bach Duong and Nguyen Thanh Liem [Le Bach Duong, Nguyen Thanh Liem, 2011] also provided an overview of free migration in general, therefore, studying women’s free migration would be more complete and profound.

With the undeniable achievements of the Doi Moi process in Vietnam, the urbanization and migration that took place during the Doi Moi period have attracted the attention of many international researchers.

Russian scholar V. P. Larin stated that the speed of urbanization in Vietnam has appeared since the early 1990s and is related to the appearance of foreign direct investment (FDI) in Vietnam [Ларин, 2017].

A team of authors (including Russian and Vietnamese ones) has studied in depth the effects of climate change on migration in Vietnam and stated that Vietnam is one of the most densely populated countries and most affected by climate change in the world. Therefore, in the future, Vietnam will face the need to resettle millions of people from dangerous places, mainly from coastal areas [Лукьянец и др., 2015]. Also discussing migration due to the effects of climate change, another group of authors looked deeply at the attitudes of urban residents towards environmental migrants and conclude: although residents in receiving areas view short-term climate events and long-term climate conditions as legitimate reasons to migrate, they do not see environmental migrants as more deserving than economic migrants. These findings have implications for how practitioners address population movements due to climatic changes, and how scholars study people’s attitudes towards environmental migrants [Spilker et al., 2020]. Therefore, the reintegration of migrants into the community in the new place of residence is also not easy.

Also discussing migration from rural to urban areas, but some other authors were interested in the ability to integrate into the society and the change of lifestyle of migrants when moving from rural to urban areas. They argued that migration to the city and assimilation into city life also changed young migrants’ views on lifestyles and behaviors often considered misconducts in their rural hometowns, such as premarital sex. Female migrants faced higher stigmatization compared to male migrants, often described by fellow migrants as becoming “loose” in the new city [Nhu Ngoc K. Pham et al., 2018].

In short, free rural-urban migration of women in Vietnam is a relatively new topic; so far, the number of direct studies on this issue is not much. This is also one of the reasons for us to choose this topic as a research object on the basis of inheriting the achievements of predecessors.

Materials and methods

To achieve definite research goals, we use the following materials and methods:

— the analysis in this article is mainly based on the quantitative data of the *Results of the Census of Population and Housing* (April 2019), although it is not a really completed and specific one. The author also uses a number of documents and comments in other authors' research on this issue to explain and prove her point of view;

— the author approaches the issue of free rural-urban migration of women from the perspective of human rights in general, and feminism in particular. On the basis of the provisions of the Constitution of the Socialist Republic of Vietnam on citizenship and the Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination against Women, we believe that free rural-urban migration of women in Vietnam is posing a number of issues to be solved; the rights of this group of people must be better guaranteed, first of all from policies and laws of Vietnam.

Research results

Causes of free rural-urban migration of women in Vietnam

As defined by the General Statistics Office of Vietnam, migration is the change in the permanent residence of a person from one territorial (administrative) unit to another one in a certain period of time [General Statistics Office, 2010]. Women who migrate freely from rural to urban areas are a group of people of working age who migrate spontaneously, voluntarily, not organized by the government in order to find jobs with higher incomes and better living opportunities in urban areas. Regarding the causes of free rural-urban migration of women, it can be identified as economic and non-economic reasons.

The economic reason for this process is reflected in the intersection of “attraction” from destination and “repulsion” from departure. After Vietnam started the Doi Moi process, the labor market was established and recognized by the State. The establishment of industrial and export processing zones has led to a large demand for workers with higher income levels in rural areas. In the labor market, there has been “pull factors” towards the cities. In particular, the strong development of public service industries such as restaurants, hotels, commerce and light industries such as textiles, footwear, agro-fishery-seafood processing, etc., has led to the need for a lot of female workers. Meanwhile, “push factors” appeared in rural areas due to a number of main reasons as follows: to implement the Resolution 10-NQ/TW of Politburo of CPV (April 1988) on agricultural contracting, the State has allocated long-term production land to farmers. However, the area of arable land divided among farmers has been decreasing because the area of agricultural land remains unchanged, even reduced by the process of urbanization, while the population increased. The mechanization of agricultural production (using plows, seeders, threshers, etc.) has also reduced the required time and labor in agriculture production. Meanwhile, in rural areas, hand-craft and craft villages has gradually disappeared due to difficulties in product consumption. Because of the above reasons, the leisure time of rural women has been increasing, the number of redundant women labors in rural areas has been growing. More importantly, with the limited consumption network and the lack of modern agricultural product processing process, the value of the agricultural sector in Vietnam is

quite low, Vietnamese agricultural products often fall into the situation of “bumper crop — price fall, poor crop — price increase”. Rural families do not have enough income to cover their basic needs and children’s education. In addition, risks due to climate change such as droughts and floods in the North, coastal erosion and saline alum in the South, pests in cultivation and diseases in livestock also makes the (already low) income of rural women become unstable. In fact, in the years of natural disasters and major crop failures, the flow of free migrants into cities often increases suddenly. In general, although the living standard in rural Vietnam has been somewhat improved, the movement to build “*Nông thôn mới*” (“New Rural Area”) in recent years has also created positive changes in rural Vietnam, but income disparity is at 5—7 times between urban and rural areas [Ha Thi Phuong Tien, Ha Quang Ngoc, 2008] has motivated a part of women to voluntarily leave their homeland and move to urban areas to find jobs with higher incomes. Due to the situation of having little arable land, low income and no side jobs, free rural-urban migration of women has become the solution and “strategy” for economic development of many families in rural areas in Vietnam.

Free rural-urban migration of women also stems from “non-economic” reasons. The expansion and democratization of society during the Doi Moi period is also an important driving force and condition affecting the free migration of workers in general and of women in particular. In the new social conditions, each individual has the right to freely move his/her residence and change his/her job; surplus labor force in the countryside has the right to look for better job in the cities. Therefore, a part of women, mainly young people, decides to move to urban areas — where there is better technical infrastructure, richer cultural and spiritual life, more modern media, better education and health facilities, and more convenient services, etc., to study, live and start a career. Going to the city to find a job to have more money to support her children to attend university or to follow her husband to look for a job and reunite the family, etc., are also the reasons leading to the free migration to the city of a certain group of women.

In general, free rural-urban migration of women in Vietnam is not a special and unusual phenomenon, it is completely in accordance with the law of economic development and human instinct, that is always looking for a place with more favorable conditions to live.

Number and characteristics of free rural-urban migration of women in Vietnam

Although the *Results of the Census of Population and Housing* (April 2019) did not give specific numbers on women migrants, it showed that the total number of migrants is 6.4 million (accounting for 7.3 % of the population) and women migrants account for 55.5 %, higher than the rate of non-migrant population (accounting for 50.1 % of the population). From this data, we can estimate that the current number of women migrants in Vietnam is 3 552 000. Some of their outstanding characteristics are listed below.

In terms of age, although the woman migrants are quite diverse, they are still mainly people of working age. *The Results of the Census of Population and Housing* in 2019 showed that 61.8 % of migrants is in the age group of 20—39 [Central Steering Committee, 2019]. As a result, the cities have been supplemented with labor

resources at the most energetic age. However, as assessed by some researchers, despite a higher income in the city, young migrants often suffer from physical and mental health strains that decrease their overall well-being, caused by the factors such as barriers to assimilation to new lifestyles, continued attachment to origin hometowns, financial pressures, and poor living conditions [Nhu Ngoc K. Pham et al, 2018]. This is an issue that needs to be overcome because young people are the key workforce of industrial zones and the quality of this human resources will determine the effectiveness of the country's economic development strategy.

In terms of time of residence, in addition to the number of permanent women migrants, there is also a large proportion of seasonal women migrants who go to the urban areas to find temporary jobs in their leisure time. However, due to the short period of residence, unstable jobs and no declaration of residence, the number of seasonal women migrants has not currently listed in the research of scientists as well as in the survey data of the Vietnam's state bodies.

In terms of cultural qualifications and skills, data from the Census in 2019 showed that 64.9 % of rural-urban migrants do not have any professional or technical qualification [Central Steering Committee, 2019]. The women migrants are no exception. Therefore, if young women (who already have a high school or university degree) often work as workers in industrial zones, middle-aged and older women without a degree are often self-employed, working as domestic helpers or participating in spontaneous labor markets.

In terms of migration mode, free women migrants rarely seek the help from formal organizations, but mainly rely on their own social relations such as family, relatives, and compatriots, friends. Informal social network helps migrants have information before moving, then it helps newcomers find jobs and accommodation, impart experiences of working and living in the new area. In fact, free women migrants often live in groups from the same hometown or profession to protect each other and save living costs.

Job and life of women free migration workers

Due to pre-departure information and the help of other people, the majority of women free migration workers quickly find a job in the city. Because they do not meet the requirements of the high-end labor market segment, women who migrate freely to urban areas often participate in the following five types of work: (1) sidewalk trading, street hawking, buying and selling scrap, picking up trash; (2) domestic helpers in families, restaurants, hotels, commercial shops; (3) simple labor for construction sector (mason, transportation of construction materials); (4) handling goods at residential markets and bus stations; (5) workers in industrial parks, factories and production units (producing garment, footwear, plastic products or processing agro-aquatic-seafood products, etc.) Due to a lack of understanding of labor laws, most women migrants do not have a labor contract or have their labor contract violated. According to Luu Bich Ngoc's survey, "the proportion of people having social insurance in the group of migrants is low (43 % for permanent and 37 % for temporary migrants)" [Luu Bich Ngoc, 2016: 50]. In many cases, employers do not sign a labor contract but only give 3 months of probation and then fire them to avoid paying social and health insurance for the employees. Participating in the spontaneous labor market,

without state's control and with little ability to defend themselves, women migrant workers often face more risks than men ones. Some young, beautiful women workers with little life experience have been lured and deceived into prostitution; many middle-aged women have to do heavy and strenuous jobs such as porters, garbage collectors, street vendors, those are easily bullied by local "gangsters".

Regarding the income of women migrant workers, besides the number of workers in factories and industrial parks with a clear salary regime, the real income of others is still a "mystery" because they do different jobs, with different arrangements and they usually keep their earnings secret. One thing is for sure, their income is higher than that in rural areas. Thanks to their thrift and hard work, they also accumulate more money than men migrant workers.

Besides employment and income, the living conditions of women workers in cities is also a matter of concern because it affects the women migrants and the social life of the cities. Accommodation for women migrants is the most difficult issue. It is difficult for women migrants to buy houses because they do not have enough financial resources while the price of houses in urban areas are often very high. Since the Vietnam's law does not have any regulations that require employers to provide accommodation for workers, it only offers a number of incentives and encouragements for implementation, so most of employers do not pay attention to this issue. As a result, the majority of workers have to rent private houses. According to Mai Ngoc Cuong, only about 20 % of workers in industrial zones can rent houses from the state or enterprises; the remaining 80 % of workers have to rent temporary private houses [Mai Ngoc Cuong, 2013]. For women migrants entering the informal labor market, of course they have to take care of their own accommodation. Only women working as domestic helpers have suitable accommodation; the rest have to live in spaces that are not built according to prescribed standards, often are cramped and makeshift. In order to secure their own lives and have money to send home to support their families, the majority of free women migrants devote themselves to work to earn money, so they do not often participate in recreational activities. They also rarely participate in social activities because they do not have a household registration in the city. They are also very limited in communication with urban people, but mainly communicate with people from the same hometown, living in the same accommodation or working together. Because they are not registered for health insurance in the city, women migrants do not receive medical care, especially regarding reproductive health. Reality shows reproductive health care projects and programs often ignore migrant workers due to their unofficial legal status in the destination area. The rate of abortion in industry zones, where female labor is concentrated, is often very high [Dang Nguyen Anh, 2005].

The impact of free rural-urban woman migration on destination and departure

Like other social phenomena, free rural-urban migration of women has both positive and negative impacts on the socio-economic development of the country in general and their own lives in particular.

The positive effects of free women migration appear quite diverse. From the economic perspective, migration brings many benefits. On the national scale, migration can be considered as an effective measure to redistribute labors between regions,

contributing to solve underemployment in rural areas and labor shortage in urban areas. Women workforce moving to urban areas not only ensures labor supply for industrial zones but also undertake most of the jobs which are considered difficult, dusty and cheap that urban residents do not want to take. It is worth mentioning that, when using this workforce, the cities do not have to pay training costs. Moreover, the majority of women migrants are agile, energetic, brave, hardworking, good at endurance; therefore, they also contribute to creating a dynamic and flexible urban culture.

Not only contributing to the destination, the income generated by hard work and savings of women migrants also contributes to increase the income of the departure, helps their children go to school, reduces the gap in living standards between urban and rural areas, contributing to “hunger eradication and poverty alleviation” for their own families and their homeland.

In addition to economic benefits, when women migrants return home after working in the cities, they also bring with them new knowledge, new job skills to be able to start a career in their homeland. With the capital accumulated after working hard in the cities, they often start their own businesses in their homeland and create jobs for other people. Especially, after living in urban areas, women migrants become more aware of feminism issues, the need to start a career and assert their abilities. They also somewhat change the inappropriate views in the countryside such as gender-based discrimination to well implement the policy of family planning and create favorable conditions for girls to go to school.

However, the current status of spontaneous (lacking the control and orientation of the government) migration, has brought many *negative impacts* on both destination and departure. With the destination, the rapid increase in the number of people entering the urban areas has caused complicated issues for the local government and residents, such as traffic jams, encroaching on sidewalks (for trading), increasing environmental pollution and crime. The development of infrastructure such as schools, hospitals, etc., has not kept up with the increase in the number of migrants coming to the cities.

For rural areas — places of departure, there are also some consequences from women’s free migration. The free rural-urban migration of women, mostly young people, also caused a decrease in the number of healthy young workers in the locality. Female students, after studying in the city, are also less likely to want to return to their homeland. This also partly causes difficulties for the strategy of agricultural and rural industrialization. Most notably, the departure of the women led to a reversal in the lives of those who remained in the countryside. Elderly parents lack caregivers; children lack the mother’s education; husbands who stay at home, have to suffer emotional disadvantages and have to do housework (instead of women). Many people can’t stand being away from their spouse, it can lead to marriage breakdown. It is the “price” that many women have to pay when deciding to leave the rural areas to go to the cities.

Issues raised in the process of free migration of women in Vietnam nowadays

Urbanization is an indispensable process for a country in the period of industrialization. However, the free migration of women from rural to urban areas in Vietnam is facing some of the following difficulties and obstacles.

First, *the government's attention to the free migrants, including women ones, is still not satisfactory*. The free migration is recognized as a socioeconomic phenomenon, but free migrants have not received effective encouragement or support from the government. Although the 2013 Constitution of Vietnam has stipulated that Vietnamese citizens have the right to freedom of residence and equal rights in all aspects of politics, economy, culture and society, until now, the policy of the government has not fully demonstrated the rights of free migrants. The evidence is, up to now, no ministry has been assigned specific responsibility in protecting this group of citizens. For example, the *Ministry of Agriculture and Rural Development* is only responsible for the migration organized under its mandate assigned by the government; the *Ministry of Public Security* is only responsible for household registration and ensuring social order; the *Ministry of Health* has not mentioned the right of free migrants to access medical services. Some social policies promulgated by the State's agencies also omit the group of free migrants. Specifically, the *Vietnam Population — Reproductive Health Strategy for the period 2011—2020* (issued in 2011) has not mentioned “the group of women migrants”; the decision to approve the *Vietnam Family Development Strategy to 2020, vision to 2030* (issued in 2012) has also not focused on migrant families or families with women migrants. In the *Socio-Economic Development Strategy for the period 2001—2010* and the *Socio-Economic Development Strategy for the period 2011—2020* of the CPV, the issue of internal migration was mentioned but for the purpose of “restricting the movement of farmers to cities” [Communist Party of Vietnam, 2011] rather than providing a legal framework to scientifically manage the migration process or protect the interests of migrants. At the destination of the spontaneous migration wave, the local government recognizes the phenomenon of free migration with concern and proposed solutions to limit the rapid migration into big cities. In summary, up to now, the interests and concerns of women migrants have not been fully reflected in Vietnam's national policies, although this trend of migration still tends to increase.

Second, *the current household registration policy has created barriers for women migrants to exercise their citizenship*. According to Vietnam's law, many official transactions require the household registration of related people; citizens must have a permanent residence register to enjoy public services on real estate trading, house construction, vehicle registration, bank loans, medical care, or get social incentives such as using electricity and water at preferential prices, etc. Besides, the distribution of local budgets and government services according to the household registration system also creates difficulties for local government in urban areas, because there is no funding to support migrants. The abuse of household registration in administrative activities and social policy has made migrants in general and women migrants in particular become “second class of urban citizens”. The difference in welfare benefits between local residents and migrants has countered Vietnam's goal of building a fair and equal society. On November 13, 2020, the Vietnam National Assembly passed a new *Law on Residence* to replace the *Law on Residence* of the 2006 and the *Law Amending and Supplementing a number of articles of the Law on Residence* of the 2013. The *Law on Residence* of the 2020 has issued some new regulations: Vietnam will officially remove the management household registration, the temporary residence on paper from December 31, 2022, the management of citizens' residence

will be based on individual identification numbers and national database; each citizen has only one permanent residence, one temporary residence and the data will be regularly updated; Hanoi and Ho Chi Minh City will abolish their own conditions to register for household registration; the government agencies commit to reduce the time to process the permanent and temporary residence registration to only 7 days (compared to 15 days as before), etc. However, the new *Law on Residence* has not yet abolished the consideration of permanent residence as the basis for implementing public services and social policies. The 2013 Constitution of Vietnam stipulates that citizens have the right to be guaranteed social security (Article 34), the State protects the rights of mothers and children (Article 36), but in reality, women migrants have not yet fully enjoyed all their rights in their new place of residence; their children find it difficult to access affordable public education services.

Third, *the lack of specific data on the influx of free rural-urban migration of women makes it difficult to formulate policies of the government*. In order to have good governance, there must be accurate data. However, the data on free women migration in Vietnam has not kept up with actual developments. It is necessary to investigate the number of seasonal and climate change migrants, the reproductive health data and housing status of women migrants, the number of women migrants with social and health insurance, etc. These data should be regularly updated into the national data system to create a basis for analysis, evaluation, formulation of policy and allocation of budget according to actual population. Therefore, it is necessary to promote research activities on migration, including women's migration, considering it as one of the important contents of the state-level scientific research programs. Donors and international organizations also need to increase support for the collection, compilation and dissemination of women migration data as a basis for good analysis on this topic.

Discussion

Unlike the negative and concerned assessments many years ago about free rural-urban migration of women, up to now, most researchers have viewed the issue in both positive and negative angles. We think that perception is consistent with what is happening in reality. With this inevitable trend, the government must have a reasonable policy to both protect human rights and make this migration flow in a planned, organized way, benefit the development of the country.

We agree with the policy of the State of Vietnam on the transformation of the centralized strategy of industrialization and urbanization to a decentralized strategy to provinces, to grade 2 and 3 cities and “accelerating the process of industrialization and urbanization of rural areas, creating favorable conditions for rural people to become urban residents without leading to large-scale migration” [Communist Party of Vietnam, 2021: 167]. By forming a satellite urban system and industrializing the agricultural sector and rural areas, developing craft villages and sub-economics, Vietnam can both increase the urbanization index, the farmers do not have stop farming or leave the countryside, while avoiding the formation of “megacities” with its consequences. However, what we still wonder is that the interests of free migrants, most of whom are women, are not fully reflected in Vietnam's national policies. The Prime Minister's Decision 1679/QĐ-TTg on *Approval of the Vietnam Population Strategy*

to 2030 (issued in November 2019) has set a target to ensure that migrants have full and equitable access to basic social services, but up to now, specific solutions have not been identified. At this time, improving and implementing a system of social policies for women migrants such as building temporary settlements, effectively implementing policies on vocational training for women migrants, tightening requirements on labor contracts when employing female migrant workers, ensuring their health insurance, etc., are urgent tasks. The lack of attention to interests of this group of people will conflict with the government's policy of "no one is left behind", making all people enjoy the achievements of the Doi Moi process.

Conclusion

Free rural-urban migration of women labors is a socio-economic phenomenon. Industrialization in Vietnam is a catalyst for this process. As long as there is uneven development between regions, the migration wave will continue. Preventing the flow of women migration from the rural to the urban areas is not feasible both from an economic and human rights perspective. However, women migrant workers are also facing many difficulties and obstacles in their life. At present, on the basis of practical review, the State of Vietnam must work out an appropriate migration policy so that women migrants can fully enjoy their rights and responsibilities in accordance with the Constitution and the law, contribute to the development of the country. Improving the migration policy in general and women's migration in particular will contribute to building a fair, civilized, prosperous, and happy society as the goal set by the State of Vietnam.

References

- Central Steering Committee for the Census of Population and Housing (2019), in: *Results of the Census of Population and Housing at 0:00 on April 1, 2019*, Hanoi: Statistics Publishing House.
- Communist Party of Vietnam: Documents of the Eleventh National Congress* (2011), Hanoi: National Political Publishing House.
- Communist Party of Vietnam: Documents of the Ninth National Congress* (2001), Hanoi: National Political Publishing House.
- Communist Party of Vietnam: Documents of the Thirteenth National Congress* (2021), vol. 1, pt. 1, Hanoi: National Political Publishing House.
- Dang Nguyen Anh (2005) *Internal Migration: Opportunities and Challenges for Innovation and Development in Vietnam*, Hanoi: World Publishing House.
- Dang Thi Thanh Nhan (2008) Free rural-urban migration in recent years, *Journal of Gender and Family Studies*, no. 6, pp. 31—42.
- General Statistics Office. *Vietnam's Population and Housing Census of the 2009: Main Results* (2010), Hanoi: Statistical Publishing House.
- Ha Thi Phuong Tien, Ha Quang Ngoc (2008) *Free Rural-Urban Migration of Female Workers*, Hanoi: Women's Publishing House.
- Larin, V. P. (2017) Osnovnye aspekty razvitiia v'etnamskikh gorodov [The main aspects of the development of Vietnamese cities], *V'etnamskie issledovaniia*, no. 7, Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk, pp. 225—242.

- Le Bach Duong, Nguyen Thanh Liem (2011) *From the Countryside to the City. Socio-Economic Impacts of Migration in Vietnam*, Hanoi: Labor Publishing House.
- Luk'ianets, A. S., Nguen Kan', Riazantsev, S. V., Tikunov, V. S., Fam Khoang Khai (2015) Vliianie klimaticheskikh izmenenii na migratsiiu naseleniia vo V'etname [The impact of climate change on population migration in Vietnam], *Geografiia i prirodnye resursy*, no. 3, pp. 191—196.
- Luu Bich Ngoc (2016) *Internal Migration and the Migration to Major Cities of Vietnam in the Period 2004—2014, Forecast to 2025*, Hanoi: National Economics University Publishing House.
- Mai Ngoc Cuong (2013) *Social Policy for Rural-Urban Migrants in Vietnam Today*, Hanoi: The National Political Publishing House.
- Nguyen Thanh Tam (2003) Some theoretical perspectives on migration and women migrants, *Journal of Science on Women*, no. 6, pp. 42—51.
- Nguyen Thi Hong Xoan (2013) *Gender and Migration — an Asian Vision*, Ho Chi Minh City: National University Publishing House.
- Nhu Ngoc K. Pham, Mai Do, Van H. Bui, Giang T. Nguyen (2018) Rural-to-urban migration in Vietnam: conceptualized youth's vulnerabilities in the city, *International Journal of Migration, Health and Social Care*, vol. 14, no. 1, pp. 117—130.
- Spilker, G., Nguyen, Q., Koubi, V. et al. (2020) Attitudes of urban residents towards environmental migration in Kenya and Vietnam, *Nature Climate Change*, no. 10, pp. 622—627.

The article was submitted 29.11.2020; approved after reviewing 06.07.2021; accepted for publication 20.08.2021.

Статья поступила в редакцию 29.11.2020; одобрена после рецензирования 06.07.2021; принята к публикации 20.08.2021.

Information about the author / Информация об авторе

Tran Thi Minh Tuyet — Dr. Sc. (History), Associate Professor, Senior Lecturer of Academy of Journalism and Communication, Hanoi, Vietnam, tuyetminh1612@gmail.com (доктор исторических наук, доцент, старший преподаватель Академии журналистики и коммуникации, г. Ханой, Вьетнам).

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 52—61.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 52—61.

Научная статья

УДК 316:004.738.5

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.4

**КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ФЕМИНИСТСКИХ ИНТЕРНЕТ-
СООБЩЕСТВ ИНГУШЕТИИ:
ПОДНИМАЕМЫЕ ТЕМЫ И ПРОБЛЕМЫ**

Марина Руслановна Габараева

Владикавказский научный центр, Российская академия наук,
г. Владикавказ, Россия, mariina95@yandex.ru

Аннотация. Исследуются темы, поднимаемые в феминистских интернет-сообществах Республики Ингушетия. Для большинства республик Северо-Кавказского федерального округа такие сообщества — единичные явления, тогда как в Ингушетии их сразу три. Проведенный контент-анализ постов данных сообществ позволяет говорить об увеличивающемся социокультурном разрыве между гендерами, о нежелании многих девушек жить исключительно в соответствии с представлениями традиционного общества. Все чаще обсуждается насилие в отношении женщин, постепенно уходит стигматизация этой тематики. Традиционные семейные отношения все меньше вписываются в реалии современной жизни, а часть девушек и вовсе не хотят вступать в брак с представителями своей национальности. Увеличение количества разводов, снижение количества браков и падение рождаемости говорит об изменении демографической ситуации в регионе, все еще считающемся оплотом патриархальной традиционной семьи.

Ключевые слова: контент-анализ, гендерные отношения, семейные отношения, феминизм

Для цитирования: Габараева М. Р. Контент-анализ феминистских интернет-сообществ Ингушетии: поднимаемые темы и проблемы // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 52—61.

Original article

CONTENT ANALYSIS OF THE FEMINIST INTERNET COMMUNITIES OF INGUSHETIA: TOPICS AND ISSUES

Marina R. Gabaraeva

Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, Russian Federation, mariina95@yandex.ru

Abstract. The article examines the topics that are discussed in the feminist Internet communities of the Republic of Ingushetia. Over the past three years a number of feminist communities have emerged in the North Caucasian segment of the Internet. Typically most republics of the North Caucasus Federal District have just one such community each, while in Ingushetia there are three such communities. The content analysis of the posts of these communities allows us to conclude that there is a growing socio-cultural gap between genders. We can also say that many women are not willing to live in accordance with the ideas of traditional society. Violence against women is being discussed more and more often, and the stigmatization of this topic is gradually disappearing. Traditional family relationships do not fit into the modern realities of life, and some women do not want to marry representatives of their nationality at all. An increase in the number of divorces, a decrease in the number of marriages and a decrease in the birth rate indicate a change in the demographic situation in the region, which is still considered a stronghold of the patriarchal traditional family.

Key words: content analysis, gender relations, family relations, feminism

For citation: Gabaraeva, M. R. (2021) Kontent-analiz feministikh internet-soobshchestv Ingushetii: podnimaemye temy i problemy [Content analysis of the feminist Internet communities of Ingushetia: topics and issues], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 52—61.

Северный Кавказ многими воспринимается как оплот патриархального традиционного общества с крепкими семьями и четким распределением гендерных ролей. В действительности кавказское пространство многослойно: разные ценностные системы существуют одновременно даже внутри одной республики. Однако процесс разрушения патриархальных отношений, который начался еще в Советском Союзе, усилился в 2000-х гг. Нельзя сказать, что традиционная кавказская семья перестала существовать, но она переживает кризис, заметный во всех республиках региона.

Глобализация не могла не затронуть народы Северного Кавказа, а Интернет и социальные сети только способствовали начинавшимся изменениям, делая общество более открытыми. Альтернативные модели поведения стали приходить на Северный Кавказ как из Европы, так и с Востока. Новые культурные нормы постепенно разрушают традиционную замкнутость социума, а Интернет либерализует отношения между людьми, создавая новые брачные стратегии [Стародубровская, 2019].

В последние годы многие гендерные проблемы обостряются и начинают все более открыто обсуждаться (домашнее и сексуальное насилие, незащищенность

женщин). Насилие феминистские исследователи считают побочным продуктом патриархата, используемым мужчинами для обеспечения доминирования над физически более слабыми — женщинами и детьми [Bograd, 1988; Dobash R. P., Dobash R. E., 1979]. Зависимое положение женщины создает почву для морального насилия и давления, которому девочки подвергаются с детства при помощи постоянного контроля и подготовки с раннего возраста к роли жены и хозяйки. Неосведомленность о своих правах также усугубляет положение женщины. Однако постепенное разрушение патриархального общества и медиатизация, открывающая доступ к любой информации, показывают другую модель поведения.

Гендерные роли и границы на Северном Кавказе не статичны и оказываются под влиянием противоположных тенденций: модернизация сопровождается актуализацией традиционалистских форм организации социальной жизни [Верещагина и др., 2020].

Статистические данные показывают, что для семейных отношений в республиках СКФО характерны те же процессы, что и для семейных отношений в России в целом: снижение коэффициента брачности (с 2010 г.), постоянный рост коэффициента разводимости и постепенное уменьшение общего числа рожденных детей [Габараева, 2021]. Изменения семейных отношений напрямую связаны с изменениями гендерных ролей. Женщина, получившая возможность обеспечивать себя материально, становится менее зависимой от семьи и мужа. В современной реальности женщины обычно берут на себя как обязанности по финансовому обеспечению семьи, так и все домашние обязанности и воспитание детей. Слишком большая нагрузка, испытываемая женщинами, приводит к их нежеланию вступать в брак и разводам.

Особый интерес для исследования демографических тенденций представляют регионы, на момент распада СССР отличавшиеся высоким уровнем традиционализма в семейных отношениях — жесткими гендерными и межпоколенческими ролями. В Ингушетии эта ситуация осложнена еще и тем, что формироваться как отдельный регион она начала только после распада Советского Союза, а также конфликтом в Пригородном районе в 1992 г. и войной в Чечне [Казенин и др., 2020]. Разрушение государственных институтов приводит к архаизации и укреплению традиционных институтов, дающих защиту и стабильность, которые общество перестает получать от государства [Ахиезер, 2001].

Если начало XXI в. отличалось архаизацией и исламизацией многих регионов Северного Кавказа, то в последние годы наблюдается разрыв между позициями мужчин и женщин. Консервативный подход к гендерным отношениям сохраняется в основном со стороны мужской части населения, тогда как среди женщин все сильнее заметен запрос на эмансипацию [Стародубровская, 2019]. В северокавказском сегменте социальных сетей стали образовываться сообщества феминистской направленности, обсуждающие проблемы женщин на Кавказе, что часто вызывает очень негативную реакцию со стороны более консервативной части социума.

В Ингушетии за последние три года появилось три телеграм-канала такого рода: «Не Феминизм» (2019 г.), «Ингушская женщина» (2021 г.), «Что хочу сказать, Мадо...». Суммарное число подписчиков (на июль 2021 г.) — чуть меньше двух тысяч (таблица).

Феминистские телеграм-каналы Ингушетии

Страница	Количество подписчиков	Год создания	Тематика
«Не Феминизм»	444	2019	Жизнь женщин в Ингушетии
«Ингушская женщина»	482	2021	То же
«Что хочу сказать, Мадо...»	819	2021	Женщины Ингушетии

Самый первый канал, возникший в 2019 г., изначально не позиционировал себя феминистским. Его авторы писали, что не верят в равноправие полов, верят в патриархальный институт семьи и союзы, основанные на уважении, взаимопомощи и взаимопонимании:

Я не хочу показывать мужчинам их место, я лишь хочу показать, какое значительное и яркое место в жизни занимаем мы — женщины. И как они неумело и неблагоприятно к этому относятся («Не Феминизм»).

Однако позже подписчики канала делали репосты текстов, прямо поддерживающих феминизм. В целом и риторика телеграм-канала, и обсуждаемые темы совпадают с феминистскими. Другие же два канала изначально позиционировали себя именно как феминистские:

Феминистки борются за то, чтоб женщины могли распоряжаться своими жизнями и ресурсами сами («Что хочу сказать, Мадо...»);

Я поддерживаю феминизм. И я за то, чтоб женщина сама решала свою судьбу, а не тейп, братья, отцы («Не Феминизм»).

Был проведен контент-анализ всех трех телеграм-каналов, в процессе которого рассмотрены 200 постов за весь период существования каналов. В результате анализа выделены самые часто обсуждаемые темы (рисунок).

Самые часто обсуждаемые темы в феминистских телеграм-каналах Ингушетии

Наиболее часто встречающейся темой стала тема женского обрезания, что связано со скандальной историей, произошедшей в Магасе, где в частной клинике эту процедуру провели девятилетней девочке без согласия матери. История долгое время находилась в центре внимания как региональных, так и центральных СМИ, поэтому активно обсуждалась и в телеграм-каналах. Позднее стали публиковаться истории женщин, прошедших через эту процедуру. Отношение к женскому обрезанию ожидаемо отрицательно: операция представляется калечащей здоровье и насильственной по отношению к детям. Однако консервативная, в основном мужская, часть пользователей социальных сетей считала это внутренним делом семьи и традицией, в которой они не видят ничего плохого.

Следующая по частотности тема — домашнее насилие. Часто публикуются истории женщин, подвергающихся насилию со стороны мужей. Обсуждается факт замалчивания проблемы, ошибочность мнения о том, что нельзя выносить сор из избы. Авторы каналов полагают, что физическое насилие над женщиной часто оправдывается правом мужа «воспитывать» и «наказывать». Поскольку женщина воспринимается как собственность отца, мужа, семьи, тейпа, она абсолютно не защищена от насилия и боится говорить о нем, обращаться за помощью. Отсутствие законов, защищающих женщин, делает ситуацию еще более сложной, и правоохрнительная, и судебная системы работают скорее по традициям, а не по законодательству России:

У нас оправдывается и домашнее насилие, и ранние браки, и убийство чести. <...> Для нашего общества это является нормой, прикрываемой ширмой из обычаев и религией. <...> На полном серьезе считается, что женщина должна, обязана терпеть несправедливость, насилие просто потому, что так заведено предками («Не Феминизм»).

Приватная сфера жизни в целом остается самой закрытой и табуированной. О насилии говорить боятся, заботясь о чести семьи, фамилии, а иногда и о чести всего народа. Гендерное насилие практически закреплено традицией, культурой, оно прочно укрепилось в менталитете. Женщина в патриархальном обществе привыкла быть жертвой насилия, как физического, сексуального, так и эмоционального. Насилие встречается столь часто, что представляется неотъемлемым звеном жизни и судьбы женщины [Сиражудинова, 2017].

Стоит сказать, что получить помощь женщинам в большинстве случаев негде. Они боятся обращаться в правоохрнительные органы: там их могут даже не выслушать, особенно если в семье мужа или отца есть родственники в силовых структурах. Обращение к религиозным деятелям также часто ни к чему не приводит, поскольку отсутствуют методы решения проблемы домашнего насилия. Даже если проблема и осознается, а не просто отрицается, ответа на вопрос «что делать» нет.

Феминисток и любых правозащитников, привлекающих внимание к гендерным проблемам на Кавказе, обвиняют в попытках разрушить традиционные семейные ценности. Если обобщить ряд публикаций, можно говорить о том, что основное требование со стороны ингушских феминисток — уважение к женщинам и отношение к ним как к равным:

...говорят, что мы против семейных ценностей. А против каких, хочется спросить? Если вы под семейной ценностью подразумеваете возможность совершать насилие, то да, мы против. Если вы про возможность мужчины изменять, то да, мы против. Если вы про то, что мужчине можно все, а мудрая жена должна терпеть и благодарить, то мы тоже против («Что хочу сказать, Мадо...»);

Нас воспринимают как врагов не потому, что мы враждуем или кого-то ненавидим, а потому, что мы хотим, опять же отклоняясь от традиционных ролей, чтобы к женщинам было больше уважения как к личностям, а не как к хорошим служанкам или снохам. Мы хотим, чтобы женщины были защищены, а именно чтобы женщины не боялись обращаться за помощью после изнасилований, шантажа, чтобы они не терпели побои ради детей, чтоб они не жили с наркоманами, алкашами, изменниками, потому что дома их не хотят принимать (там же).

Часто речь заходит об иерархии гендерных отношений. В семье правым всегда остается мужчина, у него есть поддержка общества, а женщина оказывается на низшей позиции и изначально считается виноватой. Касается это как перекладывания вины за сексуальное и домашнее насилие на женщину («не так себя вела», «не так была одета», «заслужила»), так и отношений в семье. После замужества и перехода в новую семью женщина оказывается, по сути, одна, особенно если молодая семья живет в доме родителей мужа. При любом недовольстве со стороны родственников ее могут выгнать, а мужа редко становятся на сторону жен, чтобы не идти против всей семьи. Вернуться же обратно в отчий дом может далеко не каждая девушка по большей части потому, что разведенные женщины подвергаются сильной дискриминации со стороны общества. Тем более если у них есть дети, которые по традиции остаются с семьей мужа. В таких ситуациях не срабатывает даже российское законодательство, обычно оставляющее детей с матерью.

Во все еще традиционном социуме женщина ориентирована в первую очередь на замужество и ценность ее определяется семейными отношениями и детьми. Выходя замуж, женщина оказывается практически в роли прислуги:

...ингушские жены пахнут, обслуживая бытовые нужды мужа и его родни («Ингушская женщина»);

...женщина оказывается в положении младшего и подчиненного, а семья мужа получает в свое пользование безотказную прислугу («Не Феминизм»).

Даже если женщина предпочитает вписываться в отведенные ей роли жены и матери, экономическая ситуация вынуждает ее работать. Высокий уровень безработицы в регионе, занятость многих людей в теневой экономике с нестабильной заработной платой также вынуждают женщину брать на себя финансовое обеспечение семьи. Это ведет к большей независимости женщин, которые теперь способны жить полностью самостоятельно, обеспечивая себя и детей. Брак перестает быть необходимостью, а если судить по постам феминистских сообществ, он может быть и финансово невыгодным. Однако зачастую женщинам приходится сочетать заботу о детях и бытовые обязанности с материальным обеспечением всей семьи. Это повышает физическую, психологическую и экономическую нагрузку на женщин. Часто обсуждается инфантилизм

мужчин, их нежелание работать, «просиживание на диване», в то время как жена не только занимается обслуживанием мужа и его семьи, но и обеспечивает всех финансово.

Авторы каналов отмечают также разрыв в образовании между мужчинами и женщинами:

В обществе, где мужчины вызывают всеобщее признание и уважение, когда понятным является только язык силы, высмеиваются прилежные мальчики с намеком на интеллект, впоследствии мы видим, что к средним классам многие мальчики забрасывают учебу, чтобы быть как все. Это приводит к тому, что мы получаем мужчин, стремления которых направлены не на саморазвитие и дальнейшее образование, а на поддержание мнимого провинциального (в плохом понимании этого слова) престижа в своей же среде.

Создается ситуация, в которой социокультурный разрыв между полами образует стену недопонимания и конфликты между мужчинами и женщинами внутри браков («Не Феминизм»).

Социокультурный разрыв между мужчинами и женщинами в целом становится все более заметным. Девушка с высшим образованием воспринимается семьей жениха как более «ценная», поскольку образование дает ей больше возможностей трудоустройства. Но становление личности в процессе получения высшего образования и изменение мировоззрения могут приводить к возникновению абсолютного непонимания между будущими супругами, цели которых оказываются разными. В таких ситуациях девушке зачастую приходится вписываться в предлагаемую ей роль.

Особый интерес представляет отношение феминисток к исламу. Во многих феминистских сообществах, в том числе и общекавказских, любая религия называется патриархальной, а следовательно, несправедливой по отношению к женщине. Однако феминистки Ингушетии не отрицают ислам, напротив, стараются показать искаженность толкования религии исключительно в пользу мужчин:

Когда дело касается развода по инициативе женщины, все сразу вспоминают о том, что это самое ненавистное Господом из дозволенного. Хотя сам Аллах об этом в Коране не сказал.

Далее, начинают упоминать хадисы, где говорится, что женщина не почувствует и запаха Рая. Также о том, что такая женщина лицемерка.

Что происходит, когда развестись хочет мужчина?

— Ну, развод-то в Исламе дозволен («Что хочу сказать, Мадо...»).

Говорят и о несоответствии в целом «рабской» позиции, в которую поставлена женщина, исламу:

...бояться нужно одного Бога, а не мужа.

В Коране сказано: «Праведные женщины покорны». Что переводится как покорны Богу. Там про мужей не сказано. Но ученые от себя туда приписали мужей в толкованиях. И так пошло («Что хочу сказать, Мадо...»).

Несправедливое отношение к женщинам, их незащищенность, все правила и традиции, работающие не в их пользу, вызывают желание не быть частью ингушского общества:

Если наши женщины не будут знать свои права, если будут думать, что адаты и шариат не предоставляют им никаких прав, это кончится просто тем, что они скажут: «Да ну вас, я не хочу быть ни вайнашкой, ни мусульманкой, раз это так плохо для меня».

Кто-то может подумать, что это пустая страшилка, но я знаю немало случаев, когда наши женщины выходили замуж за мусульман-иностранцев, объясняя это именно тем, что они хотят нормальной семейной жизни... («Что хочу сказать, Мадо...»).

Призывы ни в коем случае не выходить замуж за вайнахов достаточно часто появляются на многих страницах в социальных сетях. Высокий отток населения из регионов Кавказа из-за положения женщины может только усилиться. В общекавказских феминистских группах практически ежемесячно встречаются просьбы о помощи с побегом из дома из разных регионов как Северного Кавказа, так и Закавказья. В этих группах больше подписчиков, в связи с чем получить финансовую помощь и найти человека, который может предоставить жилье на первое время, гораздо проще.

Обсуждение национальной идентичности ингушей также представляется интересным. Феминистские телеграм-каналы одни из первых стали рассуждать о содержании понятия «ингуш». Вопрос о необходимости сохранения традиций независимо от их полезности для реальной жизни и их справедливости ставится все чаще.

Национальная идентичность — это рамка, которая, как и все рамки, с одной стороны, дает ощущение безопасности, а с другой — ограничивает («Что хочу сказать, Мадо...»);

Ингуши стремятся сохранить свою идентичность не из любви к ней, а из страха. Если бы мы действительно любили свое общество и культуру, то в первую очередь не стыдили бы тех, кто говорит о наших проблемах, вместо этого мы стремились бы решить их (там же).

Одновременное существование архаизации и глобализации в социуме северокавказских регионов приводит к постоянным конфликтам между разными поколениями, внутри одного поколения, а также к конфликтам между гендерами. Социокультурный разрыв между разными группами общества становится все глубже и непримиримее. Когда к этому разрыву добавляется физическое насилие, никем не контролируемое и не наказываемое, ситуация только ухудшается. Системы, которая могла бы защищать угнетаемую часть населения, либо не существует, либо она не работает. Небольшое количество правозащитных организаций не может справиться с масштабами проблемы.

Традиционный вариант семейных отношений все слабее вписывается в реалии современной жизни. Из-за высокого уровня безработицы и низких зарплат женщины все чаще вынуждены сочетать воспитание детей и домашний быт с работой, что, с одной стороны, изматывает их психологически и физически, а с другой — дает им большую финансовую свободу. Брак перестает быть

необходимостью, а становится скорее препятствием к комфортной жизни, о которой говорят во всех медиа, предлагающих новые модели поведения и отношений. Наличие же очевидных проблем в гендерных и семейных отношениях, наблюдение за насилием, которому подвергаются женщины, делают брак еще менее притягательной перспективой для молодых девушек. Ежедневная практически обыденная несправедливость по гендерному признаку может усилить отток женской части населения из регионов Кавказа, что приведет к ухудшению демографической ситуации.

Северный Кавказ всегда был сложным регионом, сочетающим в себе множество социокультурных систем. При отсутствии общегосударственной системы ценностей, ослабевающей системе национальных ценностей и наличии свободного потока информации каждый член общества может выбирать свою систему ценностей, подстраивая ее под свои реалии.

Изменение гендерных и семейных отношений происходит во всех республиках Северного Кавказа. Многие молодые образованные девушки не хотят вписываться в старые, не соответствующие современным реалиям традиции и обычаи. Возможность работать и обеспечивать себя самостоятельно также дает им большую свободу. Хороши или плохи эти изменения, не так важно. Процессы, происходящие в социуме, приводят к значительному разрыву не только между поколениями, но и между гендерами внутри одного поколения. Чем больше будет разрыв, тем более вероятны конфликты. Это тоже не может не отразиться на демографической ситуации, и так в последнее время ухудшающейся в СКФО.

Список источников

- Ахиезер А. С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 90—100.
- Верещагина А. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И.* Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 2. С. 31—35.
- Габараева М. Р.* Смена поколений и систем ценностей в регионах СКФО на примере гендерных и семейных отношений // *Kavkaz-forum*. 2021. № 6. С. 124—133.
- Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С.* Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение?: случай Ингушетии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 342—365.
- Сиражудинова С. В.* «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 26—35.
- Стародубровская И. В.* Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 1. С. 39—56.
- Bograd M.* Feminist perspectives on wife abuse: an introduction // *Feminist Perspective on Wife Abuse*. Beverly Hills: Sage, 1988. P. 11—26.
- Dobash R. P., Dobash R. E.* Violence against Wives: a Case against the Patriarchy. New York: Free Press, 1979. 350 p.

References

- Akhiezer, A. S. (2001) Arkhaizatsiia v rossiiskom obshchestve kak metodologicheskaia problema [Archaization in Russian society as a methodological problem], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 90—100.
- Bograd, M. (1988) Feminist perspectives on wife abuse: an introduction, *Feminist Perspective on Wife Abuse*, Beverly Hills: Sage, pp. 11—26.
- Dobash, R. P., Dobash, R. E. (1979) *Violence against Wives: a Case against the Patriarchy*, New York: Free Press.
- Gabaraeva, M. R. (2021) Smena pokolenii i sistem tsennostei v regionakh SKFO na primere gendernykh i semeinykh otnoshenii [The change of generations and value systems in the regions of the North Caucasus Federal District on the example of gender and family relations], *Kavkaz-forum*, no. 6, pp. 124—133.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A., Mitrofanova, E. S. (2020) Kak izmeneniia gendernykh i mezhpokolencheskikh otnoshenii vliiaut na demograficheskoe povedenie?: Sluchai Ingushetii [How do changes in gender and intergenerational relations affect demographic behavior?: The case of Ingushetia], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 4, pp. 342—365.
- Sirazhudinova, S. V. (2017) “Ia ne mogu skazat'!”: K probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza: (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) [“I can't say!”: On the problem of domestic and sexual violence in the Republics of the North Caucasus: (Based on the materials of a sociological study in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.
- Starodubrovskaia, I. V. (2019) Krizis traditsionnoi severokavkazskoi sem'i v postsovetiskii period i ego sotsial'nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the Post-Soviet period and its social consequences], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 17, no. 1, pp. 39—56.
- Vereshchagina, A. V., Krotov, D. V., Samygin, S. I. (2020) Transformatsiia semeino-brachnykh tsennostei molodēzhi na Iuge Rossii: arkhazatsiia, traditsionalizatsiia, modernizatsiia? [Transformation of family and marriage values of young people in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization?], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 31—35.

Статья поступила в редакцию 08.08.2021; одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 14.11.2021.

The article was submitted 08.08.2021; approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 14.11.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Габараева Марина Руслановна — младший научный сотрудник лаборатории прикладной социологии и конфликтологии, Владикавказский научный центр Российской академии наук, г. Владикавказ, Россия, mariina95@yandex.ru (Junior Researcher at the Laboratory of Applied Sociology and Conflictology, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 62—71.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 62—71.

Научная статья

УДК 1:711

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.5

**НЕДОПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЖЕНЩИН
В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ: ГЕНДЕРНЫЕ НАРРАТИВЫ
ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ**

*Надежда Анатольевна Гербут¹,
Игорь Анатольевич Гербут²*

¹ Киевский национальный университет строительства и архитектуры,
г. Киев, Украина, gerbutn@i.ua

² Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина

Аннотация. В статье рассмотрено значение именных улиц для формирования социального статуса женщин в городах. Гендерный анализ названий улиц в некоторых городах, в том числе и в столицах, таких стран, как Италия, Франция, Великобритания, Германия, Бельгия, Хорватия, Нидерланды, Испания, Грузия, США, Аргентина, Мексика, Боливия, Парагвай, Перу, Уругвай, Куба, Российская Федерация, Беларусь и Украина, показал наличие значительной гендерной асимметрии в системе топонимики улиц. Выявлено, что интерес к исследованию проблематики существенной недопредставленности женщин в урбанонимах появился благодаря не столько научному сообществу, сколько активности феминисток и общественных деятелей. Раскрыты мотивы борьбы женщин за уменьшение гендерного дисбаланса в названиях улиц. В настоящий момент практически нет официальной гендерной статистики по топонимике городов, поэтому использованы данные, представленные в СМИ и на сайтах общественных организаций.

Ключевые слова: улица, названные в честь женщин улицы, урбаноним, топоним, женщина, город, гендер, городское пространство, символизм

Для цитирования: Гербут Н. А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 62—71.

Original article

WOMEN'S UNDERREPRESENTATION IN STREET NAMES: GENDER NARRATIVES OF URBAN SPACES

Nadiia A. Herbut¹, Igor A. Herbut²

¹ Kyiv National University of Construction and Architecture, Kyiv, Ukraine, gerbutn@i.ua

² National Aviation University, Kyiv, Ukraine

Abstract. Using symbolism patriarchal authorities have been making women “invisible” in public spaces for centuries. Toponyms derived from people’s names have a symbolic power to emphasize who is or should be valued in society. This article reviews the importance of streets named after people for the formation of the social and symbolic status of women in cities. Gender analysis of street names in cities of countries such as Italy, France, United Kingdom, Germany, Belgium, Croatia, Netherlands, Spain, Georgia, USA, Argentina, Mexico, Bolivia, Paraguay, Peru, Uruguay, Cuba, Russian Federation, Belarus and Ukraine shows significant gender asymmetries in the street toponymy systems. This research reveals that interest in studying underrepresentation of women in urbanonyms appeared thanks not so much to the scientific community as to the activities of feminists and public figures. The idea of creating gender toponymic maps is due to the process of rethinking the social justice of urban space. Our study demonstrates the desire of women to change the “text” of the city, “writing down” the names of women worthy of collective memory. There are almost no official gender statistics on the toponymy of cities, so the authors used data presented in the media and on the web-sites of public organizations.

Key words: street, streets named after women, urbanonym, toponym, woman, city, gender, urban space, symbolism

For citation: Herbut, N. A., Herbut, I. A. (2021) Nedopredstavlennost' zhenshchin v nazvaniikh ulits: gendernye narrativy gorodskikh prostranstv [Women's underrepresentation in street names: gender narratives of urban spaces], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 62—71.

Вступление

В патриархальных обществах всегда доминировало представление о том, что женщина может себя реализовать только в частной сфере, а публичная жизнь предназначена сугубо для мужчин. Если мужчина наделялся такими характеристиками, как сила, ум, ответственность, справедливость, сила воли, то женщину считали пассивной, эмоциональной, слабой, нерешительной [Рябова, 2008: 45].

Идеи Аристотеля о роли женщин в обществе (освободить мужчин от бытовых забот) имели значительное влияние на европейскую философию (см.: [Levy, 1990]). В «Философии права» Г. Гегель исключил женщин из социокультурной среды и определил им место в частной (низшей) сфере гражданского общества (см.: [Krell, 1991]). Практически все западные философы с Античности

и до конца XVIII в. описывали их как существ аполитичных, неспособных принимать участие в общественной жизни [Carrol, Zerilli, 1993: 55—56].

Во все времена все общества преуменьшали значение женщин, отводя им место в замкнутом и фиксированном пространстве — вокруг домашнего очага. Их символический статус был ограничен точно так же, как и социальный, что абсолютно логично, поскольку в пространственной практике эти два аспекта неразделимы [Lefebvre, 1991: 247—248]. Обладая монополией на легитимное символическое насилие, власть делит социальный мир и утверждает свое положение в нем [Bourdieu, 1989]. «Через систему политически значимых маркеров, — отмечает В. А. Парамонова, — названия городов и их “артерий” (улиц, переулков, площадей и пр.), архитектуру, городскую скульптуру и пр. — происходило и происходит насаждение политических идеалов каждой эпохи. Путем маркировки осуществляется формирование социально-символического пространства, удобного для власти» [Парамонова, 2010: 51].

Вполне закономерно предположить, что в обществе, где весь социальный порядок функционирует как огромная символическая машина, основанная на мужском господстве [Bourdieu, 1998], названия улиц, которые являются неотъемлемой частью «текста» города, выражают доминирование маскулинности над фемининностью в городских пространствах.

Гендерный анализ именных названий улиц некоторых городов мира

Что чувствуют современные женщины, проживая в городах, где урбанонимы сигнализируют о том, что мужчины являются хозяевами публичного пространства?

Х. Сараби, первая женщина-губернатор в Афганистане, которая с 2005 по 2013 г. управляла провинцией Бамиан, сказала: «Я думаю, что в Кабуле есть одна названная в честь женщины улица. Других я не видела. Нам это не нравится. Мы должны бороться и сражаться за улицы и другие объекты, такие как парки и школы»¹. Преподаватель географии М. Эрколини в 2012 г. провела гендерный анализ урбанонимов столицы Италии и выяснила, что в Риме имена мужчин носят 45,7 % улиц, а имена женщин — 3,5 % (580 улиц). После этого группа активисток призвала муниципальную власть способствовать устранению гендерного дисбаланса, но не за счет переименования старых улиц, а за счет присвоения имен женщин новым. В результате исследований топонимов других итальянских городов (от Флоренции до Милана) были получены аналогичные результаты: доля «женских» улиц ничтожно мала. Итальянские активистки пришли к заключению, что историю, которая известна, сотворили мужчины. По примеру итальянской команды женщины Испании изучили урбанонимы Мадрида, где, как оказалось, ситуация обстоит немного лучше: 27 % улиц названы в честь мужчин и 7 % увековечивают память о женщинах².

¹ Are our street names sexist? // BBC News. 2012. 11 April. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-17203823> (дата обращения: 10.09.2019).

² Ibid.

В Париже доля «мужских» улиц составляет 31 % и лишь 2,6 % (160 улиц) носят имена женщин, многие из которых состояли в родственных отношениях со знаменитыми мужчинами и только по этой причине заслужили право быть включенными в городской нарратив. Выступая против гендерной асимметрии в названиях именных улиц, феминистская организация «Osez le Féminisme» в 2015 г. на один день переименовала в столице Франции около 60 улиц в честь известных женщин — Флоранс Арто, Жозефины Бейкер, Эмили дю Шатле, Нины Симон и других³.

Изучив в 2017 г. топонимы столицы Хорватии, политологи К. Вретенар и З. Краина заявили, что Загреб является маскулинным городом, в котором женщины присутствуют физически, но не представлены символически. В городской совет столицы была направлена петиция с целью устранения несправедливого отношения к тем женщинам, которые оставили значительный след в литературе и культуре. В коллективном обращении предлагалось назвать один из парков в честь женщины-писательницы. После того как петиция была проигнорирована муниципальными властями, ее инициаторы решили провести гендерный анализ урбанонимов по всей стране. Интернет-портал H-Alter разместил результаты гендерного исследования топонимики 64 городов Хорватии, которые показали, что почти в половине из них менее 2 % улиц названы в честь женщин, в 11 городах таких нет совсем и только 9 городов имеют 5 % и более «женских» улиц. Приведем данные по самым большим хорватским городам: в Загребе лишь 0,95 % улиц носят имена женщин, в Сплите таких улиц 1,89 %, в Риеке — 3,75 %, в Осиеке — 1,89 %, в Задаре — 3,68 %, в Пуле — 1,61 %, в Славонски-Броде — 2,84 %, в Карловце — 1,46 %. Было также выявлено, что в городах Хорватии в честь женщин, как правило, не называют большие и значимые общественные места, такие как скверы, парки или площади⁴.

В 2018 г. была создана электронная карта Амстердама для всестороннего изучения топонимов города. Из 2014 именных улиц, как выяснили эксперты, 88 % названы в честь мужчин и 12 % — в честь женщин, что составляет 4,5 % от всех 5419 улиц столицы Нидерландов. Кроме соотношения «мужских» и «женских» улиц, было установлено, что практически нет урбанонимов, которые обозначают имена женщин-архитекторов, женщин-политиков и женщин-ученых. Только в категории «активисты» можно увидеть гендерный паритет⁵.

Аналогичное исследование провели в небольшом городе Нидерландов, Гронингене, результаты которого показали, что из 448 улиц, названных в честь знаменитых людей, имена женщин носит лишь десятая часть⁶. В Амстердаме,

³ «Sexist» Paris streets renamed in feminist stunt // The Local. 2015. 26 August. URL: <https://www.thelocal.fr/20150826/paris-neighbourhood-gets-a-feminist-makeover> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴ Muškarcima gradovi, ženama zaborav // H-Alter. 2018. 4 December. URL: <http://www.h-alter.org/vijesti/muskarcima-gradovi-zenama-zaborav> (дата обращения: 25.09.2019).

⁵ Hoe wij 5.400 Amsterdamse straatnamen analyseerden // De Correspondent. 2018. 28 maart. URL: <https://decorrespondent.nl/7838/van-pythagoras-tot-amalia-hoe-wij-5-400-amsterdamse-sstraatnamen-analyseerden/2112718376186-1c7a7f39> (дата обращения: 25.09.2019).

⁶ Few Groningen streets named after women // The Northern Times. 2018. 10 August. URL: <https://northerntimes.nl/few-groningen-streets-named-after-women/> (дата обращения: 28.09.2019).

Роттердаме, Гронингене, Утрехте и других городах Нидерландов активистки вывешивали таблички с именами известных женщин под официальными названиями улиц, чтобы привлечь внимание жителей на существенный гендерный перекос в системе урбанонимов и побудить муниципальные власти именовать новые улицы в честь женщин⁷.

Гендерный анализ названий улиц был проведен и в некоторых городах Германии. В Гамбурге, например, 2511 улиц прославляют мужчин и только 397 — женщин⁸.

В Лондоне в 2018 г. правозащитники провели акцию с целью привлечения внимания общественности к проблеме «невидимости» женщин, которые внесли значительный вклад в развитие города. На один день активисты переименовали площади и улицы столицы Великобритании в честь таких женщин, как Эммелин Панкхёрст, Мэри Ричардсон, Энни Кенни, София Далип Сингх, и других⁹. В небольших городах Великобритании также периодически проходят кампании, направленные на уменьшение гендерной асимметрии в урбанонимах. Например, в Бадфорде организаторы способствовали повышению осведомленности населения о важной роли женщин в жизни города, сотрудничали с муниципальной властью и, как они сами заявили, старались вдохновить молодых женщин на создание собственной истории. В итоге проведенной работы был получен первый значимый результат: мэрия приняла решение назвать улицу в честь местной суфражистки Лилиан Армитаж¹⁰.

В Брюсселе в 2018 г. жители назвали 28 новых улиц, две из которых стали носить имена известных женщин Бельгии — Исалы ван Дист и Шанталь Акерман. При этом ни одна из новых улиц не была названа в честь мужчины. Более того, освещая это событие, корреспондент высказал обеспокоенность по поводу упущенного шанса выразить коллективное признание другим женщинам, которые достойны этого¹¹. Через год муниципальные власти бельгийского города Зелзате заявили, что хотят переименовать в честь женщин все улицы нового района. Такое решение было принято после призыва теле- и радиоведущей С. Лемер называть во Фландрии больше улиц именами женщин. Она создала промовидео, в котором представила карты фландрских городов, в том числе и Брюсселя, где «женские» улицы были отмечены красным цветом, чтобы наглядно

⁷ Beyoncé boulevard: Dutch street signs pay tribute to women // The Guardian. 2018. 9 August. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/09/beyonce-boulevard-dutch-street-signs-pay-tribute-to-women> (дата обращения: 25.10.2019).

⁸ Streetscapes: Mozart, Marx and a dictator // Zeit Online. 2018. 13 Februar. URL: <https://www.zeit.de/feature/stretdirectory-streetnames-origin-germany-infographic-english> (дата обращения: 02.10.2019).

⁹ Where are all the women?: The curious case of London's street names // Each Other. 2018. 8 March. URL: <https://eachother.org.uk/women-curious-case-londons-street-names/> (дата обращения: 18.10.2019).

¹⁰ Bradford to name streets after women to tackle gender imbalance // BBC News. 2019. 12 June. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-48587377> (дата обращения: 07.12.2019).

¹¹ The push to name more European streets after women // The Economist. 2019. 12 January. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/01/12/the-push-to-name-more-european-streets-after-women> (дата обращения: 20.09.2019).

показать их малое количество; в среднем они составляют 15 % от всех улиц, названных в честь людей¹².

Среди названий 50 самых популярных улиц США нет ни одного женского имени, при этом в честь Джорджа Вашингтона названо 5052 улицы, в честь Авраама Линкольна — 3632, Эндрю Джексона — 3459¹³.

В Америке в 2016 г. вышла последняя часть известной трилогии Дж. Желли-Шапиро и Р. Солнит «Непрерывная метрополия. Атлас Нью-Йорка», в которой 26 образных карт и информативные эссе раскрывают развитие и разнообразие одного из самых знаковых городов мира. Примечательно, что одна из карт называется «Город женщин» («City of Women»). Чтобы привлечь внимание читателей на чрезмерно маскулинную систему урбанонимов, авторы создали «феминистскую» карту города, переименовав станции метро в честь известных женщин, которые жили и работали в Нью-Йорке. Р. Солнит признается, что ей трудно осознать, как бы она представляла себя и свои возможности, если бы в годы личностного становления побывала в городе, где названия большинства публичных мест и памятники прославляли бы могущественных, успешных и почитаемых женщин. Карту «Город женщин» писательница назвала мемориалом тем женщинам, которые внесли значительный вклад в развитие общества [Solnit, Jelly-Schapiro, 2016: 85—90]. В 2019 г. муниципальные власти Нью-Йорка дали возможность общественности ознакомиться с антологией субъективной картографии, в том числе и с обновленной картой «Город женщин», в музее транспорта¹⁴.

Американский психолог основательница общественной организации «Равная видимость везде» («Equal Visibility Everywhere») Л. Лонг (Lynette Long) в одном из своих интервью отметила, что, если девочки постоянно видят доказательства особой значимости мужчин и мужской власти в образах повседневной жизни — будь то названия улиц в честь мужчин или мужские лица на монетах, это негативно влияет на их самооценку¹⁵.

Следует сказать, что в Нью-Йорке, как и в других городах, в топонимической системе практически не представлены чернокожие женщины. До 2010 г. в самом населенном городе США насчитывалось около 100 мест, названных в честь чернокожих людей, но только 15 из них — в честь женщин. Благодаря активистам,

¹² Entire neighbourhood to be re-named after women in East Flanders municipality // The Brussels Times. 2019. 19 November. URL: <https://www.brusselstimes.com/all-news/belgium-all-news/79381/municipality-in-east-flanders-province-to-re-name-entire-neighbourhood-with-women-s-names-zelzate-sofie-lemaire/> (дата обращения: 23.12.2019).

¹³ What's the most common street name in America? // FiveThirtyEight. 2014. 14 December. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/whats-the-most-common-street-name-in-america/> (дата обращения: 23.12.2019).

¹⁴ Imagining a New York where the streets are named for women // Brooklyn Daily Eagle. 2019. 9 September. URL: <https://brooklyneagle.com/articles/2019/09/09/imagining-a-new-york-where-the-streets-are-named-for-women/> (дата обращения: 12.12.2019).

¹⁵ You see this gender bias on the road every day // Huffpost. 2015. 17 November. URL: https://www.huffpost.com/entry/city-street-names-women_n_56457b81e4b08cda348849a7 (дата обращения: 2.11.2019).

в частности историкам, улиц, которые носят имена афроамериканок, за последнее время в городе стало больше¹⁶.

В Ванкувере из 651 улицы (не учитывались улицы с повторяющимися названиями и пронумерованные улицы) 276 названы в честь мужчин и только 16 — в честь женщин¹⁷.

Сообщество испаноговорящих женщин «GeoChicas», деятельность которого связана с устранением гендерного неравенства в разных сферах жизни с помощью геотехнологий, выступило в 2016 г. с инициативой создать карты, где были бы отмечены «мужские» и «женские» урбанонимы, и для некоторых городов такие карты уже сделаны. Из всех названных в честь людей улиц Буэнос-Айреса 6,1 % носят имена женщин. В других городах Аргентины, таких как Ресистенсия, Росарио, Чахари, Сальта, «женские» улицы составляют 12,5, 11,3, 11,7 и 13,5 % соответственно. В Кочабамбе (Боливия) доля улиц, прославляющих женщин, равна 6,9 %, а в Бадалоне и Барселоне (Испания) — 11,3 и 16,3 % соответственно. В таких столицах латиноамериканских стран, как Мехико, Асунсьон, Лима и Монтевидео, «женские» улицы составляют 11,6, 5,9, 8,5 и 8 % соответственно, а в Гаванне — 37,8 %¹⁸.

Профессор М. Азарьяху (Maoz Azaryahu), который занимается изучением топонимов израильских городов, в интервью корреспонденту «Globes» сказал, что в ближайшем будущем следует ожидать увеличения количества улиц, названных в честь женщин, в связи с развитием в Израиле политкорректности¹⁹.

В Тбилиси из 3500 улиц 1124 носят имена мужчин и лишь 83 — имена женщин. В 2014 г. организаторы проекта «50 женщин Грузии» заявили, что женщины не только имеют ограниченный доступ к общественным местам, но и не представлены в городском пространстве символически. Активисты подписали меморандум о взаимопонимании с городским советом столицы, и в результате сотрудничества в Тбилиси появилось еще 25 улиц, названных в честь женщин²⁰.

Не во всех странах (городах) женщины готовы выступать против символической дискриминации и добиваться трансформирования маскулинного городского пространства в гендерно-справедливое. Тем не менее журналисты, эксперты, ученые по мере возможности обращают внимание общественности на существующую проблему.

¹⁶ Harlem's mission to rename streets after black women before it's too late // The Guardian. 2018. 12 September. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/sep/12/harlem-street-names-women-new-york-mission> (дата обращения: 05.10.2019).

¹⁷ The origins of all 651 street names in Vancouver // CBC. 2019. 15 September. URL: <https://newsinteractives.cbc.ca/longform/streets> (дата обращения: 07.12.2019).

¹⁸ Las calles de las mujeres // Geochicas. 2018. 17 March. URL: <https://geochicas.org/index.php/2018/03/17/las-calles-de-las-mujeres/> (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁹ Israeli street names: politicians out, artists in // Globes. 2019. 29 October. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-israeli-street-names-politicians-out-artists-in-1001305151> (дата обращения: 18.12.2019).

²⁰ Where the streets are named after women // WPS Prague. 2017. 15 October. URL: <http://www.wpsprague.com/blog/2017/10/15/where-streets-are-named-after-women-etuna-nogaideli> (дата обращения: 20.09.2019).

В Москве, где около 3,5 тыс. улиц, журналисты обнаружили 45, прославляющих имена женщин, подавляющее большинство из них были названы в советское время²¹. Член Топонимической комиссии А. Д. Ерофеев, исследовав улицы Санкт-Петербурга, выяснил, что среди почти 4 тыс. улиц можно найти не более 30, названных в честь женщин. Следует отметить, что после распада Советского Союза (за последние 30 лет) в городе появились только две «женские» улицы²². В Казани около 2 тыс. улиц и лишь 18 из них, как выяснили журналисты, увековечивают память о женщинах²³.

В Минске, где 1300 улиц, в честь женщин названы 16, при этом в городской топонимике совершенно нет улиц, которые бы носили имена женщин новой генерации²⁴.

Больше трети улиц Украины (37 %) названы в честь тех или иных известных людей, подавляющее большинство из которых — мужчины. Из 100 наиболее популярных именных улиц лишь 8 названы в честь женщин. Среди всех именных улиц доля «женских» и того меньше — 6 % (91 % составляют «мужские» улицы и 3 % — улицы, названные в честь семей)²⁵.

В Киеве из 2820 урбанонимов 770 прославляют имена мужчин и 59 — имена женщин (улицы, названные в честь семей, не учитывались), что составляет 27,3 и 2,1 % соответственно [Вулиці міста Києва, 2015; Зміни... , 2019]²⁶.

Заключение

Предположения ученых относительно утраты людьми чувства принадлежности к конкретному месту в связи с процессами глобализации не нашли своего подтверждения. Во многих частях мира можно наблюдать признаки сохраняющегося и даже усиливающегося чувства локальности, что является ответной реакцией на процессы интеграции и унификации. Пространства начинают рассматривать не как статичные, а как оспариваемые, изменчивые и неопределенные, как то, что характеризуется социопространственными практиками. Границы пространств, в том числе и социальные, формируются сконструированными властью правилами, которые определяют, кто принадлежит пространству (месту), а кто должен быть исключен [McDowell, 1999: 3—4].

²¹ Сколько улиц Москвы названо в честь женщин? // The Village. 2016. 8 марта. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/moscow-in-figures/232775-woman> (дата обращения: 28.12.2019).

²² Какие улицы в Петербурге названы в честь женщин // Карповка. 2019. 8 марта. URL: <https://karpovka.com/2019/03/08/382359/> (дата обращения: 23.12.2019).

²³ Имени Розы. Почему в Казани в честь женщины названо всего 18 улиц // Инде. 2018. 8 марта. URL: <https://inde.io/article/10940-imeni-rozy-pochemu-v-kazani-v-chest-zhenschin-nazvano-vsego-18-ulits> (дата обращения: 27.12.2019).

²⁴ Улиц, названных в честь женщин, в Минске катастрофически мало. Почему? // Velvet. 2017. 27 июня. URL: <https://www.velvet.by/shopwindow/stil-zhizni/obshchestvo/ulits-nazvannykh-v-chest-zhenshchin-v-minske-katastroficheski-mal> (дата обращения: 27.12.2019).

²⁵ На чью честь названі вулиці України? Над проектом працювала Юлія Дукач // Texty.org.ua. 2018. 6 November. URL: <http://texty.org.ua/d/2018/streets/> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁶ Подсчеты сделаны авторами.

К сожалению, как показало данное исследование, доля названных в честь женщин улиц в городах разных стран редко превышает 15 %, что выступает одним из проявлений символического доминирования маскулинности в урбанистических пространствах.

В XXI в. достижение гендерного равенства во всех сферах жизни стало одной из приоритетных задач политики многих государств и международных организаций [Jacquot, 2015], поэтому муниципальные власти не могут не реагировать на требования женщин преобразовывать городские пространства в гендерно-справедливые. Можно предположить, что в ближайшем будущем усилится общемировая тенденция называть внутригородские топографические объекты в честь женщин. Поскольку именные урбанонимы показывают, как правило, кого ценят в том или ином обществе, исправление гендерной асимметрии в названиях улиц будет положительно влиять на самооценку женщин и способствовать преодолению гендерных стереотипов.

Список источников

- Вулиці міста Києва: офіційний довідник. 2015. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B7u41WkrvuApRE4wNjhTZlITdVU/view> (дата обращения: 15.10.2019).
- Зміни до офіційного довідника «Вулиці міста Києва. Офіційний довідник» за 2015—2018. 2019. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B7u41WkrvuApRE4wNjhTZlITdVU/view> (дата обращения: 15.10.2019).
- Парамонова В. А. Социальное пространство города: отражение в названиях улиц // Власть. 2010. № 12. С. 50—53.
- Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 44—52.
- Bourdieu P. Social space and symbolic power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7, № 1. P. 14—25.
- Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 1998. 144 p.
- Carrol S., Zerilli L. M. Feminist challenges to political science // The State of the Discipline II / ed. by A. W. Finifter. Washington (DC): American Political Science Association, 1993. P. 55—76.
- Jacquot S. Transformations in EU Gender Equality: from Emergence to Dismantling: (Gender and Politics). London: Palgrave Macmillan, 2015. 219 p.
- Krell D. F. Lucinde's Shame: Hegel, sensuous woman, and the law // In Hegel and Legal Theory / ed. by D. Cornell, M. Rosenfeld, D. G. Carlson. Abingdon: Routledge, 1991. P. 295—312.
- Lefebvre H. The Production of Space. Padstow: T. J. Press Ltd., 1991. 454 p.
- Levy H. L. Does Aristotle exclude women from politics? // The Review of Politics. 1990. Vol. 52, № 6. P. 397—416.
- McDowell L. Gender, Identity and Place: Understanding Feminist Geographies. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 284 p.
- Solnit R., Jelly-Schapiro J. Nonstop Metropolis: a New York City Atlas. Oakland: University of California Press, 2016. 232 p.

References

- Bourdieu, P. (1989) Social space and symbolic power, *Sociological Theory*, vol. 7, no. 1, pp. 14—25.
- Bourdieu, P. (1998) *Masculine Domination*, Stanford: Stanford University Press.
- Carrol, S., Zerilli, L. M. (1993) Feminist challenges to political science, in: Finifter, A. W. (ed.), *The State of the Discipline II*, Washington, DC: American Political Science Association, pp. 55—76.
- Jacquot, S. (2015) *Transformations in EU Gender Equality: From Emergence to Dismantling: (Gender and Politics)*, London: Palgrave Macmillan.
- Krell, D. F. (1991) Lucinde's Shame: Hegel, sensuous woman, and the law, in: Cornell, D., Rosenfeld, M., Carlson, D. G. (eds), *In Hegel and Legal Theory*, Abingdon: Routledge, pp. 295—312.
- Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*, Padstow: T. J. Press Ltd.
- Levy, H. L. (1990) Does Aristotle exclude women from politics?, *The Review of Politics*, vol. 52, no. 6, pp. 397—416.
- McDowell, L. (1999) *Gender, Identity and Place: Understanding Feminist Geographies*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Paramonova, V. A. (2010) Sotsial'noe prostranstvo goroda: otrazhenie v nazvaniakh ulits [Social space of the city: reflection in street names], *Vlast'*, no. 12, pp. 50—53.
- Riabova, T. B. (2008) Gendernye stereotipy kak faktor otsenki sub'ektov politicheskogo protsesssa [Gender stereotypes as a factor in assessing the subjects of the political process], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 44—52.
- Solnit, R., Jelly-Schapiro, J. (2016) *Nonstop Metropolis: A New York City Atlas*, Oakland: University of California Press.
- Vulytsi mista Kieva: Ofitsiinyi dovidnyk* (2015) [Kyiv city streets: Official directory], available from <https://drive.google.com/file/d/0B7u41WkrvuApRE4wNjhTZlITdVU/view> (accessed 15.10.2019).
- Zminy do ofitsiynoho dovidnyka "Vulytsi mista Kyieva. Ofitsiinyi dovidnyk" za 2015—2018* (2019) [Changes to the official directory of "Kyiv City Streets" for 2015—2018], available from <https://drive.google.com/file/d/0B7u41WkrvuApRE4wNjhTZlITdVU/view> (accessed 15.10.2019).

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 18.08.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 18.08.2021; accepted for publication 15.09.2021.

Информация об авторах / Information about the authors

Гербут Надежда Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и права, Киевский национальный университет строительства и архитектуры, г. Киев, Украина, gerbutn@i.ua (PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science and Law, Kyiv National University of Construction and Architecture, Kyiv, Ukraine).

Гербут Игорь Анатольевич — кандидат политических наук, заведующий сектором анализа, планирования и мониторинга отдела управления и администрирования, Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина, polger@i.ua (PhD in Political Science, Head of the Analysis, Planning and Monitoring Sector at the Department of Management and Administration, National Aviation University, Kyiv, Ukraine).

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

GENDER POLITOLOGY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 72—87.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 72—87.

Научная статья

УДК 329(73)

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.6

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В США

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. В 2020 г. в США отмечался 100-летний юбилей 19-й поправки к Конституции США, которая была принята высшим законодательным органом страны 4 июня 1919 г., а ратифицирована 18 августа 1920 г. Она предоставила американским женщинам право голоса на федеральном уровне, законодательно гарантируя им это право. Американскому обществу и государству пришлось преодолеть долгий путь для достижения этого рубежа: позади была трудная борьба, которая требовала десятилетий агитации и протеста. Заслуга в победе, несомненно, принадлежит прежде всего американкам, несколько поколений которых начиная с 1800-х гг. выдвигали из своих рядов женщин — сторонниц избирательного права. В 1848 г. движение «За права женщин» стало складываться на национальном уровне. В настоящее время американские женщины сталкиваются с глобальной пандемией, потерей миллионов рабочих мест, уничтожением десятилетия роста участия женщин в составе рабочей силы. Развитое женское движение в США, имеющее исторические корни, накопившее и впитавшее лучшие традиции своего предтечи, влияет на формирование социальной действительности и ее изменений в контексте гендерного равенства в стране.

Ключевые слова: 19-я поправка к Конституции США, поправка о равных правах, суфражизм, феминизм, «табачные невесты»

Для цитирования: Шведова Н. А. Штрихи к портрету женского движения в США // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 72—87.

Original article

STROKES TO A PORTRAIT OF WOMEN'S MOVEMENT IN THE USA

Nadezhda A. Shvedova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. 2020 marks the 100th anniversary of the 19th Amendment to the U.S. Constitution, which was passed by the country's highest legislative body on June 4, 1919, and ratified on August 18, 1920. It gave American women the right to vote at the federal level, by law guaranteeing them this right. American society and state have had a long way to reach this milestone: behind a difficult struggle that required decades of agitation and protest. The credit for the victory undoubtedly belongs primarily to American women, several generations of whom, beginning in the 1800s, have nominated women supporters of the right to vote from among their ranks. In 1848 "The Movement for Women's Rights" began to organize itself at the national level. Currently American women are facing a global pandemic, the loss of millions of jobs, destruction a decade of growth in women's employment in the workforce. The developed women's movement in the United States, which has historical roots and has accumulated and absorbed the best traditions of its predecessor, influences the formation of social reality and its changes in the context of gender equality in the country.

Key words: 19th Amendment to the U.S. Constitution, Equal Rights Amendment, suffrage, feminism, "tobacco brides"

For citation: Shvedova, N. A. (2021) Shtrikhi k portretu zhenskogo dvizheniia v SShA [Strokes to a portrait of women's movement in the USA], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 72—87.

О поправке, наделившей американских женщин правом голоса

19-я поправка к Конституции США (19th Amendment to the U.S. Constitution, Equal Rights Amendment — ERA) гласит: «*Право граждан Соединенных Штатов голосовать не может быть отвергнуто или урезано Соединенными Штатами или любым штатом по признаку пола. Конгресс имеет право применять эту статью на основании соответствующего законодательства*». Она предоставила американским женщинам право голоса на федеральном уровне, ознаменовав новую эру в политической истории страны.

В раннюю эпоху становления государства США (XVIII в.) американки были лишены основных прав, которыми пользовались граждане мужского пола. Женщины не имели права голоса, права владеть собственностью (замужние женщины), законных прав на любые заработанные ими деньги. Женщин ориентировали на домашнее хозяйство и материнство, а политика оставалась уделом мужского населения.

Середина XIX в. — время формирования организованного на национальном уровне движения за права человека. В 1848 г. состоялся конвент в Сенека-Фоллс

(Seneca Falls Convention) (штат Нью-Йорк), организованный Элизабет Кэди Стэнтон и Лукрецией Мотт, на котором была принята «Декларация чувств» («Declaration of Sentiments»), созданная по образцу «Декларации независимости» («Declaration of Independence»). В ней говорилось, что участники съезда (более 300 делегатов) считают самоочевидной истину: все мужчины и женщины созданы равными, наделенными определенными неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью. Так требование о проведении голосования стало центральным элементом движения за права женщин. Участниками конвента были в основном женщины, но также и некоторые мужчины, включая бывшего афроамериканского раба и активиста Фредерика Дугласа.

Видные деятельницы движения, прежде всего Э. Стэнтон и Л. Мотт, Сьюзен Б. Энтони и другие активистки, занимались агитационно-просветительской работой и лоббировали правительство в отношении предоставления женщинам избирательных прав. Длительная борьба сопровождалась многими лишениями: преследованиями, тюремными заключениями, голодовками, «ночью террора», избиением сотен женщин, как это случилось в 1913 г., когда протестующие устроили массовый парад избирателей в столице страны. В том же году Элис Пол основала конгресс «Союз за избирательное право женщин», ставший впоследствии Национальной женской партией, заслугу которой в принятии 19-й поправки к Конституции США трудно переоценить. Уже 2 ноября 1920 г. более 8 млн женщин на всей территории США впервые проголосовали на выборах.

Кратко о терминах

Общественное женское движение в США — это многогранное и противоречивое явление, ответы на загадки характера которого следует искать в далеком (для США особенно) историческом прошлом. Термины «женское движение», «феминизм» и «суфражизм» во многом синонимичны, хотя и обладают оттенками отличий. Напомним, *феминизм* (от лат. *femina* — женщина) — общественно-политическое движение, цель которого — предоставление женщинам всей полноты гражданских прав. В широком смысле — стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества. В узком смысле — женское движение, цель которого — устранение дискриминации женщин и уравнивание их в правах с мужчинами. Отметим отсутствие единого общепринятого в сообществе исследователей определения «феминизм» и его содержания, однако относительный консенсус наблюдается в вопросе о том, что в первую очередь феминизм анализирует проблемы женщин, отталкиваясь от признания «права на различие». При этом некоторые считают, что, поскольку феминизм стремится к равноправию полов, мужчины также страдают от сексизма и что борьба за мужские права является неотъемлемой его частью.

Понятие «*женское движение*» — это широкое понятие, подразумевающее деятельность совокупности женских организаций, которые нацелены на повышение социально-политического статуса американок и достижение равных прав с мужчинами. Оно шире понятия «*суфражизм*», которое включает активность по достижению женщинами избирательных прав. Движения, как правило, действуют на стыках зон влияния партий, там, где социальные слои не находят ответы на свои потребности со стороны партийных институтов.

Иными словами, неспособность традиционных партийно-политических институтов своевременно и трезво оценить новые реалии в обществе в целом, которые связаны с эволюцией социально-экономической ситуации и развитием общественного сознания, объективно порождает движения, женское не становится исключением в этом ряду. Главнейшая функция любого женского движения — это работа по подъему самосознания женских масс.

Женское движение в США имеет глубокие исторические корни. Оно — дитя становления американского государства и общества и впитало все своеобразие исторических, географических, экономических, этнических и психологических характеристик этого периода, развиваясь в исторической перспективе по волнообразной траектории, со взлетами и падениями с точки зрения решения в государстве проблем гендерного равенства, а точнее, преодоления дискриминации по принципу пола.

Американское женское движение поднимает женские вопросы общенационального и общечеловеческого характера, являясь важной частью политической системы современного общества, степень их воздействия на государственную политику весьма ощутима, под их влиянием модифицируются политические партии, формы и методы их действия. Именно в этом проявляется функция женского движения в политической системе государства.

Немного истории, проливающей свет на характер американских женщин, формирующих общественный активизм

Ученые отмечают, что в колониальный период истории США (конец XV в.) в первых европейских поселениях на территории современных США были и женщины. В 1607 г. здесь было образовано первое английское поселение. В следующем, 1608 г. состоялось прибытие первых женщин в Джеймстаун. Беглый взгляд на вехи периода рождения государства фиксирует феномен «табачных невест», который вносит свою специфику в отношения к женским переселенцам из-за «дефицита» и «высокой стоимости» прибывших невест. Типичная женщина колониальной Америки формируется под влиянием социально-демографических, экономических и религиозных факторов. Уже в колониальный период складывается *особенный статус американских женщин*, по сравнению, например, с Европой. В чем особенности статуса американок и в чем причина влияния женщин на ход исторического развития США?

Мария Константиновна Цебрикова, российская писательница, ученый и публицист, автор книги «Американки XVIII века», изданной в Санкт-Петербурге в 1871 г., т. е. 10 лет спустя после отмены крепостного права в России, справедливо подчеркивала роль американок в истории США. Она писала: «Не найдется ни одной страны, где бы влияние женщины было так сильно, прочно и благотворно, как в Америке». М. К. Цебрикова, как и многие другие исследователи женской истории борьбы за независимость, подчеркивала, что американки деятельно служили всеми силами делу освобождения отечества; их влияние, прямое и опосредованное, на судьбу страны было сильно и прочно. Америка обязана счастливым исходом своей борьбы за независимость этому влиянию почти столько же, сколько политической мудрости своих великих вождей и героической неустрашимости своих граждан [Цебрикова, 1871].

Впервые требования равноправия были выдвинуты женщинами именно во время Войны за независимость в США (1775—1783). Первой американской феминисткой считают Абигейл Смит Адамс (1744—1818), которой принадлежит знаменитая фраза: «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали, и власти, которая не представляет наших интересов» (цит. по: [там же]).

Причина влияния американских женщин на ход исторического развития США лежит в энергетическом, самостоятельном и практическом их характере, который мог развиваться только при социальных, политических и религиозных условиях жизни пионерских колоний. Выделяя социально-демографический фактор как ключевой с точки зрения формирования характера американок, автор убедительно показывает природу обстоятельств, требовавших от них самостоятельности и укрепления чувства независимости и собственного достоинства. На этой основе строились взаимоотношения между мужчинами и женщинами.

Количество женщин было гораздо меньше, чем мужчин. Немногие женщины решались на опасное путешествие. Поэтому отношения между мужчинами и женщинами устанавливались по известному экономическому закону: чего менее, тем более дорожат. При этом женщины по естественному чувству самосохранения останавливали свой выбор на тех, кто предоставлял им гарантии для сохранения их независимости и самостоятельности. Мужчине, заподозренному в грубом деспотизме, было несравненно труднее найти себе жену. Существовала особая необходимость приобретения жены в условиях уединенного образа жизни. В тех обстоятельствах женщины мужественно переносили все трудности (с ружьем в одной руке и с топором в другой): обрабатывали землю, заведовали многосложным домашним хозяйством и производством. Часто в отсутствие мужчин защищались от нападений диких племен или диких зверей. Влияние экономического фактора объективно срабатывало против закрепощения женщины: в Новом Свете земля была вдоволь, ее можно было приобретать за бесценок или просто захватывать по праву сильного. Рождение ребенка в самом бедном семействе было радостью, поскольку была гарантия его прокормить — земля, гарантия куска хлеба на старость. Внося значительную долю труда в семью, американки были не зависимыми существами, которых содержат из милости, а равноправными членами семьи.

Неслучайно суровый пуританизм, который охранял, как святыню, неприкосновенность отцовской власти, не превратил американскую семью в домо-строевскую. Американские исследователи подчеркивают также важность религиозного фактора в формировании характера и общественного идеала американских женщин. Американки были дочерьми и внучками людей, которые предпочли изгнание измене своим убеждениям, которые перенесли гонимую в Старом Свете свободу совести в Новый Свет. Нужно много мужества и энергии для того, чтобы отказаться от выгод прочного обеспеченного положения, порвать все близкие кровные связи, подвергнуться опасностям дальнего пути в малоизвестную страну, о которой ходили чудовищные слухи. Независимость, купленная такой дорогой ценой, занимала верхние строчки в нравственных приоритетах, превращаясь в святыню. При этом «сама религия, основанная на принципе свободного исследования, освобождала умы от подчинения авторитету,

подготавливала путь гражданской свободы» [там же]. Учение пуритан, вследствие принципа свободного толкования, распадалось на секты, которые, устраняя все более обрядность, приближались к простоте первых христианских общин. На этом основании некоторые секты допускали проповеди женщин, которые стали усердными исповедницами религии, что открывало им широкое поле для пропаганды и подвигов.

Женское движение в борьбе за гражданские и политические свободы в США

История американского суфражизма началась сразу же после Гражданской войны, когда была принята 14-я поправка к Конституции, определившая американское гражданство и включившая в число граждан бывших рабов. Сторонники равноправия полов утверждали, что поправка относится и к женщинам, однако эта идея не разделялась консервативно настроенным большинством. Были созданы две независимые суфражистские организации, одна из которых выбрала путь лоббирования внесения поправки к федеральной Конституции, а вторая сосредоточилась на работе в каждом отдельном штате. В декабре 1869 г. женщины штата Вайоминг получили право не только принимать участие в выборах, но и быть присяжными в суде. Следом похожие законы приняли и другие штаты, однако потребовалось еще полвека борьбы, прежде чем 19-я поправка, гарантирующая женщинам избирательные права на федеральном уровне, заняла свое соответствующее место в ряду других, обретя статус закона.

Парадоксально, но факт: первая женщина была избрана в конгресс США еще до того, как американкам было разрешено голосовать. В 1917 г. жители штата Монтана избрали Джанет Рэнкин в палату представителей (нижняя палата конгресса, число членов которой от каждого штата пропорционально его населению). В 1933 г. Хэтти Каравэй стала первой женщиной, избранной в сенат (верхняя палата конгресса, куда выбираются 2 представителя от любого штата). Любопытно, что первыми женщинами-губернаторами стали жены экс-губернаторов (в Техасе и Вайоминге).

Влияние феминистского движения на различные изменения в западном обществе в середине XX в. касалось прав женщин в отношении разводов, владения имуществом, права женщин на контроль над собственным телом и права решать, какое медицинское вмешательство для них допустимо (в том числе выбор противозачаточных средств и прерывание беременности — аборт). Здесь набирает силу женское освободительное движение за гражданские права (равная с мужчинами оплата труда, равные законодательные права и свобода в планировании своей семьи). Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу, принятие Закона о гражданских правах 1964 г. и Закона об избирательных правах 1965 г. — яркие вехи этого периода женского движения.

Нет сомнения в том, что развитие теоретической базы — феминистской философии — способствовало развитию женского движения, его феминистского крыла. Феминистическая литература возникла в США, позже — в Великобритании и Франции. Она была публицистической и политической. Но скоро «женская» проблематика становится предметом академических исследований в целом

ряде областей знания: антропологии, этнологии, социологии, психологии, философии, политологии и др.

Исследователи отмечают значение выхода в свет работы Бетти Фридан «Загадка женственности» («The Feminine Mystique», 1963), в которой она подвергла критике идею о том, что женщины могут реализовать себя только в сфере домашнего хозяйства и воспитания детей. Широко признано, что эта книга «дала начальный импульс» современному женскому движению и в результате навсегда изменила структуру общества в США и других странах мира. Главная идея работы Б. Фридан заключается в том, что роль домашней хозяйки и воспитательницы детей была навязана женщине посредством создания так называемой загадки женственности. Автор разоблачала псевдонаучные теории, женские журналы и рекламную индустрию, которые навязали женщинам, обладающим истинной женственностью, отсутствие потребности в карьере, высшем образовании и политических правах. Иными словами, «женственной американке» чужды независимость и возможности, за которые когда-то боролись феминистки. Ее единственное устремление — с раннего девичества посвятить себя поискам мужа и рождению детей. Работа Б. Фридан подоспела вовремя, поскольку сумела отразить уже созревший в обществе запрос на перемены в статусе американских женщин.

В 1984 г. демократы впервые выдвинули женщину — Джеральдин Ферраро — кандидатом на пост вице-президента. В 2006 г. Нэнси Пеллосси стала первой женщиной-спикером палаты представителей, заняв тем самым 3-ю позицию в очереди на президентскую должность (после вице-президента) — в случае смерти или болезни действующего президента. Широко известна политическая деятельность Хиллари Клинтон.

Период 1975—2000 гг. стал свидетелем заметных и впечатляющих изменений к лучшему в положении женщин в американском обществе во всех областях жизни — политической, экономической, социальной, психологической и культурной. *Основополагающее требование женского движения — о признании в женщине полноценного человека, личности — получило широкое распространение в общественном сознании, закрепляясь в общественном идеале.*

Об отношении к гендерному равенству, женскому движению и феминизму

От права голоса — до защиты рабочих мест. Многие из достижений американских женщин на протяжении всей истории США представляют собой результат различных форм активности в рамках движения за гендерное равенство и справедливость. На счету американского женского движения немало побед. Однако 57 % американцев считают достигнутый уровень гендерного равенства в стране недостаточным и выражают готовность предпринимать усилия. Многие принимают участие в деятельности, направленной на совершенствование ситуации в этом вопросе [Horowitz, 2020]. Так, по данным опроса Исследовательского центра Пью (Pew) (июль 2020 г.), около 13 % взрослого населения США внесли деньги в организацию, которая занимается вопросами гендерной проблематики и гендерного равенства. Примерно каждая 5-я женщина-демократка (22 %) внесла деньги в организацию, которая занимает позиции по вопросам, связанным с гендерной проблематикой или гендерным равенством, по сравнению с 17 % мужчин-демократов и всего

4 % женщин и мужчин — республиканцев. 14 % женщин-демократок говорят, что они участвовали в акции протеста или митинге, посвященных этим проблемам, меньшая доля мужчин-демократов (9 %), женщин (5 %) и мужчин (2 %) — республиканцев говорят, что они также принимали участие в них.

Каждый из 10 респондентов связывался как избиратель/избирательница с выборным должностным лицом, чтобы донести свое мнение по гендерным вопросам или принять участие в акции, посвященной проблемам гендерного равенства и справедливости. Большая часть респондентов высказала свое мнение о гендерном равенстве или гендерной справедливости в беседах с семьей и друзьями (54 %) или путем размещения контента по этим темам на сайтах социальных сетей (21 % среди тех, кто использует эти сайты). Женщины Демократической партии или сочувствующие ей, имеющие степень бакалавра, более активны, чем участницы с более низким уровнем образования, в реальных действиях в борьбе за гендерное равенство [ibid.].

В настоящее время во всем мире люди решительно выступают за большее гендерное равенство. Такую тенденцию фиксируют социологические опросы [Poushter, Fetterolf, 2019]. Хотя существуют прогнозы о том, что потребуется более столетия для ликвидации нынешнего гендерного разрыва (например, об этом говорится в докладе «О глобальном гендерном разрыве» Всемирного экономического форума (2019) относительно стран, которые он охватывает), общие тенденции свидетельствуют о росте гендерного равенства во многих странах.

Происходит осознание необходимости изменений в отношении гендерного равенства. Так, большинство опрошенных в 23 из 27 государств (2019) считают, что за последние два десятилетия в их стране выросло равенство между мужчинами и женщинами. При этом фиксируют тенденцию к широкому распространению позитивного отношения к росту гендерного равенства [ibid.]. В США 71 % опрошенных высказываются за рост уровня гендерного равенства, лишь 4 % — против (для сравнения: позитивную позицию разделяют в России 40 %, против — 11 %).

7 из 10 американцев считают, что феминистское движение сделало «очень много» (22 %) или «довольно много» (48 %) для продвижения прав женщин в США; 59 % придерживаются такого же мнения относительно роли Демократической партии, в том числе 12 % утверждают, что она «сделала очень много». При этом большинство американцев отрицательно оценивают в этом плане Республиканскую партию (61 %) и Д. Трампа (69 %), порицая их как сделавших мало или вообще ничего не совершивших для продвижения прав женщин. В целом общественность считает, что феминистское движение внесло свой вклад в улучшение прав женщин в США. Иными словами, позитивную оценку влияния феминистского движения в США выражает сегодня преобладающее большинство — 70 % [Barroso, 2020].

Женщины чаще, чем мужчины, ассоциируют феминизм с такими позитивными качествами, как расширение прав и возможностей и инклюзивность, в то время как мужчины чаще, чем женщины, видят в феминизме поляризацию и неактуальность. Тем не менее 6 из 10 мужчин считают, что феминизм расширяет возможности.

Существуют также большие партийные разночтения во взглядах на феминизм. В то время как 76 % демократов полагают, что феминизм расширяет

возможности, только 49 % республиканцев говорят то же самое, т. е. почти в 2 раза меньше. Эти партийные стереотипы одинаково проявляются и у женщин, и у мужчин. Женщины-демократки гораздо чаще, чем женщины-республиканки, видят в феминизме расширение прав и возможностей (77 и 56 %) и инклюзивность (53 и 36 %). Женщины-республиканки в 2 раза чаще, чем женщины-демократки, считают феминизм устаревшим (36 и 18 %).

Отмечены также расовые и этнические различия в том, как люди относятся к феминизму. Примерно половина белых взрослых (49 %) подчеркивают разделяющую характеристику феминизма, по сравнению с 34 % черных и 36 % испаноязычных взрослых. При этом среди взрослых около трети (32 %) белых считают феминизм устаревшим, примерно каждый 4-й чернокожий (24 %) и латиноамериканец (26 %) придерживаются этой же точки зрения.

Администрация Д. Трампа и американские женщины¹

Борьба с насилием в отношении женщин — сложнейшая конкретная задача женского движения, которое рассматривает его как проявление исторически сложившегося неравного соотношения сил между полами, что выражается в дискриминации женщин во всех сферах общественной жизни. Насилие представляет собой важнейший социальный механизм, при помощи которого женщин принуждают занимать подчиненное, по сравнению с мужчинами, положение в семье, в обществе и на работе. Политика терпимости государства и общества по отношению к этому социальному злу — одна из основополагающих причин насилия. Поэтому равноправие женщин не может быть достигнуто до тех пор, пока существует насилие или угроза насилия. Равенство женщин с мужчинами и безопасность женщин, таким образом, неразрывно связаны между собой.

Закон о насилии в отношении женщин (Violence against Women Act), принятый 13 сентября 1994 г. как часть (Title IV) закона Б. Клинтона о борьбе с преступностью (Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994), — первый федеральный законодательный акт, нацеленный на решение проблемы домашнего насилия [H.R.3355 — Violent Crime Control... , 1994]. Государство давало сигнал: проблема осознана и проявлена готовность к ее разрешению. Любопытно, что билль был внесен в конгресс США ранее, еще 19 июня 1990 г., сенатором Джозефом Байденом, кандидатом на пост президента страны в 2020 г. [S. 2754 — Violence... , 1990]. Однако тогда его не приняли, как не приняли и 21 января 1993 г., когда сенатор внес его повторно [Domestic... , 2013].

В обществе началось осознание того, что это вопрос не семейный — речь идет *о правах человека*. Проблема насилия в отношении женщин стала приобретать более комплексный характер, переходя границы расовых, гендерных и социально-политических отношений, острота которых проявилась с особой силой при администрации Д. Трампа.

Вопреки ожиданиям многих в президентской гонке 2016 г. победил кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп, набравший почти на 3 млн голосов меньше, чем демократка Х. Клинтон. Он завоевал большинство в коллегии

¹ Подробнее см.: *Шведова Н. А.* Между коляской и ноутбуком: реализация политики гендерного равенства в США // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 4 (начало); 2019. № 1 (окончание).

выборщиков, которая формируется по результатам голосования в отдельных штатах и определяет исход выборов. На следующий день после официального вступления в должность 45-го президента США (21 января 2017 г.) состоялся многотысячный марш американских женщин во всех концах страны и за рубежом, о котором заговорили как о крупнейшем событии в общественно-политической жизни США, а также вне страны.

Что вывело американских женщин на улицы? Предвыборная риторика Д. Трампа не оставляла сомнений в том, что над правами женщин и всеми соответствующими достижениями, которые были завоеваны к этому времени, нависла угроза. Поэтому была очевидна необходимость продемонстрировать новому президенту решительность в защите своих прав. Развернувшаяся дискуссия в социальных сетях по поводу женского марша довольно отчетливо демонстрировала это. Одни горячо поддерживали марш как выражение протеста, другие высмеивали неспособность принять результаты выборов, а также отсутствие инклюзивности, которая предполагала частичное согласие с лозунгами протеста в рамках женского марша. Речь шла о сложном отношении к проблеме прерывания беременности (аборт).

За первым маршем при администрации Д. Трампа последовал следующий, марш женщин — 2018². Марш как форма жизнедеятельности женского движения в США не является одноактным действием. Он планируется как заключительный аккорд демонстрации того или иного требования к правительству. Смысл заключается в том, что предшествует этому событию. Подготовка — это многомесячный процесс, благодаря которому женские неправительственные организации — с прицелом на выборы — проводят агитационно-пропагандистскую работу по продвижению своих идей и интересов. Цель — добиться значимых изменений на предстоящих в ноябре 2018 г. промежуточных выборах. Женщины в США обрели достаточные рычаги власти и влияния на формирование собственной судьбы и на вектор развития страны.

Республиканец Д. Трамп предпринимает, по образному определению Элеонор Смил, президента одной из влиятельнейших женских организаций США «Фонд феминистского большинства» («Feminist Majority Foundation»), «мизогинистическую атаку» на американок. Она подчеркнула провал попыток администрации отменить Закон о доступном здравоохранении и лишить более 32 млн американцев медицинской страховки. Теперь меры направлены на подрыв положения женщин в отношении не только программы планирования семьи, но и средств контрацепции, которые используются для лечения серьезных заболеваний. Указывая на остроту поставленных задач, Э. Смил заявила: «На карту поставлено так много: права женщин, репродуктивное здравоохранение, раздел IX закона, права иммигрантов, права трудящихся, гражданские права, права ЛГБТ плюс изменение климата и многое другое. Давайте объединимся в солидарности и продемонстрируем нашу приверженность борьбе за жизнь женщин» (цит. по: [Young Women... , 2017]). Многие женские некоммерческие организации отозвались на призыв. Среди авторитетных женских организаций следует назвать прежде всего такие:

² Подробнее см.: Шведова Н. А. Американские женщины и администрация Д. Трампа: год спустя // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 4.

— Американский союз гражданских свобод (American Civil Liberties Union);

— Императив здравоохранения для черных женщин (Black Women's Health Imperative);

— Национальная женская организация (National Organization for Women, NOW);

— Национальная лига действий по репродуктивным правам и аборту — за выбор Америки (National Abortion and Reproductive Rights Action League — Pro-Choice America, NARAL);

— Национальное женское политическое собрание (National Women's Political Caucus);

— Национальный латиноамериканский институт репродуктивного здоровья (National Latina Institute for Reproductive Health);

— Федерация планируемого родительства Америки (Planned Parenthood Federation of America);

— Форум женских кампаний (Women's Campaign Forum).

Многочисленные сексистские высказывания Д. Трампа настраивали против него тех американцев, и женщин, и мужчин, кто исповедует принципы равенства полов. Кроме того, из уст президента раздавались вполне однозначные призывы, которые задевали за живое и иммигрантов. Так, в 2019 г. президент США посоветовал 4 американкам — членам конгресса (все цветные женщины) — вернуться «туда, откуда они родом». Он подчеркнул, что они «происходят из стран, где правительства являются полной катастрофой, худшие, самые коррумпированные и неумелые, чем где-либо в мире» (цит. по: [Орлова, 2020]). Речь шла об Александрии Окасио-Кортес, пуэрториканке, которая родилась и выросла в Нью-Йорке, чернокожей Аянне Пресли из штата Огайо, мусульманках Рашиде Тлаиб, родом из Мичигана, и Ильхан Омар, беженке из Сомали.

Среди них Ильхан Омар — единственная натурализованная гражданка, остальные — изначально гражданки США. В это время, после промежуточных выборов 2018 г., в конгрессе США 116-го созыва (03.01.2019 г. — 03.01.2021 г.) 47 из 127 женщин в обеих палатах были цветными американками (22 афроамериканки, 13 латиноамериканок, 8 азиатских американок (жительницы тихоокеанских островов), 2 коренные американки, по одной ближневосточной (североафриканка) и многорасовой) [Women... , 2019]. Такой состав сложился впервые в истории американского парламентаризма. И это было не случайно: большая доля успеха принадлежала активному женскому движению, которое сосредоточило свои усилия на работе по призыву в ряды претендентов на выборные должности как можно большего числа женщин наряду с поддержкой их избрания, чтобы легитимным путем противостоять и не допустить уничтожения республиканским правлением завоеванных рубежей гендерного равенства в стране. Это была очевидная победа женского демократического движения.

Вопрос о репродуктивных правах и о прерывании беременности (аборты) — один из наиболее актуальных для женского движения в США на протяжении уже долгого времени. Право на прерывание беременности было подтверждено Верховным судом в 1973 г. в известном деле «Роу против Уэйда»: право

на частную жизнь распространяется на право женщины делать свой выбор в отношении сохранения или прерывания беременности. Однако американкам не удалось закрепить достигнутое: в 1992 г. Верховный суд вынес решение, в соответствии с которым штаты могут вводить свои ограничения на проведение абортов. В результате такой стратегии легальный аборт оказался под угрозой: число принятых в штатах мер, подрывающих право на аборт, увеличивалось.

Особую тревогу вызывают попытки установить различные формы контроля над рождаемостью. Такие инициативы администрации Д. Трампа, как ужесточение правил предоставления противозачаточных средств, создание отдела по вопросам свободы совести и религиозной свободы при Управлении по гражданским правам, входящем в Министерство здравоохранения и социального обеспечения (Conscience and Religious Freedom Division under the Office for Civil Rights at the Department of Health and Human Services, HHS), которое способствует расширенному толкованию и применению религиозных и моральных изъятий для ряда других служб репродуктивного здоровья, включая контрацепцию, атаки на планируемое родительство, восстановление и расширение так называемого правила «глобального блока» (Global Gag Rule), которое не позволяет получателям американской помощи предлагать какую-либо информацию, услуги или пропаганду в отношении медицинских услуг по прерыванию беременности даже при наличии иных источников финансирования, сокращение финансирования Фонда народонаселения ООН (U.N. Population Fund), который осуществляет деятельность по защите прав женщин во всем мире, охране материнства, планированию семьи и занимается программами гендерного равенства, — эти и другие меры властей служат толчком для совместных протестных действий. Они вывели на улицы миллионы демонстрантов, протестующих против попыток республиканской администрации Д. Трампа ущемить права женщин³.

Коронавирусная болезнь вызвала чрезмерную нагрузку на уязвимые группы по всей стране — меньшинства и общины меньшинств, особенно афроамериканцев и латиноамериканцев, несоразмерно сильно пострадавших от вируса. При этом в США проявились тенденции, которые наблюдались и в других странах мира: коронавирус особенно сильно поражает женщин и девочек, в том числе нарушает доступ к материнскому здоровью, ставит под угрозу тех, кто ухаживает за детьми, и увеличивает риск бытового насилия [Miliband, Sandberg, 2020].

Критики, обрушившиеся на администрацию Д. Трампа, обвиняли его и его целевую группу по коронавирусу (в основном мужского пола) за то, что они игнорируют воздействие COVID-19 на женщин, усиливая атаки на репродуктивные права путем сокращения основных услуг в области репродуктивного здоровья и экспорт ограничительной политики⁴. Такая политика, утверждали критики, пагубна не только для гендерного равенства, но и для всей страны и ее перспектив на восстановление. Выступая против права «на выбор», т. е. против прерывания

³ Подробнее см.: Шведова Н. А. Создание мира равных возможностей: стратегия равенства и политическое представительство полов в США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. Вып. 2. URL: <http://rusus.jes.su/s20705476000031-1-1> (дата обращения: 16.01.2019).

⁴ Подробнее см.: Шведова Н. А. COVID-19 в контексте президентской гонки в США // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011742-3-1> (дата обращения: 16.09.2020).

беременности, президент Д. Трамп и другие политики подрывают экономическую безопасность женщин и ограничивают основные репродуктивные права в стране и за рубежом в то время, когда благосостояние женщин и семей имеет решающее значение для долгосрочного восстановления [Phadke, Schmitt, 2020].

Наряду с этим отчет центров по контролю и профилактике заболеваний показал, что женщины составляют две трети работников медицинской сферы США, которые были инфицированы с момента начала вспышки [Characteristics... , 2020]. Вместо расширения доступа к медицинскому обслуживанию администрация Д. Трампа отказалась вновь открыть общенациональные рынки медицинского страхования, которые могли бы помочь расширить уход за незастрахованными американцами [Phadke, Schmitt, 2020].

Расширение доступа к контролю за рождаемостью и прерывание беременности в домашних условиях могли бы позволить женщинам лучше контролировать свое собственное репродуктивное здоровье в обострившейся ситуации наибольшей опасности для их здоровья — с одной стороны. С другой — это могло бы поддерживать дистанционные меры и предотвращать любую дополнительную нагрузку на уже перегруженную систему здравоохранения.

Таким образом, американское женское движение, представляя собой одно из проявлений социальной активности, выступает неотъемлемым элементом гражданского общества, которое отражает процесс вызревания демократических идеалов и ценностей. Оно служит барометром настроений и духовных ориентиров женских масс, по которому власти вынуждены сверять свои программы и политику, потому что женское движение — активная упорядоченная деятельность этого сообщества.

Ясно, что степень отражения интересов женской социально-половой группы — половины населения страны — зависит от эффективности и силы общественно-политического влияния неоднородного, порой с противоположными зарядами, американского женского движения. Его портрет на политическом поле США рисуют стратегия и тактика участия женского движения в подготовке, принятии и оформлении на федеральном, региональном и местном уровнях политических и управленческих решений, от которых зависит судьба и статус женского населения.

Женское движение в США испытывает на себе осязаемое партийное влияние, которое, однако, не всегда является приоритетным в определении выражаемой позиции, когда речь заходит о проблемах, затрагивающих прежде всего интересы американок. В условиях сложившихся традиций «устоявшейся демократии» женское движение склонно к легитимным способам и методам борьбы посредством создания организованных коалиций и достижения компромисса и консенсуса с институтами власти, в выборе которых оно принимает самое активное участие.

Практика демонстрирует, что женское движение способно осуществлять необходимую корректировку политики в отношении положения женщин, не всегда быстро и всегда прикладывая значительные усилия, чтобы, пройдя нелегкий путь контроля и мониторинга исполнения решений (реализации политики и соответствующих программ), касающихся женского населения, добиваться поставленных целей.

Все изменения в статусе американских женщин, несмотря на их объективную неизбежность, произошли и продолжают реализовываться в результате конкретной

длительной и упорной работы женского движения. Связь с насущными, конкретными проблемами повседневной жизни, наряду с постановкой стратегических целей, — его сильная сторона. Активность женского движения заставляет штатных и федеральных законодателей учитывать его интересы и потребности.

Лидеры женского движения апеллируют к Конституции США, которая провозглашает гражданское и политическое равенство граждан, что должно в полной мере распространяться на частную жизнь и семейные отношения. С развитием идеи свободы и принципов неотчуждаемости естественных прав человека понятие семейной жизни становится более гибким. Осознание самодостаточности открывает перед женщинами разнообразные возможности самовыражения, что в той или иной степени размывает основы семейных отношений, построенных на принципах традиционной семьи, в которой главная роль принадлежит отцу-кормильцу, а жене отведена второстепенная роль — объекта этих отношений. Благодаря усилиям женского движения американские женщины получили доступ в высшие учебные заведения, несмотря на все сопротивление, включая распространенные гендерные стереотипы о неспособности женщин к восприятию научных знаний наравне с мужчинами. Высшие учебные заведения становятся не только кузницей профессиональных кадров, но и школой развития организаторских способностей и лидерских качеств. Выпускницы колледжей и университетов принимают активное участие в работе всевозможных женских организаций.

Принятие 19-й поправки к Конституции США в 1920 г., гарантировавшей женщинам избирательное право, стало мощным стимулом для дальнейшей эволюции социально-экономических и политических прав американских женщин.

В январе 2020 г. штат Вирджиния стал 38-м штатом, принявшим *поправку о равных правах*, почти через полвека после того, как она была принята сенатом (1972). В настоящее время она ратифицирована тремя четвертями штатов, что необходимо для внесения поправок в Конституцию США. Смысл поправки о равных правах состоит в том, что она закрепит в Конституции Соединенных Штатов концепцию равенства женщин и создаст *национальный правовой стандарт*, запрещающий все формы дискриминации по признаку пола в высшем законе страны. Это поможет женщинам в случаях дискриминации в области образования, занятости, заработной платы, военной службы, социального обеспечения, насилия в отношении женщин и многих других.

Свою повестку дня американское женское движение не исчерпало. До сих пор Соединенные Штаты не ратифицировали Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Остаются и другие барьеры, преодоление которых, по мнению американских женщин, не должно долго заставлять себя ждать.

Список источников

- Орлова К. Расизм в США: почему Америка снова полыхает. 2020. URL: https://echo.msk.ru/blog/karina_orlova/2652031-echo/ (дата обращения: 04.10.2020).
- Цебрикова М. К. Американки XVIII века. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1871. URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/10/59/11/pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
- Barroso A. 61 % of U.S. Women Say «Feminist» Describes them Well; Many See Feminism as Empowering, Polarizing. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/07/>

- 07/61-of-u-s-women-say-feminist-describes-them-well-many-see-feminism-as-empowering-polarizing/ (дата обращения: 10.08. 2019).
- Characteristics of Health Care Personnel with COVID-19 — United States, February 12 — April 9, 2020. URL: <https://www.cdc.gov/mmwr/volumes/69/wr/mm6915e6.htm> (дата обращения: 10. 05.2020).
- Domestic (Intimate Partner) Violence Fast Facts. 2013. URL: <https://edition.cnn.com/2013/12/06/us/domestic-intimate-partner-violence-fast-facts/index.html> (дата обращения: 31.03.2019).
- H.R.3355 — Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994. 1994. URL: <https://www.congress.gov/bill/103rd-congress/house-bill/3355> (дата обращения: 31.04.2020).
- Horowitz J. M. Activism on Gender Equality Differs Widely by Education among Democratic Women. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/07/09/activism-on-gender-equality-differs-widely-by-education-among-democratic-women/> (дата обращения: 11.09. 2020).
- Miliband D., Sandberg Sh. A Second Covid Crisis Is Coming. 2020. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/04/24/covid-crisis-women-205856?nname=women-rule&nid=00000169-5991-d01a-a169-5d9f0cc10001&nrid=0000015f-01eb-d618-a7ff-8fffc9fc0000&nlid=2485581> (дата обращения: 26.04.2020).
- Phadke Sh., Schmitt A. Protecting and Promoting Women’s Rights Is Key to Defeating the Coronavirus at Home and Abroad. 2020. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/women/news/2020/05/29/485606/protecting-promoting-womens-rights-key-defeating-coronavirus-home-abroad/> (дата обращения: 04.06.2020).
- Poushter J., Fetterolf J. How People around the World View Gender Equality in Their Countries. 2019. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/04/22/how-people-around-the-world-view-gender-equality-in-their-countries/> (дата обращения: 10.05.2019).
- S.2754 — Violence Against Women Act of 1990. 1990. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/2754> (дата обращения: 30.04.2020).
- Women in the U.S. Congress. 2019. URL: <https://www.cawp.rutgers.edu/women-us-congress-2019> (дата обращения: 15.02.2019).
- Young Women Outraged over New Misogynistic Trump Birth Control Rule. 2017. URL: <http://feminist.org/blog/index.php/2017/10/06/young-women-outraged-over-new-misogynistic-trump-birth-control-rule/> (дата обращения: 10.12.2017).

References

- Barroso, A. (2020) *61 % of U.S. Women Say “Feminist” Describes them Well; Many See Feminism as Empowering, Polarizing*, available from <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/07/07/61-of-u-s-women-say-feminist-describes-them-well-many-see-feminism-as-empowering-polarizing/> (accessed 10.08. 2019).
- Characteristics of Health Care Personnel with COVID-19* — United States, February 12—April 9, 2020 (2020), available from <https://www.cdc.gov/mmwr/volumes/69/wr/mm6915e6.htm> (accessed 10.05.2020).
- Domestic (Intimate Partner) Violence Fast Facts* (2018), available from <https://edition.cnn.com/2013/12/06/us/domestic-intimate-partner-violence-fast-facts/index.html> (accessed 31.03.2019).
- H.R.3355 — Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994* (1994), available from <https://www.congress.gov/bill/103rd-congress/house-bill/3355> (accessed 31.04.2020).
- Horowitz, J. M. (2020) *Activism on Gender Equality Differs Widely by Education among Democratic Women*, available from <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/07/>

- 09/activism-on-gender-equality-differs-widely-by-education-among-democratic-women/ (accessed 11.09.2020).
- Miliband, D., Sandberg, Sh. (2020) *A Second Covid Crisis Is Coming*, available from <https://www.politico.com/news/magazine/2020/04/24/covid-crisis-women-205856?nname=women-rule&nid=00000169-5991-d01a-a169-5d9f0cc10001&nrid=0000015f-01eb-d618-a7ff-8fffc9fc0000&nlid=2485581> (accessed 26.04.2020).
- Orlova, K. (2020) *Rasizm v SShA: pochemu Amerika snova polykhaet* [Racism in the USA: Why America is on fire again], available from https://echo.msk.ru/blog/karina_orlova/2652031-echo/ (accessed 04.10.2020).
- Phadke, Sh., Schmitt, A. (2020) *Protecting and Promoting Women's Rights Is Key to Defeating the Coronavirus at Home and Abroad*, available from <https://www.americanprogress.org/issues/women/news/2020/05/29/485606/protecting-promoting-womens-rights-key-defeating-coronavirus-home-abroad/> (accessed 04.06.2020).
- Poushter, J., Fetterolf, J. (2019) *How People around the World View Gender Equality in their Countries*, available from <https://www.pewresearch.org/global/2019/04/22/how-people-around-the-world-view-gender-equality-in-their-countries/> (accessed 10.05.2019).
- S.2754 — *Violence against Women Act of 1990* (1990), available from <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/2754> (accessed 31.04.2020).
- Tsebrikova, M. K. (1871) *Amerikanki XVIII veka* [American women of the XVIII century], St. Petersburg: Tipografiia F. S. Sushchinskogo, available from <https://www.bookvoed.ru/files/3515/10/59/11/pdf> (accessed 01.07.2020).
- Women in the U.S. Congress, 2019* (2019), available from <https://www.cawp.rutgers.edu/women-us-congress-2019> (accessed 15.02.2019).
- Young Women Outraged over New Misogynistic Trump Birth Control Rule* (2017), available from <http://feminist.org/blog/index.php/2017/10/06/young-women-outraged-over-new-misogynistic-trump-birth-control-rule/> (accessed 10.12.2017).

Статья поступила в редакцию 19.06.2021; одобрена после рецензирования 22.08.2021; принята к публикации 03.09.2021.

The article was submitted 29.11.2020; approved after reviewing 22.08.2021; accepted for publication 03.09.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

GENDER POLITOLOGY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 88—109.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 88—109.

Научная статья

УДК 316.334.3

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.7

ЖЕНСКИЙ ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СУБФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

*Оксана Всеволодовна Милаева, Валерий Анатольевич Бобров,
Ольга Александровна Мартынова, Анна Юрьевна Питерова,
Альберт Евгеньевич Сиушкин*

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, milaevaov@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловливается институционализацией гендерного дисбаланса в органах представительства Российской Федерации, отсутствием значимых улучшений в аспекте интеграции женщин в систему политического управления. Результаты исследования показывают, что характеристики актуальной модели женского депутатского корпуса Российской Федерации субфедерального уровня не обнаруживают значительных изменений в сравнении с более ранним периодом. Базовая категория регионального женского представительства определяется 10—20 %, муниципального — 20—30 %. Количество представительных органов субъектов с долей женского участия 10—20 % на муниципальном уровне почти в 2 раза меньше, чем на региональном, как и категория минимальной представленности — менее 10 %. При этом самая малочисленная для регионального уровня группа представленности женщин (выше 30 %) на муниципальном уровне включает 14 субъектов, приближаясь к показателям группы представленности женщин выше среднего (20—30 %) на региональном уровне. В трети представительных органов субъектов (23) фиксируется искажение ставшей традиционной гендерной пирамиды, ее конфигурация изменяется: на региональном уровне фиксируется более высокий процент женского представительства, чем на муниципальном. Данное искажение не имеет отношения к итогам выборов 13.09.2020 г., а является устойчивым для ряда субъектов Дальневосточного, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов.

Ключевые слова: гендерные исследования, политическое представительство, женщина в политике, региональное представительство, муниципальное представительство, женщины-депутаты

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31091.

Для цитирования: Милаева О. В., Бобров В. А., Мартынова О. А., Питерова А. Ю., Сиушкин А. Е. Женский депутатский корпус Российской Федерации субфедерального уровня: количественные характеристики // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 88—109.

Original article

FEMALE DEPUTIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE SUB-FEDERAL LEVEL: QUANTITATIVE CHARACTERISTICS

*Oxana V. Milaeva, Valery A. Bobrov, Olga A. Martynova,
Anna Yu. Piterova, Albert E. Siushkin*

Penza State University, Penza, Russian Federation, milaevaov@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the institutionalization of the gender imbalance in the representative bodies of the Russian Federation, the lack of significant improvements in the aspect of the integration of women into the system of political governance. The results of the study show that the characteristics of the current model of representation of women of the Russian Federation at the sub-federal level do not show significant changes compared to the previous period. The main category of women's representation in the regions where the majority of subjects are concentrated is representation at the level of 10—20 %, while at the municipal level the average percentage of women's participation is 20—30 %. The number of representative bodies of subjects with a 10—20 % participation rate of women at the municipal level is almost twice less than at the regional level, as is the category of minimum representation (less than 10 %). At the same time, the smallest group of women's representation at the regional level (above 30 %) at the municipal level includes 14 subjects, approaching the indicators of the group of representation above the average (20—30 %) at the regional level. In one third of the representative bodies of the subjects (23), a distortion of the traditional gender pyramid is recorded, its configuration is changing: a higher percentage of women's representation is recorded at the regional level than at the municipal level. This distortion is not related to the results of the elections on September 13, 2020, but is stable for a number of subjects of the Far Eastern Federal District, the North-Western Federal District and the Volga Federal District.

Key words: gender research, political representation, woman in politics, regional representation, municipal representation, female deputies

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31091.

For citation: Milaeva, O. V., Bobrov, V. A., Martynova, O. A., Piterova, A. Yu., Siushkin, A. E. (2021) Zhenskii deputatskii korpus Rossiiskoi Federatsii subfederal'nogo urovnia: kolichestvennye kharakteristiki [Female deputies of the Russian Federation at the sub-federal level: quantitative characteristics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 88—109.

26 лет назад Четвертой Всемирной конференцией ООН по положению женщин были приняты Пекинская декларация и Платформа действий, содержащие меры расширения прав женщин в экономической, политической, социальной сферах, формирования национальных институций, способствующих ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Российская Федерация, в числе 189 стран подписавшая документ, в 1996 г. приняла «Концепцию улучшения положения женщин в Российской Федерации», где декларировалась в том числе и обеспокоенность государства не востребоваанностью женщин в политике, и необходимость добиваться участия женщин в принятии решений на всех уровнях. Несмотря на признание проблемы, обратившись к сравнению показателей женского участия в политике на федеральном уровне по индексам гендерного равенства, представляемым Всемирным экономическим форумом (Global Gender Gap), можно увидеть, что РФ опустилась со 108-го места в рейтинге 2006 г. на 122-е в 2020 г. Цифры свидетельствуют, что женщины по-прежнему слабо интегрированы в систему власти и управления. Гендерная пирамида в системе органов представительства остается проблемой не только на федеральном, но и на региональном и местном уровне.

Проблема женского представительства в публичной политике достаточно давно является объектом отечественных политических исследований [Рябова, Овчарова, 2016]. Актуальный анализ моделей женского представительства в системе властных отношений базируется на сложившемся в отечественной школе гендерных политических исследований методологическом аппарате [Теория и методология... , 2001], включающем междисциплинарный подход [Гендерная реконструкция... , 2004], методологию математического и статистического анализа. Гендерное измерение в аналитике системы властных отношений на всех уровнях иерархии [Айвазова, 2004; Акмалова, Капицын, 2012] является одним из магистральных направлений изучения в гендерной политологии [Швец, Шепелева, 2015], реализуясь в рамках как теоретизации моделей [Бадмацыренова, Доржиева, 2019], так и прикладного анализа женского представительства в муниципальных, региональных, федеральных органах власти [Кочкина, 2003]. Выявлены основные характеристики женского политического участия, к которым исследователи относят дисбаланс репрезентации мужчин и женщин во власти [Кочкина, 2004; Иванова, 2005; Овчарова, 2008b], институционализацию гендерной властной пирамиды [Пушкарева, 2008]. Изучение субфедерального уровня женского представительства в органах власти является отдельным направлением в гендерной политологии, о чем свидетельствует значительное количество работ, посвященных анализу участия женщин в региональной публичной политике [Колесник, 2009; Очинова, 2010, 2011], особенностям реализации женской региональной политической карьеры [Попова, 2013; Козлова, 2019]. Участие женщин в органах представительства изучалось как по отдельным субъектам [Тарусина, 2005; Козлова, 2016; Милаева, 2020], группам регионов [Девятярова, 2014; Милаева и др., 2020], так и по федеральным округам [Козлова, 2017a, 2017b). В гендерных исследованиях нашли отражение проблемы электорального поведения, реформирования избирательного законодательства и его влияния на динамику участия женщин в представительных органах, вопрос о политических партиях как институтах продвижения женщин в публичную политику [Овчарова, 2008a; Успенская, 2012]. Проблематика работ включает анализ сложившихся

гендерных стереотипов в восприятии публичной политики [Рябова, 2009; Музыка, 2017], специфики гендерной интерпретации политики [Жукова, 2010].

В отечественных исследованиях ведется поиск возможностей интеграции гендерного подхода в реальные управленческие практики, политических, социальных, правовых механизмов выравнивания дисбаланса мужского и женского представительства во власти [Хасбулатова, 2006; Исмагилова, 2010; Тарусина, 2012; Воронина, 2020]. В фокусе внимания находятся структуры и механизмы, расширяющие практики женского участия в публичной политике [Чирухина, 2010], проводятся сравнительные исследования [Максимова, 2007; Степанова, 1999].

Новизна работы заключается в рассмотрении в качестве объекта анализа количественного состава женского депутатского корпуса регионального и муниципального уровня в 8 федеральных округах РФ с изменениями по итогам выборов 13.09.2020 г. В качестве объекта выступают региональные законодательные органы и органы представительства местного самоуправления административных центров субъектов РФ в 8 административных округах: 18 субъектов Центрального федерального округа (ЦФО), 11 субъектов Северо-Западного (СЗФО), 8 субъектов Южного (ЮФО), 14 субъектов Приволжского (ПФО), 7 субъектов Северо-Кавказского (СКФО), 6 субъектов Уральского (УФО), 10 субъектов Сибирского (СФО), 11 субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Предметом исследования являются количественные характеристики женского депутатского корпуса РФ субфедерального уровня. Цель — создание дескриптивной модели женского политического представительства субфедерального уровня РФ.

Методология исследования являет собой сбор эмпирического материала, составление базы статистических данных, их систематизацию и аналитическую группировку по количественным показателям¹. В качестве эмпирического базиса выступают биографические данные депутатов, размещенные на официальных сайтах органов представительства субъектов РФ, открытые данные электоральной статистики избирательных комиссий субъектов, сайты информационного электорального сервиса², партийные сайты³. Наши подсчеты опираются на фактические данные, размещенные на официальных сайтах соответствующих органов, и могут расходиться с формально установленными нормативными актами субъектов численными показателями представительства, что связано с высоким уровнем динамики состава вследствие декларационных кампаний, дополнительных выборов и иных причин.

Депутатский корпус субфедерального уровня и административных центров субъектов составляет 6579 чел.: депутаты региональных парламентов — 3968, депутаты представительных органов местного самоуправления — 2611. Процент женского представительства от общей численности депутатов субфедерального уровня составляет 1187 чел. (18,0 %). Данные по изменению численного состава представлены в табл. 1.

¹ Статистическая группировка осуществлялась при помощи Microsoft Excel. Не учитывались показатели по довыборам, проводимым в ряде субъектов 13.09.2020 г.

² Сервис для поиска информации о выборах и кандидатах. Поиск выборов. URL: <https://vybory.pro/poisk-vyborov>.

³ Информационная система «Избиратель — депутат». URL: <https://ideputat.er.ru/>.

Таблица 1

Представленность женщин в депутатском корпусе РФ субфедерального уровня, чел.

Срок	Федеральный округ								
	ЮФО	УФО	СКФО	ДФО	СФО	СЗФО	ЦФО	ПФО	Всего
<i>Региональный уровень</i>									
До 13.09.2020 г.	68 (16.9 %)	22 (8.8 %)	47 (11.9 %)	78 (19.2 %)	69 (13.9 %)	98 (22.9 %)	131 (16.7 %)	116 (14.8 %)	629 (15.6 %)
После 13.09.2020 г.	68 (16.9 %)	24 (9.5 %)	47 (11.9 %)	81 (19.9 %)	70 (14.1 %)	95 (22.3 %)	130 (16.1 %)	116 (14.8 %)	631 (15.7 %)
<i>Муниципальный уровень</i>									
До 13.09.2020 г.	47 (18.8 %)	38 (20.7 %)	35 (16.6 %)	70 (22.7 %)	75 (21.9 %)	69 (28.1 %)	125 (21.8 %)	109 (19.9 %)	568 (21.3 %)
После 13.09.2020 г.	47 (18.2 %)	38 (20.7 %)	36 (17.3 %)	67 (22.5 %)	82 (23.9 %)	69 (28.1 %)	113 (20.5 %)	104 (19.6 %)	556 (21.4 %)

Диапазон представленности по различным федеральным округам широк, поэтому мы выделяем 4 группы, в которые объединяем субъекты РФ по индикатору женского представительства с процентным шагом в 10 %: менее 10 %, 10—20 %, 20—30 %, свыше 30 %. Группы нумеруются от 1 до 4 в порядке убывания числа образующих их субъектов. Первую группу на каждом уровне образуют субъекты с самым распространенным процентом женского представительства по всем субъектам РФ. Это сложившаяся на данный момент среднестатистическая норма, от которой с отклонениями в ту или другую сторону образуются другие группы. Данные по количеству субъектов, входящих в одну из выделенных групп, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение субъектов РФ по процентным группам женского представительства

Группа	Федеральный округ								
	ЮФО	УФО	СКФО	ДФО	СФО	СЗФО	ЦФО	ПФО	Всего
<i>Региональный уровень</i>									
10—20 %	6	1	3	5	6	2	13	13	49
20—30 %	2	1	1	4	2	7	2	—	19
Менее 10 %	—	4	3	—	2	1	2	1	13
Более 30 %	—	—	—	2	—	1	1	—	4
<i>Муниципальный уровень</i>									
10—20 %	4	2	2	4	2	2	5	7	28
20—30 %	3	3	3	2	5	3	10	3	32
Менее 10 %	—	—	2	1	1	—	1	1	6
Более 30 %	—	1	—	4	2	4	—	3	14

Количественные характеристики женского представительства по отдельным федеральным округам приведены ниже в ряде таблиц.

**Центральный федеральный округ:
сокращение женского представительства⁴**

Общая численность депутатского корпуса ЦФО двух уровней 1356 чел., из них женщин 243 (17,9 %). Данные по действующему составу приведены в табл. 3.

Таблица 3

Женское представительство в депутатском корпусе ЦФО

Субъект ЦФО (область, кроме г. Москва)	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
чел.		%	чел.		%	
Белгородская	50	8	16.0	39	8	20.5
Брянская	60	5	8.3	32	7	21.9
Владимирская	38	8	21.1	25	6	24.0
Воронежская	56	5	8.9	36	1	2.8
Ивановская	26	3	11.5	30	9	30.0
Калужская	40	6	15.0	34	6	17.7
Костромская	33	4	12.1	33	8	24.2
Курская	44	5	11.4	34	7	20.6
Липецкая	56	11	19.6	36	8	22.2
Город федерального значения Москва	44	18	40.9	–	–	–
Московская	50	7	14.0	–	–	–
Орловская	47	11	23.4	38	4	10.5
Рязанская	40	5	12.5	40	12	30.0
Смоленская	48	7	14.6	30	5	16.7
Тамбовская	49	7	14.3	36	10	27.8
Тверская	40	7	17.5	33	6	18.2
Тульская	36	7	19.4	35	10	28.6
Ярославская	50	6	12.0	38	6	15.8

Женское представительство ЦФО регионального уровня составляет 16,1 % (130 из 807 чел.). В ЦФО на обоих уровнях отмечается тенденция к уменьшению женского представительства: по итогам выборов в Белгородскую, Воронежскую, Рязанскую и Костромскую областные думы и в Законодательное собрание Калужской области женский депутатский корпус сократился на 4 чел. В Калуге и Рязани женщины потеряли 8 мандатов, выборы в Воронежской и Костромской думах увеличили их численность на 4 депутата. Основное количество региональных парламентов субъектов ЦФО (13) относится к среднестатистической группе регионов с представленностью женщин в диапазоне 10—20 %. Парламенты Владимирской

⁴ Региональные выборы 13.09.2020 г.: Белгородская областная дума, Воронежская областная дума, Законодательное собрание Калужской области, Рязанская областная дума, Костромская областная дума. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Совет народных депутатов г. Владимир, Воронежская городская дума, Ивановская городская дума, Городская дума г. Калуга, Дума г. Кострома, Липецкий городской Совет депутатов, Орловский городской Совет народных депутатов, Смоленский городской Совет депутатов, Тамбовская городская дума.

и Орловской областей входят в группу с показателем от 20 до 30 %. Москва демонстрирует значительное превышение средних показателей по региону и входит в группу субъектов с процентом женского участия выше 30 %. Воронежская и Брянская области, в законодательных органах которых представлено по 5 женщин, относятся к субъектам с минимальным женским представительством.

Женский муниципальный депутатский корпус составляет 20,5 % (113 из 549 чел.) от общего числа депутатов, по итогам выборов он сократился в общей сложности на 12 чел. за счет выборов во Владимире (4), Воронеже (2), Костроме (2), Орле (3). Самое значимое сокращение произошло в Липецком городском Совете депутатов, где женщины потеряли 6 мандатов. Не изменилось количество женщин в Иванове, Калуге, Смоленске. Увеличился на 4 чел. только один орган — Тамбовская городская дума.

Приволжский федеральный округ: сокращение женского представительства⁵

Общая численность регионального депутатского корпуса ПФО — 1313 чел., женское представительство — 220 чел. (16,7 %). 13 из 14 субъектов ПФО по индикатору женского представительства находятся в группе регионов с представленностью женщин на уровне 10—20 %. Данные по действующему составу приведены в табл. 4.

Таблица 4

Женское представительство в депутатском корпусе ПФО

Субъект ПФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин чел.	%	Всего, чел.	Из них женщин чел.	%
Республика Татарстан	99	16	16.2	50	13	26.0
Республика Марий Эл	52	8	15.4	33	12	36.4
Республика Мордовия	48	7	14.6	28	9	32.1
Удмуртская Республика	60	9	15.0	35	4	11.4
Чувашская Республика	44	5	11.4	43	4	9.3
Республика Башкортостан	110	18	16.4	36	4	11.1
Самарская область	50	9	18.0	41	11	26.8
Саратовская область	41	8	19.5	41	9	22.0
Пермский край	58	9	15.5	36	5	13.9
Оренбургская область	47	7	14.9	40	4	10.0
Нижегородская область	50	5	10.0	35	12	34.3
Пензенская область	36	4	11.1	35	5	14.3
Кировская область	54	9	16.7	36	7	19.4
Ульяновская область	35	2	5.7	40	5	12.5

⁵ Региональные выборы 13.09.2020 г.: основные выборы в региональные законодательные органы не проводились. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Казанская городская дума, Городская дума г. Ижевск, Чебоксарское городское собрание депутатов, Городская дума г. Нижний Новгород, Оренбургский городской Совет депутатов, Ульяновская городская дума, Дума городского округа Самара.

Женское представительство регионального уровня в ПФО составляет 14,8 % (116 из 784 чел.). Максимальное женское представительство фиксируется в законодательных органах Саратовской области. Наиболее феминизированными из всех республик являются законодательные органы Татарстана и Башкортостана. От 15 до 10 % женщин заседают в региональных легислатурах Республик Марий Эл, Удмуртской, Чувашской, Мордовии. Законодательное собрание Ульяновской области относится к выделенной нами группе минимального женского представительства.

Муниципальный депутатский корпус ПФО включает 529 чел., представленность в нем женщин ниже, чем на региональном уровне (104 против 116 чел.), но, как и по всем субъектам, процент женского представительства выше (19,6 %). По итогам выборов женское представительство сократилось на 5 чел. за счет выборов в Ижевске (3), Чебоксарах (2), Оренбурге (2), Ульяновске (2). Увеличилось представительство женщин только в Казанской городской думе (1), Городской думе г. Нижний Новгород (5). Не изменилась численность женщин в депутатском корпусе Самары. В представительных органах местного самоуправления в 7 из 14 административных центров ПФО фиксируется процент женского участия от 10 до 20 %. В 3 субъектах женское представительство несколько превышает средний процент по округу и варьируется от 20 до 30 %: Думе городского округа Самара, Казанской городской думе, Саратовской городской думе. Самый высокий процент женского представительства фиксируется в Собрании депутатов городского округа «Город Йошкар-Ола», Совете депутатов городского округа Саранск, Городской думе г. Нижний Новгород. Менее 10 % женщин в Чебоксарском городском собрании.

Северо-Западный федеральный округ: компенсация разновекторных тенденций⁶

Общая численность регионального депутатского корпуса СЗФО составляет 670 чел., женское представительство — 164 чел. (24,5 %). Данные по действующему составу приведены в табл. 5.

Женское представительство регионального уровня — 22,3 % (95 чел.). По итогам выборов в Государственный совет Республики Коми количество женщин сократилось на 3 чел. (с 98 до 95 чел. по округу в целом). Представленность женщин выше 30 % в Законодательном собрании Республики Карелия, менее 10 % женского участия в Мурманской областной думе. Основная масса региональных парламентов СЗФО демонстрирует уровень женского представительства 20—30 %: Вологодская область, Республика Коми, Собрание депутатов Ненецкого автономного округа, Законодательное собрание Санкт-Петербурга, Псковская, Новгородская, Ленинградская области. В группу с процентом женского представительства 10—20 % входят региональные легислатуры Калининградской и Архангельской областей.

⁶ Региональные выборы 13.09.2020 г.: Государственный совет Республики Коми. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Совет муниципального образования городского округа Сыктывкар.

Таблица 5

Женское представительство в депутатском корпусе СЗФО

Субъект СЗФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
чел.		%	чел.		%	
Калининградская область	39	7	18.0	28	4	14.3
Мурманская область	32	3	9.4	30	12	40.0
Архангельская область	62	11	17.7	30	5	16.7
Республика Коми	29	8	27.6	30	11	36.7
Вологодская область	36	10	27.8	30	8	26.7
Ненецкий автономный округ	19	5	26.3	14	7	50.0
Республика Карелия	36	12	33.3	28	9	32.1
Новгородская область	31	7	22.6	30	7	23.3
Псковская область	44	10	22.7	25	6	24.0
Город федерального значения Санкт-Петербург	50	12	24.0	—	—	—
Ленинградская область	48	10	20.8	—	—	—

На муниципальном уровне в СЗФО процент представленности женщин выше регионального и составляет 28,1 %, при этом нет органов с долей женского участия менее 10 %. Выборы в Сыктывкаре увеличили количество женщин-депутатов на 3 чел. Высокий процент женского представительства отмечается в городских Советах депутатов Нарьян-Мара (50,0 %) и Мурманска (40,0 %). Более 30 % женщин в Совете муниципального образования городского округа Сыктывкар, Петрозаводском городском Совете. В представительных органах муниципалитетов Ненецкого автономного округа и Мурманска наблюдается значительный разрыв в процентах представленности женщин на региональном и муниципальном уровне. В группу регионов с женским представительством в муниципалитетах 10—20 % входят Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская и Калининградская области.

**Дальневосточный федеральный округ:
компенсация разновекторных тенденций⁷**

Общая численность регионального депутатского корпуса ДФО составляет 704 чел., женское представительство — 148 чел. (21,0 %). Данные по действующему составу приведены в табл. 6.

⁷ Региональные выборы 13.09.2020 г.: Магаданская областная дума. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Магаданская городская дума.

Таблица 6

Женское представительство в депутатском корпусе ДФО

Субъект ДФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
чел.		%	чел.		%	
Амурская область	35	7	20.0	28	2	7.1
Республика Бурятия	66	8	12.1	30	3	10.0
Еврейская АО	19	8	42.1	20	7	35.0
Забайкальский край	50	9	18.0	30	5	16.7
Камчатский край	27	7	25.9	31	7	22.6
Магаданская область	21	2	9.5	20	3	15.0
Приморский край	39	5	12.8	35	10	28.6
Республика Якутия	74	11	14.9	28	10	35.7
Сахалинская область	28	7	25.0	25	8	32.0
Хабаровский край	34	10	29.4	35	6	17.1
Чукотский автономный округ	14	7	50.0	15	6	40.0

Женское представительство регионального уровня — 19,9 % (81 чел.). Выборы в Магаданскую областную думу увеличили женский депутатский корпус на 2 чел. (с 78 до 80 чел. по округу), что является 100 %-м показателем роста, поскольку в прошлом созыве (2016 г.) женщины не были представлены. Более 30 % женщин-депутатов в Думе Чукотского автономного округа и в Законодательном собрании Еврейской автономной области. Представленность женщин в пределах 20—30 % в Хабаровском и Камчатском краевых парламентах, в Сахалинской и Амурской областях. 5 субъектов входят в самую большую группу регионов с представленностью женщин 10—20 %: Забайкальский край, Республика Якутия, Приморский край, Республика Бурятия, Магаданская область.

Женское представительство на муниципальном уровне в округе составляет 22,6 % (67 чел.). Выборы депутатов Магаданской городской думы сократили численность женщин на 2 чел. Максимальное женское представительство фиксируется в представительных органах 4 субъектов: Якутской, Южно-Сахалинской, Биробиджанской городских думах, Совете депутатов Анадыря. 10—20 % женщин-депутатов в Хабаровске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском, Чите, Улан-Удэ, Магадане. Единственный в округе субъект, в органах представительства которого женщин менее 10 %, — Благовещенская городская дума.

Сибирский федеральный округ: рост женского представительства⁸

Общая численность регионального депутатского корпуса СФО составляет 840 чел., женское представительство — 152 чел. (18,1 %). В СФО имеется разнообразие по представленности отдельных субъектов в различных группах, выделенных нами ранее, фиксируются значительные разрывы в процентах представленности женщин на региональном и муниципальном уровне, самые

⁸ Региональные выборы 13.09.2020 г.: Законодательное собрание Новосибирской области. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Совет депутатов г. Новосибирск, Дума г. Томск.

высокие среднестатистические отклонения от нормы по региону. Особенностью СФО является превалирование численности женщин в органах представительства на муниципальном уровне над их численностью в региональных парламентах (82 против 70 чел.). Но в процентном отношении округ дублирует общую для всех округов пирамиду. Данные по действующему составу приведены в табл. 7.

Таблица 7

Женское представительство в депутатском корпусе СФО

Субъект СФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
чел.		%	чел.		%	
Республика Алтай	41	8	19.5	20	5	25.0
Алтайский край	68	9	13.2	40	11	27.5
Республика Тыва	31	7	22.6	22	6	27.3
Республика Хакасия	50	8	16.0	29	14	48.3
Иркутская область	45	9	20.0	35	3	8.6
Кемеровская область	48	8	16.7	35	13	37.1
Красноярский край	52	4	7.7	35	7	20.0
Новосибирская область	76	9	11.8	50	10	20.0
Омская область	44	3	6.8	40	6	15.0
Томская область	42	5	11.9	37	7	18.9

Женское представительство СФО регионального уровня — 14,1 % (70 чел.). Выборы депутатов Законодательного собрания Новосибирской области увеличили численность женского депутатского корпуса на 1 депутата. Представленность женщин выше 30 % — в региональных легислатурах Тывы и Иркутской области. 6 из 10 законодательных органов СФО относятся к группе женского представительства 10—20 %: в Республиках Алтай и Хакасия, Кемеровской и Томской областях, Алтайском край и Новосибирской области. К группе минимального женского представительства относятся Омская область и Красноярский край.

Женское представительство СФО муниципального уровня — 23,9 % (82 чел.). Выборы увеличили женское присутствие в Совете депутатов г. Новосибирск (7), в Думе г. Томск их количество не изменилось. На уровне органов представительства административных центров, в отличие от региональных парламентов, половина субъектов (5 из 10) входят в группу с процентом женского представительства выше среднего: Горно-Алтайск, Барнаул, Кызыл, Новосибирск, Красноярск. Максимальная женская представленность в Совете депутатов Абакана и Кемеровском городском Совете народных депутатов, минимальная — в Городской думе Иркутска.

Южный федеральный округ: без изменений⁹

Общая численность депутатского регионального корпуса ЮФО составляет 658 чел., женское представительство — 115 чел. (17,4 %), ни в одном субъекте ЮФО оно не опускается ниже 10 %. Данные по действующему составу приведены в табл. 8.

Таблица 8

Женское представительство в депутатском корпусе ЮФО

Субъект ЮФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
чел.		%	чел.		%	
Республика Адыгея	50	8	16.0	30	7	23.3
Республика Калмыкия	27	5	18.5	25	5	20.0
Республика Крым	75	17	22.7	38	6	15.8
Астраханская область	57	10	17.5	36	6	16.7
Волгоградская область	38	7	18.4	36	5	13.9
Краснодарский край	70	8	11.4	52	11	21.2
Ростовская область	60	8	13.3	40	7	17.5
Город федерального значения Севастополь	24	5	20.8	—	—	—

Женское представительство ЮФО регионального уровня — 16,9 % (68 чел.). К региональным парламентам с представленностью женщин более 30 % относятся Государственный совет Республики Крым и Законодательное собрание г. Севастополь. В группу со средними процентами женского участия (20—30 %) входят Республики Адыгея и Калмыкия, Волгоградская, Астраханская и Ростовская области, Краснодарский край. Минимальное женское представительство фиксируется в Краснодарском крае.

Процент представленности женщин в муниципалитетах ЮФО — 18,2 % (47 чел.), выборы не изменили общую численность женского депутатского корпуса: осталась прежней численность женщин в Городской думе Ростова-на-Дону, увеличилась на 1 депутата в Краснодаре и на столько же уменьшилась в Астрахани. Более 30 % доля женского участия в органах представительства муниципалитетов Майкопа, Элисты, Краснодара. 4 из 10 представительных органов муниципального уровня относятся к самой массовой группе по индикатору женского представительства: в Симферополе, Астрахани, Волгограде и Ростове.

⁹ Региональные выборы 13.09.2020 г.: основные выборы в региональные законодательные органы не проводились. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Городская дума г. Краснодар, Городская дума муниципального образования «Город Астрахань», Ростовская-на-Дону городская дума.

**Северо-Кавказский федеральный округ:
рост женского представительства¹⁰**

Общая численность регионального депутатского корпуса СКФО составляет 602 чел., женское представительство — 83 чел. (13,7 %). Данные по действующему составу приведены в табл. 9.

Таблица 9

Женское представительство в депутатском корпусе СКФО

Субъект СКФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
	чел.	%	чел.	чел.	%	
Республика Дагестан	90	8	8.9	45	8	17.8
Республика Ингушетия	31	4	12.9	10	2	20.0
Республика Кабардино-Балкария	70	14	20.0	33	10	30.3
Республика Карачаево-Черкесия	50	8	16.0	33	8	24.2
Республика Северная Осетия — Алания	70	9	12.9	32	2	6.3
Ставропольский край	49	4	8.2	30	4	13.3
Чеченская Республика	34	—	0.0	25	2	8.0

Женское представительство регионального уровня в СКФО составляет 11,9 % (47 из 394 чел.), при этом характерен широкий диапазон: от отсутствия представленности женщин до группы регионов с показателем участия выше среднего. 20 % составляют женщины в Парламенте Кабардино-Балкарской Республики. В 3 субъектах фиксируется женское представительство 10—20 % — Республиках Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Северная Осетия — Алания. В Думе Ставропольского края менее 10 % женщин-депутатов, полностью отсутствует женское представительство в Парламенте Чеченской Республики.

Процент представленности женщин на муниципальном уровне в СКФО выше регионального и составляет 17,3 % (36 чел.). По итогам выборов в Махачкале к муниципальному женскому депутатскому корпусу добавилось 2 депутата. В целом муниципалитеты повторяют процентное распределение (с повышением процента) в региональных представительных органах. Как и на региональном уровне, наиболее высокий процент женского представительства в Совете местного самоуправления городского округа Нальчик (30 %). 20—30 % женщин в Городском Совете Магаса и Думе г. Черкесска. 10—20 % женщин в представительных органах муниципалитетов Дагестана, Ставропольского края. Менее 10 % женщин-депутатов в Грозненской городской думе и в Собрании представителей Владикавказа.

¹⁰ Региональные выборы 13.09.2020 г.: основные выборы в региональные законодательные органы не проводились. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: Собрание депутатов городского округа «Город Махачкала».

Уральский федеральный округ: рост женского представительства¹¹

УФО — единственный федеральный округ, где в большинстве региональных парламентов доля участия женщин менее 10 %. Общая численность регионального депутатского корпуса 435 чел., доля женского участия — 62 чел. (14,2 %). Данные по действующему составу приведены в табл. 10.

Таблица 10

Женское представительство в депутатском корпусе УФО

Субъект УФО	Депутаты					
	Региональный уровень			Муниципальный уровень		
	Всего, чел.	Из них женщин		Всего, чел.	Из них женщин	
	чел.	чел.	%	чел.	чел.	%
Курганская область	34	3	8.8	25	6	24.0
Свердловская область	50	3	6.0	34	6	17.7
Тюменская область	48	5	10.4	35	7	20.0
Ханты-Мансийский автономный округ	38	3	7.9	19	4	21.1
Челябинская область	60	5	8.3	49	7	14.3
Ямало-Ненецкий автономный округ	22	5	22.7	21	8	38.1

Женское представительство регионального уровня составляет 9,5 % (24 из 252 чел.). По итогам выборов в Курганскую областную думу, Законодательные собрания Челябинской области и Ямало-Ненецкого автономного округа численность женщин увеличилась на 2 чел. К группе регионов с процентом женского представительства более 30 % относится Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа. Немногим более 10 % женщин в региональном парламенте Тюменской области. В региональных парламентах Курганской, Челябинской и Свердловской областей и Думе Ханты-Мансийского автономного округа участие женщин менее 10 %.

Доля участия женщин в муниципальных органах представительства составляет 20,8 % (38 из 183 чел.), что резко контрастирует с региональным уровнем. Максимальная представленность женщин в Салехарде — 38,0 %. Органы представительства Кургана, Тюмени, Ханты-Мансийска обнаруживают уровень женского представительства 20—30 %. Свердловская и Челябинская области входят в группу с процентом женского представительства на уровне 10—20 %. На муниципальном уровне в УФО нет субъектов, представительные органы которых имели бы уровень участия женщин менее 10 %.

Подводя итог анализу женского представительства по федеральным округам, можно отметить две особенности.

¹¹ Региональные выборы 13.09.2020 г.: Курганская областная дума, Законодательное собрание Челябинской области, Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа. Муниципальные выборы 13.09.2020 г.: основные выборы в представительные органы административных центров не проводились.

Во-первых, в ряде субъектов обнаруживается значительный разрыв между процентами представленности женщин на региональном и муниципальном уровне (20—30 %): в Республиках Хакасия, Якутия и Марий Эл, Ямало-Ненецком автономном округе, Мурманской, Нижегородской, Иркутской, Кемеровской областях. Меньшие, но все же значимые расхождения процентов представленности (13—15 %) фиксируются в Курганской, Брянской, Амурской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, Красноярском крае. Во-вторых, наше исследование в целом подтверждает сохранение гендерной пирамиды в системе представительства, однако в 23 регионах (28,8 % от общего числа субъектов) мы обнаруживаем, что «пирамида власти» меняет конфигурацию: на региональном уровне фиксируется более высокий процент женского представительства, чем на муниципальном, в ряде субъектов тенденция имеет устойчивый характер на протяжении не одного электорального периода. Данные по субъектам с обратной конфигурацией женского представительства приведены в табл. 11.

Таблица 11

Субъекты округов с превышением женского регионального представительства над муниципальным

Федеральный округ	Субъект	Депутаты					
		Региональный уровень			Муниципальный уровень		
		Всего, чел.	Из них женщин чел.	%	Всего, чел.	Из них женщин чел.	%
ЮФО	Республика Крым	75	17	22.7	38	6	15.8
ЮФО	Астраханская область	57	10	17.5	36	6	16.7
ЮФО	Волгоградская область	38	7	18.4	36	5	13.9
СКФО	Республика Северная Осетия — Алания	70	9	12.9	32	2	6.3
ДФО	Амурская область	35	7	20.0	28	2	7.1
ДФО	Республика Бурятия	66	8	12.1	30	3	10.0
ДФО	Еврейская АО	19	8	42.1	20	7	35.0
ДФО	Забайкальский край	50	9	18.0	30	5	16.7
ДФО	Камчатский край	27	7	25.9	31	7	22.6
ДФО	Хабаровский край	34	10	29.4	35	6	17.1
ДФО	Чукотский автономный округ	14	7	50.0	15	6	40.0
СФО	Иркутская область	45	9	20.0	35	3	8.6
СЗФО	Калининградская область	39	7	18.0	28	4	14.3
СЗФО	Архангельская область	62	11	17.7	30	5	16.7
СЗФО	Вологодская область	36	10	27.8	30	8	26.7
СЗФО	Республика Карелия	36	12	33.3	28	9	32.1
ЦФО	Орловская область	47	11	23.4	38	4	10.5
ЦФО	Воронежская область	56	5	8.9	36	1	2.8
ПФО	Республика Удмуртия	60	9	15.0	35	4	11.4
ПФО	Республика Чувашия	44	5	11.4	43	4	9.3
ПФО	Республика Башкортостан	110	18	16.4	36	4	11.1
ПФО	Пермский край	58	9	15.5	36	5	13.9
ПФО	Оренбургская область	47	7	14.9	40	4	10.0

Результаты исследования показывают, что характеристики актуальной модели женского представительства РФ субфедерального уровня не обнаруживают значительных изменений в сравнении с более ранним периодом [Кочкина, 2003]. 57,7 % региональных парламентов субъектов РФ входят в группу с долей женского участия 10—20 %; ядро группы образуют 26 субъектов ЦФО и ПФО. Второй по численности входящих в нее субъектов является группа с процентом женского представительства 20—30 %, которую образуют 19 (22,4 %) региональных legislatures; ядро группы (57,9 %) образуется субъектами, входящими в состав СЗФО и ДФО. Третья группа с женским участием менее 10 % образована 13 субъектами (15,3 %); ядро группы (53,8 %) образуется субъектами УФО и СКФО. Четвертую группу с представленностью женщин выше 30 % составляют 4 региональных парламента (4,7 %); ядро группы (50,0 %) образуется субъектами ДФО. В данной группе в 3 субъектах (город федерального значения Москва, Еврейская АО, Чукотский автономный округ) представленность женщин от 40,0 до 50,0 %.

Самой большой группой (40,0 %) для муниципального уровня является группа с процентом женского участия 20—30 %, представленная 32 субъектами; ядро группы (46,9 %) образуют 15 субъектов ЦФО и СФО. Вторую по численности группу с процентом женского представительства 10—20 % образуют 28 субъектов (35,0 %); ядром группы (39,2 %) являются представительные органы административных центров ПФО и ЮФО. Третья группа представленности (выше 30 %) образуется 14 (17,5 %) субъектами; ядро группы (57,1 %) составляют субъекты ДФО и СЗФО. По количеству субъектов она приближается к группе представленности женщин выше среднего (более 20 %) на региональном уровне. В данной группе в административных центрах 4 субъектов фиксируется процент женского представительства от 40,0 до 50,0 % (Ненецкий автономный округ, Хакасия, Чукотский автономный округ, Мурманская область). Самой малочисленной на муниципальном уровне (6 субъектов) является группа субъектов с представленностью женщин менее 10 %. Причины и значимые аспекты более широкого женского представительства на муниципальном уровне (за рядом выявленных исключений) получили освещение в отечественных работах (см., напр.: [Акмалова, Капицин, 2012]). Изложенные точки зрения апеллируют к широкому кругу причин: от меньшей материальной ресурсности женщин-кандидатов [Гендерная реконструкция... , 2004] для конкуренции на более высоких уровнях представительства, большей вовлеченности женщин в решение социальных вопросов, максимально представленных в компетенциях органов местного самоуправления, до меньшей «престижности» муниципального депутатского мандата, что снижает уровень конкуренции, ведет к минимальному выдвижению женщин-кандидатов политическими партиями, включению их в списки на заведомо непроходные места. Отметим и неоднократно указанные исследователями распространенные в обществе гендерные стереотипы относительно участия женщин в политике, причины объективного характера (более высокая занятость женщин в семье, более поздний возраст вхождения в политическую деятельность) и пр.

Наличие гендерного дисбаланса в политическом представительстве констатируется государством в рамках «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы», где отмечается низкий уровень

участия женщин в органах законодательной и представительной власти. Обращает на себя внимание изменение риторики политических документов в отношении обеспечения реализации прав женщин в сторону более консервативной, по сравнению с упоминаемой выше «Концепцией», смещение ее к полюсу обеспечения охраны прав женщин в традиционных областях, предписанных с точки зрения полоролевых подходов интеграции женщин в социальное, экономическое и политическое пространство.

Научным и экспертным сообществом предложены различные варианты, позволяющие более эффективно решать проблемы выравнивания гендерного дисбаланса в политическом управлении: от информационно-просветительской работы до правового урегулирования вопроса. На наш взгляд, в настоящий момент наиболее актуальными представляются институциональный и правовой механизмы, формирование государственной системы постоянного мониторинга проблем гендерного равенства. В РФ, однако, отсутствуют институциональные национальные механизмы, обеспечивающие планомерную реализацию гендерной политики, свернута деятельность органов, которые могли бы этому способствовать [Исмагилова, 2010]. В связи с этим нужно констатировать, что рекомендательные меры и декларации, формирование «спящих» институций в виде консультативных органов не обнаруживают реального влияния на выравнивание гендерного дисбаланса. Необходим правовой механизм регулирования вопросов гендерного равноправия, апробированный в современной международной практике, включающий в том числе гендерные квоты в органах представительства и гендерные экспертизы соответствующих проектов правовых актов.

Список источников

- Айвазова С. Г.* Гендерное измерение власти в современной России. К постановке вопроса // *Политическая наука. Власть и демократия в условиях глобализации.* 2004. № 1. С. 160—182.
- Акмалова А. А., Катицин В. М.* Женщины в системе власти и самоуправления // *Самоуправление.* 2012. № 3. С. 28—29.
- Бадмацыренова Е. Л., Доржиева С. В.* Теоретические модели политического участия женщин // *Власть.* 2019. № 4. С. 175—189.
- Воронина О. А.* Пост-Пекин: российская гендерная политика в международном контексте // *Женщина в российском обществе.* 2020. № 3. С. 3—15.
- Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. 991 с.
- Девятярова А. И.* Представленность женщин в парламентах регионов Западной Сибири: сравнительный анализ // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2014. № 1. С. 293—300.
- Жукова О. И.* Гендерная интерпретация политики: теоретические подходы и политические практики: примеры России и Франции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 31 с.
- Иванова Н. А.* Гендерное неравенство в системе политической власти: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2005. 15 с.

- Исмагилова Л. Р.* Формирование национального механизма гендерного равенства в Российской Федерации: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2010. 23 с.
- Козлова Н. Н.* Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // *Человек. Сообщество. Управление.* 2017b. Т. 18, № 2. С. 68—84.
- Козлова Н. Н.* Законодательное собрание Тверской области (1994—2016): гендерный профиль // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление.* 2016. № 3. С. 202—211.
- Козлова Н. Н.* Реализация избирательных прав женщин в современной России: представительство женщин в региональных легислатурах Северо-Западного федерального округа // *Гражданин. Выборы. Власть.* 2017a. № 1—2. С. 114—127.
- Козлова Н. Н., Монахова Ю. А.* Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // *Вестник Пермского университета. Сер.: Политология.* 2019. Т. 13, № 2. С. 57—69.
- Колесник Н. В.* Гендерные распределения в региональной элите: (Северо-Запад и Юг России) // *ПОЛИТЭКС.* 2009. Т. 5, № 2. С. 72—87.
- Кочкина Е. В.* Гендерная асимметрия в структурах власти Российской Федерации: проблемы политико-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 26 с.
- Кочкина Е. В.* Представительство женщин в структурах власти России, 1917—2002 // *Гендерная реконструкция политических систем.* СПб.: Алетейя, 2003.
- Максимова О. Б.* Политическая карьера женщин в России и странах Запада: сравнительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология.* 2007. № 1. С. 27—35.
- Милаева О. В.* Социальный портрет субфедерального депутатского корпуса Республики Хакасия: гендерный аспект // *Наука. Общество. Государство.* 2020. Т. 8, № 2. С. 228—238.
- Милаева О. В., Морозов С. Д., Сиушкин А. Е.* Участие женщин в органах представительства национальных республик Сибирского федерального округа // *Социально-гуманитарные знания.* 2020. № 4. С. 315—326.
- Музыка Е. В.* Гендерные особенности восприятия власти в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 32 с.
- Овчарова О. Г.* Влияние пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в России // *Избирательные процессы в современной России: теория и практика.* Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2008a. С. 128—133.
- Овчарова О. Г.* Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008b. 46 с.
- Очирова В. М.* Женщины в российских органах власти: региональное измерение // *Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы.* Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. С. 253—255.
- Очирова В. М.* Женщины в составе региональных политических элит: к проблеме представительства // *Власть.* 2011. № 12. С. 57—60.
- Попова О. В.* Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 3. С. 21—30.
- Пушкарева Н. Л.* Где больше власти — там меньше женщин: (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ 1991—2006 гг.) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология.* 2008. № 1. С. 117—127.

- Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2009. 43 с.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 3—21.
- Степанова Н. М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. С. 18—21.
- Тарусина И. Г. Представительство женщин в меняющихся политических элитах: (на примере Томской области) // *Гендерное устройство: социальные институты и практики* / под ред. Ж. В. Черновой. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2005. С. 195—207.
- Тарусина Н. Н. Гендерная экспертиза российского законодательства. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2012. 44 с.
- Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ: МВШСЭН: МФФ, 2001. 416 с.
- Успенская В. И. Политические партии как ключевой фактор повышения роли женщин в политике // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление*. 2012. № 26. С. 15—24.
- Хасбулатова О. А. Проблемы интеграции гендерного подхода в деятельность органов регионального управления // *Женщина в российском обществе*. 2006. № 1—2. С. 10—15.
- Чирухина Ю. В. Политическое участие женщин и механизмы реализации политического равноправия // *Территория новых возможностей: вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2010. № 2. С. 9—16.
- Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития. М.: Кредо, 2015. 148 с.

References

- Aivazova, S. G. (2004) *Gendernoe izmerenie vlasti v sovremennoĭ Rossii. K postanovke voprosa* [Gender dimension of power in modern Russia. To raise the question], in: *Politicheskaiia nauka. Vlast' i demokratiia v usloviakh globalizatsii*, no. 1, pp. 160—182.
- Akmalova, A. A., Kapitsin, V. M. (2012) *Zhenshchiny v sisteme vlasti i samoupravleniia* [Women in the system of power and self-government], *Samoupravlenie*, no. 3, pp. 28—29.
- Badmatsyrenova, E. L., Dorzhieva, S. V. (2019) *Teoreticheskie modeli politicheskogo uchastiia zhenshchin* [Theoretical models of women's political participation], *Vlast'*, no. 4, pp. 175—189.
- Chirukhina, Iu. V. (2010) *Politicheskoe uchastie zhenshchin i mekhanizmy realizatsii politicheskogo ravnopraviia* [Political participation of women and mechanisms for the realization of political equality], *Territoriia novykh vozmozhnostei: Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, no. 2, pp. 9—16.
- Deviatiarova, A. I. (2014) *Predstavlennost' zhenshchin v parlamentakh regionov Zapadnoi Sibiri: sravnitel'nyi analiz* [Representation of women in the parliaments of the regions of Western Siberia: a comparative analysis], *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 1, pp. 293—300.
- Ismagilova, L. R. (2010) *Formirovanie natsional'nogo mekhanizma gendernogo ravenstva v Rossiiskoi Federatsii: sotsiologicheskii analiz: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Formation of the national mechanism of gender equality in the Russian Federation: A sociological analysis: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Kazan'.

- Ivanova, N. A. (2005) *Gendernoe neravenstvo v sisteme politicheskoi vlasti: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Gender inequality in the system of political power: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Khasbulatova, O. A. (2006) Problemy integratsii gendernogo podkhoda v deiatel'nost' organov regional'nogo upravleniia [Problems of integrating a gender approach into the activities of regional government bodies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 10—15.
- Kochkina, E. V. (2003) Predstavitel'stvo zhenshchin v strukturakh vlasti Rossii, 1917—2002 [Representation of women in the structures of power in Russia, 1917—2002], in: *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteiia.
- Kochkina, E. V. (2004) *Gendernaia asimmetriia v strukturakh vlasti Rossiiskoi Federatsii: Problemy politiko-pravovogo regulirovaniia: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Gender asymmetry in the power structures of the Russian Federation: Problems of political and legal regulation: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kolesnik, N. V. (2009) Gendernye raspredeleniia v regional'noi èlite: (Severo-Zapad i Iug Rossii) [Gender distributions in the regional elite: (North-West and South of Russia)], *Politicheskaiia èkspertiza*, vol. 5, no. 2, pp. 72—87.
- Kozlova, N. N. (2016) Zakonodatel'noe sobranie Tverskoï oblasti (1994—2016): gendernyi profil' [Legislative Assembly of the Tver Region (1994—2016): gender profile], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Èkonomika i upravlenie, no. 3, pp. 202—211.
- Kozlova, N. N. (2017a) Realizatsiia izbiratel'nykh prav zhenshchin v sovremennoi Rossii: predstavitel'stvo zhenshchin v regional'nykh legislaturakh Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Implementation of women's electoral rights in modern Russia: representation of women in regional legislatures of the North-Western Federal District], *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, no. 1—2, pp. 114—127.
- Kozlova, N. N. (2017b) Deputatskii korpus regional'nykh parlamentov Iuzhnogo federal'nogo okruga: opyt gendernogo analiza [Deputy corps of regional parliaments of the Southern Federal District: experience of gender analysis], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 18, no. 2, pp. 68—84.
- Kozlova, N. N., Monakhova, Iu. A. (2019) Zhenshchiny-deputaty predstavitel'nykh organov Privolzhskogo federal'nogo okruga: opyt analiza politicheskikh biografii [Women deputies of representative bodies of the Volga Federal District: experience in analyzing political biographies], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Politologiya, vol. 13, no. 2, pp. 57—69.
- Maksimova, O. B. (2007) Politicheskaiia kar'era zhenshchin v Rossii i stranakh Zapada: sravnitel'nyi analiz [Political career of women in Russia and Western countries: a comparative analysis], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Politologiya, no. 1, pp. 27—35.
- Milaeva, O. V. (2020) Sotsial'nyi portret subfederal'nogo deputatskogo korpusa Respubliki Hakasiia: gendernyi aspekt [Social portrait of the sub-federal deputy corps of the Republic of Khakassia: gender aspect], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 8, no. 2, pp. 228—238.
- Milaeva, O. V., Morozov, S. D., Siushkin, A. E. (2020) Uchastie zhenshchin v organakh predstavitel'stva natsional'nykh respublik Sibirskogo federal'nogo okruga [Participation of women in the representation bodies of the national republics of the Siberian Federal District], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 4, pp. 315—326.
- Muzyka, E. V. (2017) *Gendernye osobennosti vospriiatiia vlasti v sovremennoi Rossii: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Gender features of the perception of power in modern Russia: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.

- Ochirova, V. M. (2010) Zhenshchiny v rossiiskikh organakh vlasti: regional'noe izmerenie [Women in Russian authorities: regional dimension], in: *Problemy modernizatsii rossiiskoi gosudarstvennosti: strategii, instituty, aktory*, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava.
- Ochirova, V. M. (2011) Zhenshchiny v sostave regional'nykh politicheskikh elit: k probleme predstavitel'stva [Women in regional political elites: on the problem of representation], *Vlast'*, no. 12, pp. 57—60.
- Ovcharova, O. G. (2008a) Vliianie proporsional'noi izbiratel'noi sistemy na predstavitel'stvo zhenshchin v Rossii [The influence of the proportional electoral system on the representation of women in Russia], in: *Izбирatel'nye protsessy v sovremennoi Rossii: teoriia i praktika*, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava.
- Ovcharova, O. G. (2008b) *Gendernaia asimmetriia politiki: neinstitutsional'nye i institutsional'nye aspekty*: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk [Gender asymmetry of politics: non-institutional and institutional aspects: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Saratov.
- Popova, O. V. (2013) Gendernye aspekty politicheskoi kar'ery rossiiskoi subfederal'noi elity: mneniia ekspertov [Gender aspects of the political career of the Russian sub-federal elite: expert opinions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—30.
- Pushkareva, N. L. (2008) Gde bol'she vlasti — tam men'she zhenshchin: (Gendernaia ekspertiza zakonodatel'stva i tekushchei zakonotvorcheskoi deiatel'nosti vysshikh organov vlasti RF 1991—2006 gg.) [Where there is more power, there are fewer women: (Gender expertise of legislation and current legislative activities of the highest authorities of the Russian Federation 1991—2006)], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii, Politologii, no. 1, pp. 117—127.
- Riabova, T. B. (2009) *Gendernye stereotipy v politicheskoi sfere sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz*: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk [Gender stereotypes in the political sphere of modern Russian society: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Nizhniĭ Novgorod.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologiya v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender political science in Russia: achievements, problems and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—21.
- Shvets, L. G., Shepeleva, Iu. L. (2015) *Gendernyi aspekt vlastnykh otnoshenii: problemy i napravleniia razvitiia* [Gender aspect of power relations: problems and directions of development], Moscow: Kredo.
- Stepanova, N. M. (1999) Opyt ispol'zovaniia gendernykh kvot v stranakh Zapadnoi Evropy [Experience in the use of tender quotas in Western European countries], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 18—21.
- Stepanova, N. M., Kochkina, E. V. (eds) (2004) *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh system* [Gender reconstruction of political systems], St. Petersburg: Aleteiia.
- Tarusina, I. G. (2005) Predstavitel'stvo zhenshchin v meniaiushchikhsia politicheskikh elitakh: (Na primere Tomskoi oblasti) [Representation of women in changing political elites: (On the example of the Tomsk Region)], in: *Gendernoe ustroistvo: sotsial'nye instituty i praktiki*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Tarusina, N. N. (2012) *Gendernaia ekspertiza rossiiskogo zakonodatel'stva* [Gender expertise of Russian legislation], Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi universitet.
- Uspenskaia, V. I. (2012) Politicheskie partii kak kliuchevoi faktor povysheniia roli zhenshchin v politike [Political parties as a key factor in increasing the role of women in politics], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Ekonomika i upravlenie, no. 26, pp. 15—24.

- Voronina, O. A. (2020) Post-Pekin: rossiiskaia gendernaia politika v mezhdunarodnom kontekste [Post-Beijing: Russian gender policy in the international context], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Voronina, O. A. (ed.) (2001) *Teoriia i metodologiya gendernykh issledovaniĭ: Kurs lektsii* [Theory and methodology of gender studies: Course of lectures], Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, Moskovskaia vysshaia shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, Moskovskii filosofskii fond.
- Zhukova, O. I. (2010) *Gendernaia interpretatsiia politiki: teoreticheskie podkhody i politicheskie praktiki: Primery Rossii i Frantsii: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Gender interpretation of politics: theoretical approaches and political practices: examples of Russia and France: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.

Статья поступила в редакцию 26.06.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 26.06.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 01.11.2021.

Информация об авторах / Information about the authors

Милаева Оксана Всеволодовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, milaevaov@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, Penza, Russian Federation).

Бобров Валерий Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, Penza, Russian Federation).

Мартынова Ольга Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, Penza, Russian Federation).

Питерова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, Penza, Russian Federation).

Сиушкин Альберт Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of the Theory of State and Law and Political Studies, Penza State University, Penza, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

GENDER HISTORY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 110—120.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 110—120.

Научная статья

УДК 342(091)''1906''

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.8

ЗАКОНОПРОЕКТ О РАВНОПРАВИИ ЖЕНЩИН 1906 г. — ПЕРВАЯ ГЕНДЕРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Светлана Вячеславовна Ворошилова¹,
Наталья Михайловна Великая^{2, 3}*

¹ Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

² Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

³ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
natalivelikaya@gmail.com

Аннотация. Обосновывается значимость гендерной экспертизы законодательства и рассматривается содержание Проекта закона о равноправии женщин, подготовленного юридической комиссией Союза равноправности женщин по просьбе Государственной думы в 1906 г. В рамках данного законопроекта была осуществлена первая гендерная экспертиза действующего законодательства в России, в ходе которой были внесены изменения в 34 нормативных правовых акта. Рассматривая деятельность Союза равноправности женщин, который активно выступал за предоставление женщинам избирательного права, за право женщин на высшее образование и государственную службу, авторы обращают внимание на дисперсность женского движения в начале XX в. Анализируется основное содержание дискуссий в I Государственной думе по поводу этого законопроекта и делается вывод об устойчивости гендерных стереотипов в сфере законодательного процесса.

Ключевые слова: женщины, равноправие, закон, гендерная экспертиза, Государственная дума, Союз равноправности женщин

Для цитирования: Ворошилова С. В., Великая Н. М. Законопроект о равноправии женщин 1906 г. — первая гендерная экспертиза российского законодательства // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 110—120.

Original article

THE DRAFT LAW ON WOMEN'S EQUALITY OF 1906 — THE FIRST GENDER EXAMINATION OF RUSSIAN LEGISLATION

*Svetlana V. Voroshilova*¹, *Nataliya M. Velikaya*^{2,3}

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

² Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
natalivelikaya@gmail.com

Abstract. The article examines the content of the Draft Law on Equal Rights of Women, prepared by the legal Commission of the Union for Equal Rights of Women, at the request of the State Duma in 1906. Within the framework of this draft law, the first gender expertise of the current legislation in Russia was carried out, during which changes were made to 34 regulatory legal acts. Considering the activities of the “Union for Equal Rights of Women”, which actively advocated for the granting women the right to vote, for the women’s right to higher education and public service, the authors draw attention to the dispersion of the women’s movement in the early XX century. In spite of that it was women organizations and women-representatives who initiated the development of the Draft Law on Women’s Equality and prepared the comparison table of amendments to the current legislature. It is shown in the article that the draft law included a wide range of questions: voting rights, property rights, inheritance and child custody rights, the right to choose a profession and enter the civil service. Amendments to the norms of substantive and procedural criminal and penal enforcement law were also proposed. Based on the analysis of the main discussion in the I State Duma on this draft law the conclusion about a limited support for it on the part of the deputy corps is drawn, which demonstrates the stability of gender stereotypes in the legislative process.

Key words: women, equality, law, gender expertise, the State Duma, the Union of equal rights of women

For citation: Voroshilova, S. V., Velikaya, N. M. (2021) Zakonoproekt o ravnopravii zhenshchin 1906 g. — pervaya gendernaia èkspertiza rossiiskogo zakonodatel'stva [The draft law on women’s equality of 1906 — the first gender examination of Russian legislation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 110—120.

Введение

Гендерная экспертиза законодательства является важной и неотъемлемой частью законодательного процесса, обеспечивающего его эффективность. Направленная на обеспечение прав человека, она способствует адаптации законодательства к меняющимся нормам и практикам социальной жизни [Thompson, Prügl, 2015: 25]. Ряд ученых связывают актуализацию гендерного вопроса с демократизацией социальной и политической жизни (см., напр.: [Jacquette, 2016]),

и далеко не случайно о гендерной экспертизе законодательства в Российской Федерации стали говорить уже после перестройки, в рамках общих процессов демократизации политической системы.

Значимость проведения экспертизы, выявления соответствия прав женщин в Российской Федерации международным стандартам о правах человека, впервые была озвучена в Постановлении Правительства РФ от 8 января 1996 г. № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации», с изменениями и дополнениями от 26 июля 2004 г.¹

При разработке концепции авторы ориентировались главным образом на международные документы в этой области, в числе которых Конвенция о политических правах женщин (1953 г.)², Конвенция о гражданстве замужней женщины (1957 г.)³, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.)⁴ и др. Отдельного внимания заслуживают некоторые документы Европейского союза, где мы видим непосредственное упоминание о необходимости проведения гендерной экспертизы законодательства. В частности, рекомендация Комитета министров Совета Европы, принятая в 2003 г. и призывающая взять на себя обязательства содействовать равному представительству женщин и мужчин, помимо специальных мер поддержки, содержала 17 законодательных и административных мер, в том числе экспертизу законодательства, реформы законодательства, введение квотирования⁵.

Целью гендерной экспертизы законодательства, необходимость которой подчеркивается многими исследователями, является достижение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин (см., напр.: [Поленина, 2012: 8]). Без ее осуществления невозможно обеспечить демократический характер государства, в котором важнейшей ценностью являются права и свободы граждан без какой-либо дискриминации. Существенную помощь в деле осуществления экспертизы законодательства, по мнению С. В. Полениной, должны оказывать различные научные и общественные объединения, а применительно к гендерной экспертизе — женские и мужские общественные формирования [Поленина, 2005: 197].

Попытки осуществления гендерной экспертизы российского законодательства если и предпринимались, то не получили широкого распространения и практически не отразились на практике принятия политических решений [Воронина, 1998; Гендерная экспертиза, 2003; Пушкарева, 2008]. В этой связи согласимся с Л. Н. Завадской, которая описывала гендерную экспертизу как отражение «определенной идеологии, центром которой является концепция гендерного

¹ ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <http://https://base.garant.ru/1518536/> (дата обращения: 15.02.2021).

² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml

³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml

⁴ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

⁵ Рекомендация № Rec (2003) 3 Комитета министров Совета Европы «О сбалансированном представительстве женщин и мужчин в процессе принятия политических и общественных решений: (принята 12.03.2003 на 831-м заседании представителей министров). URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=19999 (дата обращения: 15.04.2021).

равенства». Эта концепция, по ее мнению, ориентирована на реальное обеспечение равноправия мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни и исходит из норм международно-правовых документов, закрепляющих равные права мужчин и женщин [Завадская и др., 2001: 3]. Все это актуализирует изучение исторических аспектов формирования представлений о гендерной экспертизе законодательства в России.

Союз равноправности женщин и борьба за гражданское равенство

Важно заметить, что первая попытка гендерной экспертизы законодательства была осуществлена в России на заре XX в., когда именно женщины-юристы, входившие в состав многочисленных союзов и обществ, решили подвергнуть анализу действующее законодательство на предмет выявления статей, ограничивающих права и свободы женщин, и заявить об этом через мужчин-депутатов на заседаниях I Государственной думы.

В начале XX в. проблема гражданского равенства являлась одной из самых обсуждаемых. Сословное деление общества, ограничения в правах по принципу принадлежности к определенной национальности и конфессии, отсутствие равных прав у мужчин и женщин — все это являлось предметом бурной полемики как в общественных, так и в научных кругах. В составе первого в истории России парламента, созданного в ходе революционных событий, было немало юристов, поддерживающих идею установления подлинного гражданского равенства. 15 мая 1906 г. в Государственную думу был представлен проект «Основные положения законов о гражданском равенстве», начинавшийся словами «Все граждане обоего пола равны перед законом». Этот законопроект, подписанный 151 депутатом Государственной думы, среди которых были такие выдающиеся юристы, как П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, М. М. Винавер, С. А. Котляревский, Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич, В. Д. Набоков, обсуждался 5, 6 и 8 июня 1906 г.

Представляя данный вопрос на заседании Государственной думы, профессор Ф. Ф. Кокошкин отмечал, что «установление гражданского равенства есть не только дело справедливости, это есть дело государственной необходимости... нужно создать русский народ в юридическом смысле слова, нужно создать нацию, — а таковой в наше время может быть только союз свободных, равных граждан» [Государственная дума, 1906: 379].

Формулируя необходимость установления гражданского равенства, авторы законопроекта отмечали невозможность решения столь сложной проблемы посредством единого законодательного акта, предлагая осуществить законодательную работу по четырем направлениям: создать законы, устраняющие все ограничения для крестьянского сословия; отменить ограничения, установленные гражданскими законами и административными распоряжениями, обусловленные национальной и конфессиональной принадлежностью; разработать законы, направленные на отмену всех привилегий для дворянского сословия, и наконец, создать законы, предоставляющие женщинам равные с мужчинами гражданские и политические права [Первая Государственная дума, 1907: 222]. Государственная дума признала данное предложение «спешным», создав комиссию из 33 членов для окончательной доработки законов о гражданском равенстве.

Наиболее активным и последовательным сторонником равных прав женщин и мужчин среди депутатов Государственной думы был профессор Л. И. Петражицкий, выступавший за предоставление женщинам избирательных прав и их активное вовлечение в политическую жизнь страны. Понимая, что подобные заявления в стенах Государственной думы вызовут насмешки, Л. И. Петражицкий настаивал на том, что «чем больше женщины будут заниматься политикой, тем лучше для государства, общества и прогресса» [там же: 133]. Именно по инициативе Л. И. Петражицкого, справедливо полагавшего, что никто лучше самих женщин не сможет выразить их чаяния и стремления, Государственная дума обратилась к женским организациям с предложением принять участие в разработке законопроекта о равноправии женщин.

В этой работе решающую роль сыграл Союз равноправности женщин, учрежденный в феврале 1905 г. и имевший тесные контакты с многочисленными женскими организациями в различных городах России, а также с женскими союзами в Польше, Литве и Финляндии.

Союз равноправности женщин представлял собой весьма политизированную организацию либерального толка и, как многие другие женские организации, особенно активно выступал за предоставление женщинам избирательного права [Ворошилова, Татарина, 2018]. Кроме этого, в повестке дня стояла также борьба за право женщин поступать в университеты и на государственную службу, за расширение наследственных прав женщин. Как следствие, на своем третьем съезде, проходившем в Петербурге 21—24 мая 1906 г., Союз равноправности женщин принимает решение о создании особой юридической комиссии для разработки проекта изменений действующих законов с целью дальнейшего его обсуждения на заседаниях Государственной думы [Н. В., 1907: 361].

В юридическую комиссию, созданную по решению Государственной думы для разработки законопроекта о равноправии женщин, который должен был стать частью общего закона о гражданском равенстве, от Союза равноправности женщин вошли Е. Н. Щепкина, Л. Я. Гуревич и О. Н. Клирикова, от депутатского корпуса — юристы В. В. Исаченко, Я. Г. Фрумкин и И. Ф. Ставрович [Патрикеева, 2013: 24]. Председателем и идейным вдохновителем особой думской подкомиссии, являвшейся составной частью «комиссии 33-х», стал Л. И. Петражицкий.

Подготовленный в кратчайшие сроки пакет документов сопровождался пояснительной запиской, составленной одной из активисток женского движения — Л. Я. Гуревич, что дает основание предполагать, что все работы по составлению законопроекта велись в Союзе равноправности женщин. Предлагаемый проект состоял из двух частей: 1) закона общего конституционного характера, которым отменялись существовавшие в законодательстве ограничения для женщин без подробного и постатейного их перечисления; 2) сравнительной таблицы изменений и дополнений в действующих узаконениях, предлагаемых проектом законоположений о равноправии женщин [Юридическая комиссия...].

Необходимость столь тщательной экспертизы действующего законодательства объяснялась тем, что в части нормативных правовых актов содержалось указание на то, что они имеют распространение и на лиц женского пола, а в некоторых такое указание отсутствовало, что создавало сложности в правоприменении.

Так, например, Правила о частных поверенных от 25 мая 1874 г. не содержали упоминания о запрете для женщин получать адвокатское свидетельство, что дало возможность женщинам с юридическим образованием, получив такие свидетельства, успешно работать по профессии в ряде городов России. Только после издания специального циркуляра Министерства юстиции⁶ и Высочайшего указа Правительствующему сенату «О нераспространении на лиц женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных» женщинам было запрещено заниматься адвокатской практикой.

Стремясь избежать подобных ситуаций в дальнейшем и не считая целесообразным отдавать разрешение этих вопросов на усмотрение суда, авторы Проекта закона о равноправии женщин сочли необходимым подвергнуть тщательному постатейному анализу значительную часть Свода законов Российской империи (СЗРИ), подготовив сравнительную таблицу изменений и дополнений действующих законов, развивающих и поясняющих положения общего закона.

Содержание Проекта закона о женском равноправии

Первая часть Проекта закона о женском равноправии содержала 12 статей, закреплявших равные права женщин и мужчин в сфере активного и пассивного избирательного права, поступления на государственную и общественную службу (даже если в законе соответствующие должности именовались в мужском роде), при выборе любой профессии и занятии должностей, в сфере получения образования, семейного и наследственного права [Проект закона о равноправии женщин].

Следует подчеркнуть, что авторы Проекта, защищая идею равноправия женщин, выступали против позитивной дискриминации мужчин в действующем законодательстве, предоставлявшем только женщинам право повысить свой статус, вступая в брак с женщиной более высокого сословия, чина или звания (СЗРИ, т. 10, ч. 1, ст. 100), а также устанавливавшим обязанность только для мужа «доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» (СЗРИ, т. 10, ч. 1, ст. 106). В новой редакции этих статей закреплялись равные права и обязанности для супругов: «супружеская верность, взаимное попечение и помощь друг другу», а также содержание нетрудоспособного нуждающегося супруга даже при условии раздельного проживания [там же]. Вместе с тем ст. 4 Проекта освобождала женщин от воинской повинности и должностей, связанных с действительной военной службой. Кроме того, представительницы Союза равноправности женщин предлагали сохранить запрет для лиц женского пола на поступление в духовные академии и учебные заведения военного и морского ведомств (ст. 6).

Сравнительная таблица изменений и дополнений в действующих законах, являвшаяся второй частью Законопроекта о равноправии женщин, представляла собой перечень статей отдельных нормативных актов, подлежащих отмене или новой редакции. Сложность осуществления экспертизы, осуществляемой юридической комиссией Союза равноправности женщин, во многом определялась отсутствием систематизации законодательства, регулировавшего отдельные

⁶ О прекращении выдачи лицам женского пола свидетельств на право хождения по чужим делам: циркуляр № 4953 от 30 апреля 1875 г. // Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. СПб., 1878. Ч. 1.

сферы общественной жизни. Так, статьи, регламентирующие сферу образования, содержались в Университетском уставе 1863 г., Уставе гимназий 1864 г., Уставе реальных училищ 1872 г., многочисленных циркулярах и распоряжениях. По подсчетам Э. Д. Днепров и Д. И. Раскина, число узаконений, касавшихся женского образования, с 1856 по 1905 г., по сравнению с первой половиной XIX в., увеличилось в 6,7 раза [Днепров, Раскин, 2015: 261].

Понимая, что закон о равноправии женщин будет составной частью общего закона о гражданском равенстве, члены комиссии не подвергали пересмотру статьи о сословных привилегиях и ограничениях, содержащихся в законах о состояниях, законодательство о выборах в Государственную думу и Государственный совет, уставы о пенсиях и единовременных пособиях. По той причине, что в сферу внимания думской «комиссии о равноправии» не попали вопросы о гражданском браке, охране женского труда, борьбе с проституцией, в Проект закона о равноправии женщин эти вопросы не вошли, несмотря на то что женские общественные организации занимались ими достаточно активно.

Редактируя «Законы гражданские», содержащиеся в т. 10 СЗРИ и регулирующие семейные и имущественные отношения, авторы Проекта внесли изменения в 43 статьи. Предлагалось отменить статьи, устанавливающие обязанность для жены повиноваться мужу (ст. 107), своим родителям (ст. 108), статьи, ограничивающие наследственные права женщин по нисходящей линии (ст. 1130—1133) и по боковой линии (ст. 1135, 1137, 1139). В новой редакции статей, закреплявших личные и имущественные права супругов, предусматривался институт раздельного проживания супругов, известный европейскому праву и отсутствовавший в российских законах. Жена освобождалась от обязанности следовать за мужем при перемене им места жительства. Супругам предоставлялись равные права заключать договоры в отношении их взаимных личных и имущественных прав, а также в отношении воспитания и содержания детей (ст. 103) [Проект закона о равноправии женщин].

Особое внимание авторы Проекта уделяли детям, рожденным как в законном браке, так и в браке, признанном законом недействительным, или вне брака. Расширились права усыновленных (ст. 156¹) и незаконнорожденных детей (ст. 666). Вопросы опеки над имуществом, перешедшим в собственность малолетних детей, предлагалось решать «по взаимному согласию супругов», что отменяло преимущество отца, закрепленное действующим законодательством (ст. 226). Ст. 2202 «Законов гражданских», закреплявшая обязанность для несовершеннолетних детей и замужних женщин получать согласие своих родителей и мужей для найма на работу, в новой редакции Проекта такую обязанность для женщин не предусматривала [там же].

Редактированию подверглись и нормы материального уголовного и уголовно-исполнительного права и уголовного процесса, содержащиеся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, Уставе уголовного судопроизводства, Уставе о содержащихся под стражей и Своде учреждений и уставов о ссыльных. Полагая, что женщина вправе самостоятельно определять свою брачную судьбу, составители Проекта закона о женском равноправии предлагали отменить ответственность в виде тюремного заключения и церковного покаяния за похищение женщины с целью вступления с ней в брак в том случае, если деяние происходило

с согласия самой похищенной [там же]. То, что авторы Проекта предлагали исключить ответственность за данное преступление, вне зависимости от того, состоит ли похищенная женщина в браке или нет, позволяет еще раз убедиться, что авторами подобных предложений, лишивших отцов и мужей права распоряжаться судьбой своих дочерей и жен, могли быть только женщины.

Для осужденных беременных женщин и женщин с малолетними детьми предлагалось сохранить все те преимущества, которые устанавливались в прежних законах. Авторы Проекта не сочли целесообразным редактировать и те статьи Устава о содержащихся под стражей, в которых закреплялись особые условия труда для осужденных женщин, находящихся в различных местах лишения свободы. Вместе с тем женщинам, осужденным к ссылке, предлагалось предоставить право, как и ссыльным мужчинам, вступать в брак не только с осужденными, но и с лицами «свободного состояния» (ст. 415) [там же].

Подготовленные Проект и сравнительная таблица были отпечатаны и переданы председателю думской подкомиссии вместе с пояснительной запиской Л. Я. Гуревич 7 июля 1906 г. К сожалению, на следующий день, 8 июля, был издан Указ о роспуске Государственной думы. Несмотря на надежды составителей Проекта на то, что он станет «канвой для дальнейшей разработки чрезвычайно важного, запутанного и сложного вопроса о женском равноправии, ускоряя тем самым разрешение этого вопроса в законодательном порядке» [Гуревич, 1907: 375], государственные думы последующих созывов к обсуждению этой проблемы в таком объеме не возвращались.

Справедливости ради следует отметить, что не только Союз равноправности женщин, стремясь к гендерному равенству, принимал активное участие в анализе российских законов. Практически все женские организации и объединения страны вносили свой посильный вклад в разработку предложений по совершенствованию законодательства, направленного на расширение прав и свобод женщин. Так, Лига равноправия женщин обратилась в Государственный совет в связи с рассмотрением им Указа от 9 ноября 1906 г., с просьбой «не оставить в пренебрежении интересы крестьянской женщины», предлагая ввести в законопроект о крестьянском землевладении норму, обязывающую домохозяина обеспечить свою жену в случае заклада или продажи им своего земельного участка, а также предоставить крестьянской женщине все права земельного собственника, предусмотренные данным законопроектом [Обращение Лиги равноправия...].

Еще одна организация — Женская прогрессивная партия — в 1910 г. объявила конкурс на составление брошюры на тему «Избирательные права женщин», назначив премию в 100 рублей [Обращение Женской прогрессивной партии...], отдельное внимание уделяя именно проблеме политического участия женщин.

Выводы

В целом можно сказать, что в начале XX в. политический дискурс включал в себя женский вопрос и содержание предлагаемых мер вполне вписывалось в общеевропейскую повестку дня, что и сделало возможным разработку и внесение в Думу в 1906 г. законопроекта о равноправии женщин, созданного юридической комиссией при Союзе равноправности женщин. Он стал первой гендерной экспертизой российских законов, в результате которой, с целью

установления равных прав женщин и мужчин в различных сферах государственной и общественной жизни, было предложено внести почти 200 поправок в 34 нормативных правовых акта. Эта деятельность не прошла незамеченной. Современники справедливо отмечали, что именно благодаря деятельности Союза равноправности женщин вопрос равноправия полов был «выдвинут во всей его широте первой Думой» [Волькенштейн, 1909: 147].

Изучая усилия женских организаций и сравнивая их с современными российскими реалиями, мы не можем не заметить множества аналогий. Речь идет о воспроизводстве в России неоконсервативного, традиционалистского дискурса, предписывающего женщине второстепенные роли в обществе [Великая, Овчарова, 2020], о затягивании процесса принятия таких законов, как «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» [Проект Федерального закона... , 2003], первое чтение которого состоялось еще в 2003 г., о существующем дезавуировании проблемы гендерного неравенства и вытеснении ее на периферию публичного политического пространства.

Список источников

- Великая Н. М., Овчарова О. Г.* Консервативный поворот российского общества: гендерный акцент // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке / под ред. Г. Г. Силласте. М.: НИИ экономики ЮФО, 2020. С. 34—43.
- Волькенштейн О. А.* Итоги первого Всероссийского женского съезда // Русская мысль. 1909. Кн. 2. С. 146—153.
- Воронина О. А.* Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М.: МЦГИ, 1998. 152 с.
- Ворошилова С. В., Татарина Е. П.* Женское избирательное право в Российской империи // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 16—26.
- Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне / под ред. Н. И. Ловцовой, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Науч. кн., 2003. 323 с.
- Государственная дума: стенографический отчет, 1906 г., сессия 1. СПб.: Гос. тип., 1906. Т. 1. 866 с.
- Гуревич Л.* Закон о равноправии женщин // Первый женский календарь на 1907 год / сост. П. Н. Ариян. СПб.: Тип. В. Ф. Ревитцера, 1907.
- Днепров Э. Д., Раскин Д. И.* Законодательная деятельность в сфере образования в дореволюционной России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 244—278.
- Завадская Л. Н., Зотова З. М., Михлин А. С.* Гендерная экспертиза российского законодательства. М.: Бек, 2001. 245 с.
- Н. В.* Всероссийский союз равноправности женщин, 1905—1906 год // Первый женский календарь на 1907 год / сост. П. Н. Ариян. СПб.: Тип. В. Ф. Ревитцера, 1907.
- Обращение Женской прогрессивной партии к членам Государственной думы // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 516. Оп. 1. Д. 17.
- Обращение Лиги равноправия в Государственный совет в связи с рассмотрением им закона от 9 ноября 1906 г. // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 516. Оп. 1. Д. 21.

- Патрикеева О. А. Женские организации России начала XX в.: борьба за политическое равноправие // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 3. С. 18—28.
- Первая Государственная дума. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. Вып. 2: Законодательная работа. 231 с.
- Поленина С. В. Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. М.: Аспект Пресс, 2005. 269 с.
- Поленина С. В. Правовой механизм решения гендерных проблем в современной России // Государство и право. 2012. № 10. С. 5—11.
- Проект закона о равноправии женщин // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 516. Оп. 1. Д. 8.
- Проект Федерального закона № 284 965—3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации»: (внесен депутатами Государственной думы В. В. Володиным, Е. Ф. Лаховой, О. В. Морозовым, Г. И. Райковым). 2003. URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law/?number=284965-3&sort=date> (дата обращения: 15.04.2021).
- Пушкарева Н. Л. Где больше власти — там меньше женщин: (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ 1991—2006 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 1, вып. 5. С. 117—127.
- Юридическая комиссия. Законопроекты, доклады 1906 г. // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 516. Оп. 1. Д. 8.
- Jacquette J. S. Gender and democratization // Handbook on Gender in World Politics. Edward Elgar Publishing, 2016. P. 94—103.
- Thompson H., Prügl E. Gender Experts and Gender Expertise: Results of a Survey: Working Paper 8/2015. Geneva: The Graduate Institute of International and Development Studies, 2015. 24 p.

References

- Dneprov, E. D., Raskin, D. I. (2015) Zakonodatel'naia deiatel'nost' v sfere obrazovaniia v dorevoliutsionnoi Rossii [Legislative activity in the field of education in pre-revolutionary Russia], *Voprosy obrazovaniia*, no. 2, pp. 244—278.
- Gurevich, L. (1907) Zakon o ravnopravii zhenshchin [Women's equality act], in: *Pervyi zhenskii kalendar' na 1907 god*, St. Petersburg: Tipografiia V. F. Revittsera.
- Jacquette, J. S. (2016) Gender and democratization, in: *Handbook on Gender in World Politics*, Edward Elgar Publishing, pp. 94—103.
- Patrikeeva, O. A. (2013) Zhenskie organizatsii Rossii nachala XX v.: bor'ba za politicheskoe ravnopravie [Women's organizations in Russia at the beginning of the XX c.: the struggle for political equality], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, vol. 4, no. 3, pp. 18—28.
- Polenina, S. V. (2005) *Gendernoe ravenstvo: problema ravnykh prav i ravnykh vozmozhnostei muzhchin i zhenshchin* [Gender equality: The problem of equal rights and equal opportunities for men and women], Moscow: Aspekt Press.
- Polenina, S. V. (2012) Pravovoi mekhanizm resheniia gendernykh problem v sovremennoi Rossii [Legal mechanism for solving gender problems in modern Russia], *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 5—11.
- Pushkareva, N. L. (2008) Gde bol'she vlasti — tam men'she zhenshchin: (Gendernaia ékspertiza zakonodatel'stva i tekushchei zakonotvorcheskoï deiatel'nosti vysshikh

- organov vlasti RF 1991—2006 gg.) [Where there is more power, there are fewer women: (Gender expertise of legislation and current legislative activities of the highest authorities of the Russian Federation 1991—2006)], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, serii Istorii, Politologii, Ekonomika, Informatika, no. 1, iss. 5, pp. 117—127.
- Thompson, H., Prügl, E. (2015) *Gender Experts and Gender Expertise: Results of a Survey: Working Paper 8/2015*, Geneva: The Graduate Institute of International and Development Studies.
- Velikaia, N. M., Ovcharova, O. G. (2020) Konservativnyi povorot rossiiskogo obshchestva: gendernyi aktsent [Conservative turn of Russian society: gender accent], in: Sillaste, G. G. (ed.) *Gendernye resursy i formirovanie novogo gendernogo poriadka v XXI veke*, Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut ekonomiki Iuzhnogo federal'nogo okruga, pp. 34—43.
- Vol'kenshtein, O. A. (1909) Itogi pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda [Results of the first All-Russian Women's Congress], *Russkaia mysl'*, vol. 2, pp. 146—153.
- Voronina, O. A. (1998) *Gendernaia ekspertiza zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o sredstvakh massovoi informatsii* [Gender examination of the legislation of the Russian Federation on the mass media], Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ.
- Voroshilova, S. V., Tatarinova, E. P. (2018) Zhenskoe izbiratel'noe pravo v Rossiiskoi imperii [Women voting right in Russian Empire], *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 16—26.
- Zavadskaiia, L. N., Zotova, Z. M., Mikhlin, A. S. (2001) *Gendernaia ekspertiza rossiiskogo zakonodatel'stva* [Gender examination of Russian legislation], Moscow: Bek.

Статья поступила в редакцию 18.03.2021; одобрена после рецензирования 02.09.2021; принята к публикации 19.10.2021.

The article was submitted 18.03.2021; approved after reviewing 02.09.2021; accepted for publication 19.10.2021.

Информация об авторах / Information about the authors

Ворошилова Светлана Вячеславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия, voroshilova-s-v@mail.ru (Dr. Sc. (Jurisprudence), Professor at the Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation).

Великая Наталия Михайловна — доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ
GENDER HISTORY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 121—135.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 121—135.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.9

**МЕДИАТОРЫ КУЛЬТУРЫ:
О ГЕНДЕРНОЙ ОСОБЕННОСТИ СТАТУСНЫХ РОЛЕЙ
ЖЕНЩИН НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТИРЕ**

Абидат Абдулаевна Газиева

Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр, Российская академия наук,
г. Махачкала, Россия, gazieva.abidat@mail.ru

Аннотация. С точки зрения теории фронта в статье рассматривается гендерная особенность трансляции культуры, социально-экономический статус и место женщины в обществе на кавказском пограничье. Показано, что в ходе становления кавказской фронтальной линии произошла трансформация гендерного статуса женщины. Это способствовало появлению множества ее новых социальных ролей. Статусные роли женщины, общие и частные, были обусловлены социально-экономическим развитием региона, боевыми действиями во время Кавказской войны, а также своеобразием ментальной культуры народов. Делается вывод о том, что значение женщины в обществе в указанный период существенно возросло: она стала выполнять роль медиатора культуры, транслятора культурных ценностей, что способствовало развитию межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: гендер, кавказский фронт, женщина, аккультурация, трансляция культуры, статусные роли

Для цитирования: Газиева А. А. Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронтире // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 121—135.

Original article

**MEDIATORS OF CULTURE:
ABOUT GENDER FEATURES OF THE STATUS ROLES
OF WOMEN ON THE CAUCASIAN FRONTIER**

Abidat A. Gazieva

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation, gazieva.abidat@mail.ru

Abstract. The article examines the gender specificity of the transmission of culture, socio-economic status, and the place of women in public perception in the Caucasus in accordance with the theory of the frontier. The study reveals many status social roles of women on the Caucasian frontier. In the course of the formation of the frontier area, a transformation of the gender status of women took place, which contributed to the emergence of the possibility of many of her status roles, the emergence of new ones and the transformation of existing ones. The status roles of women on the Caucasian frontier, general and private, were determined by the socio-economic development of the region, the hostilities of the Caucasian War, as well as the originality of the mental culture. Due to the fact that the importance of women in society has increased significantly, women began to play the role of a mediator, a translator of cultural values, which contributed to the formation of intercultural communication and dialogue.

Key words: gender, Caucasian frontier, woman, acculturation, translation of culture, status roles

For citation: Gazieva, A. A. (2021) Mediatory kul'tury: o gendernoĭ osobennosti statusnykh roleĭ zhenshchin na kavkazskom frontire [Mediators of culture: about gender features of the status roles of women on the Caucasian frontier], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 121—135.

В современной исторической науке серьезные позиции занимает возникшая в конце XIX в. теория фронта. Основателем данной теории является американский историк Ф. Дж. Тёрнер. Позднее разработанная им региональная теория переросла в глобальную, применимую ко всем территориям, где проходил процесс колонизации. Теорию следует считать глобальной в связи с тем, что фронтальные проявления однотипны, так как «процесс освоения был одинаков на фронтальной территории» [Тёрнер, 2009: 14], данные проявления были характерны для всех стран, расширявших свои государственные границы путем освоения новых земель.

Под американским фронтом Ф. Дж. Тёрнер понимал «внешний край волны — место контакта дикости и цивилизации» [там же]. Понятие «фронт» имеет разные интерпретации, стоит отметить, что сам ученый говорил об «эластичности предложенного им термина» (см.: [Олейников]).

Кавказский фронт не следует характеризовать с позиции Тёрнера. Явление кавказской контактной зоны рассматривается нами как столкновение разных

цивилизаций, участвующих в процессе аккультурации в ходе совместного исторического развития. Отличительной чертой кавказского фронта является его уникальность, многогранность этноконфессионального развития (в силу поликонфессиональности и межнационального характера региона). По утверждению Тёрнера, «фронт — это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации» [Тёрнер, 2009: 15]. Данное высказывание не применимо к кавказскому пограничью, так как на нем оформился своеобразный, отличный от российского и чисто горского тип культуры. Американский фронт в тёрнеровском понимании — «крайняя черта заселенности, а не политический рубеж» [там же]. В данном отношении кавказская контактная зона — это в первую очередь военно-политический рубеж, который впоследствии стал обживаться в результате гражданской колонизации края: строительства станций, деревень близ кордонной линии.

Сегодня фронтальные зоны рассматриваются не как граница между «своими» и «чужими», а как территория межкультурной коммуникации, где осуществляется аккультурация. Под влиянием полиэтничного и поликонфессионального взаимодействия происходила трансформация компонентов культурного пространства кавказского региона. Двусторонняя коммуникация и аккультурация привели к появлению нового типа поведенческо-мировоззренческой культуры.

В нашем исследовании под фронтиром понимается историко-географический, культурный ландшафт, на котором в ходе исторического процесса оформилась новая модель взаимоотношений между народами, наладилась межкультурная коммуникация. В теории фронта можно выделить много граней ее проявлений: экономические, административно-правовые, культурно-бытовые. В каждом регионе они имеют свои особенности. В статье рассматриваются разнохарактерные роли, которые выполняла женщина на кавказском пограничье, а также историческая необходимость и обусловленность изменения ее статусных ролей с точки зрения социально-половой асимметрии. Интерес представляет вопрос, вытекающий из основной темы исследования. Это вопрос о том, были ли изменения, произошедшие в статусных ролях женщины, долгосрочной исторической практикой, вызванной совокупностью социально-экономических предпосылок, либо разовым явлением, обусловленным боевыми действиями в период Кавказской войны.

Изучение гендерных ролей женщины в контексте теории фронта рассматривается нами как перспективное. Его актуальность обусловлена тем, что при столкновении разных, отчасти противоположных культурных цивилизаций в кавказской контактной зоне у женщин, как переселенок, так и горянок, появилась возможность реализовать новые социальные роли в бытовой, экономической, военной, культурной практиках. С возникновением фронта, который выступил катализатором многих процессов на Кавказе, женщина стала медиатором культуры, инициатором экономических контактов, демонстрируя новые возможности кавказского пограничья. Еще одним аргументом в пользу рассмотрения гендерных ролей женщин на Кавказе с точки зрения теории фронта послужило то, что в исследуемый исторический период вследствие ухода мужчин

на войну на плечи женщин легло больше обязанностей, которые способствовали возникновению множества ее новых статусных ролей.

Развернутое научное определение теории фронта было дано Ф. Дж. Тёрнером в 1920 г., хотя сам термин был введен в 1893 г. В тёрнеровском понимании теория являлась региональной, применимой только к истории США. Унификация теории произошла в 1951 г., когда У. П. Уэбб ввел термин «великий фронт» и адаптировал тёрнеровскую теорию к другим странам в своем труде «Великий фронт» [Webb, 1964]. Теория стала универсальной и приобрела популярность в научной среде при исследовании колониальных процессов в истории разных регионов. У. П. Уэбб рассматривал фронт как зону контактов цивилизаций в различных сферах (военной, экономической, культурной).

В отечественной истории теория фронта стала применяться с 60-х гг. XX в. и нашла много сторонников. Российские исследователи в соответствии с данной теорией рассматривали историю колонизации разных регионов государства. Огромный интерес представляют исследования, посвященные изучению кавказской контактной зоны. Стоит подчеркнуть, что кавказский фронт следует определять как великий, так как он являлся связующим звеном между разными цивилизациями (европейской и восточной).

М. Т. Барретт, занимающийся изучением кавказского фронта, определяет его как зону межкультурной коммуникации, а не военную границу поселений [Барретт, 2000]. Лейтмотивом его исследования является то, что кавказское пограничье — это зона аккумуляции, цивилизационного обмена. Аналогичную идею высказывает и американский ученый М. Ходарковский, который определяет кавказскую контактную зону как территорию культурного диалога (см.: [Зеленева, 2005]). Отдельные аспекты фронтальной теории относительно Кавказа исследуют М. А. Рыблова и С. М. Маркедонов [Рыблова, 2009; Маркедонов, 2005].

Не все исследователи признают существование кавказского фронта. Э. А. Шеуджен отрицает наличие фронтальной зоны на Кавказе [Шеуджен, 2006]. Она трактует фронт в тёрнеровском понимании — как соприкосновение «цивилизации и дикости», а Кавказ, по ее мнению, в изучаемый период представлял собой цивилизацию, его нельзя рассматривать как зону «дикости».

Женская повседневность, женская история стали частью рожденного в 1970-х гг. нового направления женских и гендерных исследований социального прошлого [Пушкарева, 1998]. Весомый вклад в изучение темы гендерных ролей женщины в Дагестане внесла О. С. Мутиева [Мутиева, 2015, 2017, 2019, 2020]. В исторической ретроспективе она рассмотрела роль дагестанских женщин в период Кавказской войны. Ее исследования посвящены всестороннему анализу экономической функции женщин, трансформации традиционных нравственно-этических норм их поведения, военно-политической функции. Системное исследование многочисленных вопросов, анализ теоретико-методологической базы позволили ей всесторонне изучить место и роль женщины-дагестанки в период боевых действий Кавказской войны.

В нашей статье несколько иной ракурс постановки исследовательской проблемы. Мы рассматриваем гендерные роли и положение женщин — горянок

и казачек — в контексте теории фронта (контактных зон). География нашего исследования охватывает территорию Кавказской кордонной линии, зоны пограничья между Россией и горскими народами.

В связи с постановкой гендерной проблемы интерес представляют работы исследовательницы фронта О. С. Якушенковой [Якушенкова, 2009, 2013]. Она рассматривает роль женщины на американском фронтире, изучает вопросы о ее статусных ролях, правовом положении, участии в процессе аккультурации. Значимый вклад в исследование гендерных особенностей на сибирском фронтире внес Ю. М. Гончаров, работы которого способствуют формированию представлений об общем и частном в статусных ролях женщин в разных фронтальных зонах Российской империи (см., напр.: [Гончаров, 2002]).

Тематика гендерной специфики является относительно новой для отечественных историков, она изучается с 70-х гг. XX в. С этой точки зрения тема кавказского фронта остается пока не исследованной.

В указанный период Кавказ представлял собой многонациональную территорию, на которой происходили активные процессы межкультурного диалога. С появлением здесь первых фронтмэнов начинается создание ландшафтно-исторической базы фронта. Аналогичная ситуация происходила на американском пограничье, где постепенно осваивались земли Дикого Запада. Тема гендерной специфики кавказской контактной зоны малоисследована, так как сам фронт рассматривается как чисто «мужское» явление. Данное восприятие не отображает реальной исторической картины: женщина была неотъемлемой частью фронта, носителем и транслятором культуры, норм, активным участником экономической жизни региона.

Кавказскому пограничью, как и американскому, была свойственна гендерная трансформация социальных ролей [Якушенкова, 2009]. Подобная функциональная особенность являлась следствием того, что мужчины, которые были заняты войной, практически не участвовали в хозяйственной жизни. Это повлекло за собой изменение гендерных ролей.

В соответствии с периодизацией истории развития фронта в ней следует выделить три последовательно сменяющие друг друга стадии — ранний фронт, собственно фронт, постфронт. Для кавказского фронта характерна и четвертая стадия — рефронт [Романова, Якушенков, 2012]. Следует отметить, что на всех трех стадиях развития контактных зон трансформация прямым образом касалась женского населения. Для периода предфронта на Кавказе (XVI—XVIII вв.) гендерный вопрос (о роли и значении женщины) не был актуальным в той мере, в какой он назрел в XIX в. Влияние суровых условий фронта отражалось не только на мужчинах — казаках и горцах, но и на женской половине населения. Элементы культурного мира женщин фронта трансформировались, что влекло за собой изменение их статусных ролей, появление новых социальных функций. Сегодня, когда в связи с реорганизацией и реформированием общественно-культурных отношений женщина расширила свои статусные роли, тематика исследования истории женщин в целом весьма актуальна.

Для кавказского фронта характерно наличие двух групп женщин — горняков и переселенок. Может показаться, что у женщины на фронте в связи

с патриархальным укладом общественных отношений не было значимых социальных ролей, кроме хранительницы очага, но это только на первый взгляд. Окраинная территория со своей особенной атмосферой способствовала формированию различных ролей женщин — от поведенческо-культурной до экономической и военно-политической. Они были вынуждены выполнять многочисленные социальные функции — от медиатора материально-бытовой культуры до воительницы и осведомительницы [Толстой, 2006; Мутиева, 2006; Цыбулькинова, 2008].

На фронтире происходил процесс аккультурации, что привело к изменению вестиментарной культуры женщин, так как они в целом более восприимчивы к разным изменениям, а контактные зоны были благоприятной подвижной средой для подобных трансформаций.

Положение женщины в обществе, ее социальные функции зависели от характера культуры народа региона. На кавказском фронтире женщина играла весьма важную роль, но в целом ее значение было существенно занижено [Очерк о кавказских горских племенах... , 1855]. Это связано с культурно-идеологическими установками общества. Несмотря на то что женщина была погружена в мир семьи (это было свойственно и женщинам других пограничных зон Российской империи, к примеру Сибири [Гончаров, 2002]), она все же влияла на общественную жизнь как напрямую, так и косвенно, взаимодействуя с разными общественными институтами [Мутиева, 2006].

В XVI в. (период раннего фронта), когда на Кавказе появились первые казаки [Потто, 1899], между ними и их ближайшими соседями устанавливались самые добрососедские отношения [Караулов, 1912]. При первом соприкосновении разных, чуждых друг другу культур стали налаживаться матримониальные связи. Они возникли вследствие демографической необходимости и способствовали налаживанию межкультурной коммуникации. Как отмечает Ф. А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке в первое время своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [Щербина, 1910: 30]. Аналогичную картину описывает военный историк генерал-лейтенант И. Д. Попко: «...казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами... от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных» [Попко, 1880: 24]. В горских аулах «казачка нередко... встречалась и в качестве жены того или иного горца — казачьего кунака» [История народов Северного Кавказа... , 1988: 89]. Так, по сведениям И. В. Бентковского, в Гребенском полку к 1854 г. казачье население составляло 5757 мужчин и 5916 женщин разных национальностей [Бентковский, 1889: 60]. Так как казачество является субэтносом, образ казачки содержит в себе внешние черты, присущие разным национальностям: «Соедините красоту и обаяние русской женщины с красотой черкешенки, турчанки и татарки, да если прибавить бесстрашие амазонок, — перед вами портрет истинной казачки» [Бутова, 1889: 51].

Обычно казачки попадали в горы вследствие похищения еще в детском возрасте или умыкания в юности. Многие из них даже при появлении возможности вернуться, предпочитали остаться [Матвеев, 2002]. Это было связано с тем, что, вырастая, они привыкали к горской среде, обзаводились семьями,

не воспринимали горцев как «чужих», их культура становилась для казачек родной и понятной. Межэтнические браки в своей перспективе служили залогом межэтнической коммуникации народов [Мутиева, 2015, 2017].

Горянка, вступая в брак с казаком, полностью подчинялась традициям, господствовавшим в станице. Причиной брака обычно было пленение горянки: «Во время нескольких удачных экспедиций многие женщины и девушки из числа горных жителей попали в руки русских. Ермолов распределил их для вступления в брак между молодыми линейными казаками, и с тех пор можно заметить людей с кавказским типом наружности между молодыми воинами этих войсковых корпусов. Иной обыкновенный казак, таким образом, оказывается сродни знаменитейшим главарям горцев и даже турецкому паше» [Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН]. Реже брак заключался по договору с родителями горянки о выплате достойного калыма, который был велик, не все имели такие финансовые возможности [Паллас, 1999].

Казачки и горянки в силу разного рода обстоятельств были вынуждены вступать в брак с представителями различных этносов. В результате подобных браков женщина переходила в конфессию супруга, но сохраняла свою культурную идентичность. Подобная ситуация наблюдалась и на других фронтальных территориях, например на нижеволжском фронтире [Расина, 2017: 23]. В таких случаях женщина была проводником культуры своего народа, способствовала аккультурационным процессам, а также становлению особого фенотипа человека, свойственного кавказскому фронтиру.

Специфической чертой культуры кавказской контактной зоны было то, что в результате матримониальных связей в ней не произошло формирования субэтносов в отличие от других пограничных культур России, например нижеволжской [Расина, 2017]. Дети от межэтнических браков полностью ассоциировали себя с этносом отца, перенимая культурные особенности, свойственные этносу матери. Женщина привносила в новую для нее иноэтническую среду элементы своей культуры — особенности одежды, культуры питания, обычаи [Мутиева, 2006; Описание гребенских казаков... , 1958]. Она выполняла роль транслятора культуры. Наиболее восприимчивы к этой трансляции были женщины-сельчанки и дети, которые воспитывались в межэтнических семьях.

Заимствование культурных и поведенческих особенностей в первую очередь проявлялось в бытовом укладе жизни женщин на фронтире. Как пишет О. С. Мутиева, «в условиях социально-экономического кризиса, вызванного Кавказской войной, существенным образом трансформировалось содержание каждодневного женского труда» [Мутиева, 2020: 52]. Следует отметить, что в хозяйственном и бытовом отношении женщина выполняла большое количество различных функций — занималась приготовлением пищи, содержала в чистоте дом, растила детей, трудилась в поле, заготавливала на зиму необходимые запасы, занималась разного рода мелкими работами по дому [Дневник русского солдата... , 1848].

Женщины активно реализовывали себя в экономической сфере. В долевым отношении женщина-казачка играла более значимую роль в ведении хозяйства и экономической жизни семьи. Вследствие того что хозяйство носило натуральный характер, она была вынуждена заниматься и ремесленными работами.

Во время отсутствия мужа женщина-казачка являлась главой семьи, так как все экономические функции были возложены на нее. Подобная ситуация была характерна и для сибирского фронта. Как указывает Ю. М. Гончаров, «в случае смерти хозяина вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции, на нее записывалось хозяйство» [Гончаров, 2002]. «Своею хозяйственностью, — пишет Е. Д. Максимов, — гребенцы в значительной мере обязаны женам-туземкам, вносившим и поддерживающим земледельческие занятия у казаков» [Максимов, 1893: 15]. Близкое знакомство с культурой горцев раздвигало рамки представлений о народах Кавказа, помогало становлению экономических контактов, межкультурного диалога в последующий период.

Постепенное развитие торговли способствовало унификации бытовой обстановки. Благодаря меновой торговле в быт казачек поступали товары горского происхождения, что значительно расширяло представления о культуре соседних народов. Со временем изменялась обстановка и внутреннее убранство жилища за счет притока покупных предметов фабричного изготовления (столы, шкафы, сундуки и т. д.). Увеличивалось количество привозной домашней утвари. Железная, медная, стеклянная и фаянсовая посуда постепенно проникала и в другие районы [История народов Северного Кавказа... , 1988]. Вместе с изменениями в материальной культуре наблюдались изменения в языке. Появились такие новые слова, как «биричка» (бричка), «стол», «чай», «ведар» (ведро), «курушка» (кружка), «бошка» (бочка), «сажа» (сажень), и др. [Вехи единства... , 1982]. Происходил процесс социопсихологического приспособления к новым условиям, за счет чего трансформировались жизненный уклад и культура народов Кавказа. В результате поликультурного взаимодействия изменялась повседневная хозяйственно-бытовая жизнь населения Дагестана [Мутиева, 2019].

Развитие торговли и межнациональной коммуникации способствовало тому, что произошла трансформация декоративных элементов и кроя женского костюма. Так, например, в одежде терских казачек, появился такой элемент русской культуры, как «стеганый бурлетный сарафан с большими петлями (по старине), с короткими рукавами по локоть» [Описание гребенских казаков... , 1958]. Из костюмов горянок терские казачки переняли длинные платья до пола, различные украшения из золота и серебра. Несмотря на локальную специфику, женский национальный костюм на фронтире, а именно его покрой и фасон, со временем унифицировался, сохранив лишь особенности декоративной отделки.

Благодаря тому что женщины на кавказском пограничье выступали медиаторами культуры, участвовали в межкультурной коммуникации, они способствовали развитию процесса энкультурации — вхождения индивидов в конкретную форму культуры.

Как на американском, так и на кавказском фронтире женщина выполняла новую для себя роль — роль воительницы. Хотя для кавказского фронта в целом это было несвойственно в силу этноконфессиональных особенностей населения региона.

Женщины, как горянки, так и казачки, принимали активное участие в сражениях. Так, горянки участвовали в битвах при Ахульго, Дарго, Ведено, Гунибе, защищая аулы [Участие горянок в Кавказской войне, 2018]. В истории региона периода Кавказской войны есть пример того, как горянка стала предводительницей

в бою, политическим лидером. Речь идет о правительнице Хунзаха Паху-Бике. Хунзах был пророссийским ханством и подвергался нападениям со стороны немирных горцев. Когда в 1830 г. на Хунзах напали их отряды под предводительством Шамиля и Кази-Муллы, вдова правителя Хунзаха Паху-Бике с саблей в руках кинула местным защитникам-горцам: «Если вы испугались, дайте нам, женщинам, ваши мечи и спрячьтесь за нашими юбками!» (см.: [Бланч, 1991: 9]). Подобный случай был единичным, но условия фронта, боевые действия на нем способствовали осознанию места женщины в обществе.

Военный историк Л. А. Богуславский описал действия горянок во время битвы, множество выполняемых ими функций, каждая из которых была направлена на поднятие боевого духа горцев: «...одни из них, переодетые в мужскую одежду, принимали самое деятельное участие в битве; другие же, чтобы воодушевить своих мужей и родственников, выводили маленьких детей под самый сильный огонь и тем удерживали более робких от желания бежать» [Богуславский, 1892: 507]. Женщины помогали раненым, перевязывали их, носили для них воду [Хроника... , 1998], во время битвы обваривали врагов кипятком, стреляли из пистолетов [Очерки истории Кубани, 1996]. О. С. Мутиева отмечает, что «при осаде аулов в местах, где проходили военные сражения, женщины, рисковали быть убитыми во время похода к роднику, так как это место обстреливалось со всех сторон» [Мутиева, 2020: 56].

На кавказском фронтире женщины выполняли и роль осведомительниц, предупреждая о возможном нападении [Цыбульникова, 2008]. В случае нападения на станицу казачки, как и горянки, всячески пытались принимать участие в обороне, они выполняли те же самые роли, что и горянки, — выступали в качестве воительниц.

Женщин кавказской контактной зоны можно сравнить с Покахонтас на американском фронтире: они «как амазонки сражались в боях наравне с мужчинами» [Казиев, 2001: 143], «бросались в бой с пистолетами и кинжалами», не жалея собственной жизни [Романовский, 1860: 236], предпочитали смерть пленению. Женщины-горянки Хутай из Ороты, Халунмеседо, Гумай, Париханилэбел известны в истории Кавказской войны как отважные воительницы [Участие горянок в Кавказской войне]. Даже имам Шамиль, вспоминая о воительницах-горянках, по окончании войны констатировал: «Если бы был у меня полк таких амазонок, Гуниб не пал бы» (цит. по: [Бланч, 1991: 99]).

Боевые действия Кавказской войны, с одной стороны, осложняли и без того трудное социально-экономическое положение женщины. Но с другой стороны, перед ней открывались возможности повышения своего социального статуса, использования собственного потенциала, применения своих навыков и умений, проявления особенностей ментальности, которое до этого времени было запрещено. Война со всеми своими ужасами продемонстрировала мужскому населению фронтальной зоны, что женщина обладает большим потенциалом, способна к решению трудных задач в самых различных жизненных обстоятельствах. Стоит отметить, что такие возможности для женщин кавказской окраинной зоны были краткосрочными (период войны), но они явились первой ступенью

к дальнейшим изменениям в восприятии межнациональной коммуникации, места женщины в данном процессе и ее самовосприятии.

Говоря о положении женщин, стоит отметить, что в отличие от множества других контактных ландшафтно-исторических территорий (как зарубежных, так и российских), где права женщин не были закреплены на законодательном уровне [Якушенкова, 2009], на кавказском пограничье они имели ряд гарантий от произвола мужчин, которые существовали как на законодательном уровне, так и в нормах обычного права. Например, «есаул Дарнин был осужден за нанесение казачке Самсонниковой побоев» [Извлечение из приказов... , 1858].

Женщина в кавказской контактной зоне имела особый статус, отличавшийся от статуса в других фронтальных регионах. И. Бларамберг, описывая народы Кавказа, говорит «об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» [Бларамберг, 2005: 163]. Если мужчина, которого преследовали враги, укрывался в помещении женщин или дотрагивался до какой-нибудь женщины, он становился неприкосновенным, так как никакая ссора и тем более убийство не могли быть совершены в их присутствии [там же].

Однако, несмотря на почет, которым женщина пользовалась в обществе, ее положение оставалось подчиненным, что было связано с ментальной культурой народов региона. Так, в селении Шамгода Гунибского района после Кавказской войны женщин, не желавших вступать в брак (по разным причинам), сажали в глубокую яму на окраине села, до того момента, пока они не давали согласия (полевой материал, собранный П. Газиевой; с. Шамгода, 2014 г.). Женщина на фронтире, с одной стороны, была защищена законодательно и нормами обычного права (адатом), но с другой — поставлена в жесткие рамки того же самого обычного права, которые она не могла переступить.

Кавказский фронт — уникальное историко-географическое явление. Он имеет ряд черт, отличных от американского, что обусловлено этноконфессиональной спецификой населения края. Культурный диалог, возникший на территории, впоследствии обусловил изменение самосознания женщин, их восприятия общества и своего значения в нем. Множество ролей, которые выполняла женщина на фронтире, способствовали укреплению ее места в обществе.

В процессе межкультурной коммуникации женщины выступали медиаторами культурных особенностей, привнося элементы своей культуры в иноэтническую среду, а также трансляторами возможности сосуществования на основе мирного взаимодействия.

Кавказский фронт предоставил женщинам возможность апробации различных социальных ролей не только в области культурного влияния, но и в социально-экономической сфере, политически важной и значимой. Война, как деструктивный фактор, не позволила женщине оставаться в своей социальной нише. Она была вынуждена совмещать с уже имеющимися социальными ролями новые, которые расширили круг ее мировоззренческих границ и возможностей.

Женщина на Кавказском фронте имплицитно, несмотря на жестокость войны, тяжесть своего социально-бытового положения, была настроена на установление мира, преодоление антагонизма сторон за счет выравнивания культурно-цивилизационных асимметрий.

Список источников

- Барретт М. Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара: Самар. гос. ун-т, 2000. С. 163—194.
- Бентковский И. В. Гребенцы: историческое исследование. 2-е изд. М.: Рус. типо-лит., 1889. 39 с.
- Бланч Л. Сабли рая. Махачкала: Юпитер, 1991. 140 с.
- Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Надыршин, 2010. 432 с.
- Богуславский Л. А. История Апшеронского полка, 1700—1892 гг. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1892. Т. 1. 520, [6], VI, XX с.
- Бутова Е. Станица Бороздиновская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Упр. Кавказ. учеб. окр., 1889. Вып. 7. С. 3—156.
- Веки единства: к 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. 165 с.
- Гончаров Ю. М. Женщины фронта: образ сибирячки в региональном социуме середины XIX — начала XX в. 2002. URL: <https://zaimka.ru/goncharov-siberians/> (дата обращения: 24.05.2021).
- Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. 1848. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Beljaev_S/text1.htm (дата обращения: 27.04.2021).
- Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России XVIII — первой половины XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 270 с.
- Извлечение из приказов по Кавказской армии. 1858. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/VS/1858_07.htm (дата обращения: 03.04.2021).
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 год) / отв. ред. А. А. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
- Казиев Ш. М. Имам Шамиль. М.: Мол. гвардия, 2001. 378 с.
- Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. XVIII, 384 с.
- Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Владикавказ: Терский обл. стат. ком., 1893. Вып. 3, кн. 2. С. 3—100.
- Маркедонов С. Южный Кавказ: многоугольник интересов // Агентство политических новостей. 2005. URL: <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm> (дата обращения: 14.10.2020).
- Матвеев О. В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях казаков. Краснодар, 2002. 120 с.
- Мутиева О. С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX — начале XX в. Махачкала: Даг. гос. ун-т, 2006. 171 с.
- Мутиева О. С. Жена-горянка как фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе // Контакты и взаимодействия культур: сборник материалов XI Конгресса антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2—5 июля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 297—298.
- Мутиева О. С. Межнациональные браки как форма межэтнической коммуникации в период Кавказской войны // Этнография семьи и пола в XXI веке: традиции, современные реалии, оппозиция Свой/Другой: сборник материалов XII Конгресса антропологов и этнологов России (г. Ижевск, 3—6 июля 2017 г.). Ижевск, 2017. С. 278.
- Мутиева О. С. Изменения повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов, вторая половина XIX в. // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Грозный, 19 октября 2019 г.). Грозный, 2019. С. 304—310.

- Мутиева О. С.* Повседневная жизнь дагестанской женщины в контексте Кавказской войны и социокультурных перемен XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 467 с.
Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН (Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Ф. 1. Оп. 1 Д. 129. Л. 5.
- Олейников Д. И.* Фронтир и колонизация. URL: <https://refdb.ru/look/1734838.html> (дата обращения: 12.05.2020).
- Описание гребенских казаков XVIII в. 1958. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Opis_grebenskich_kazakov/text.htm (дата обращения: 15.07.2020).
- Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. 1855. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Svecov_V/text2.htm (дата обращения: 20.04.2021).
- Очерки истории Кубани. Краснодар: Сов. Кубань, 1996. 654 с.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах / отв. ред. Б. В. Левшин; сост. Н. К. Ткачева. М.: Наука, 1999. 246 с.
- Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. Вып. 1. 517 с.
- Потто А. В.* Кавказская война. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. 1899. URL: <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/11.html> (дата обращения: 20.04.2021).
- Пушкарева Н. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. М.: РОССПЭН, 1997. С. 69—95.
- Расина Э. О.* Женщина на нижневолжском фронтире // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 3. С. 21—31.
- Романова А. П., Якушенков С. Н.* Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2. С. 74—80.
- Романовский Д. И.* Кавказ и Кавказская война. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1860. 460 с.
- Рыблова М. А.* Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 491 с.
- Тёрнер Ф.* Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
- Толстой Л. Н.* Казаки // Полное собрание сочинений. М.: Терра, 1992. Т. 6. 313 с.
- Участие горянок в Кавказской войне. 2018. URL: <http://caucaswomen.ru/uchastie-goryanok-v-kavkazskoj-vojne/> (дата обращения: 15.12.2020).
- Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 336 с.
- Цыбульникова А. А.* Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII—XIX вв. 2008. URL: <http://slavakubani.ru/geography/neighbors/traditions-neighborliness/rol-zhenshchin-v-protsessakh-mirnogo-vzaimodeystviya-kazakov-i-gortsev-severnogo-kavkaza-v-khviix-xi/> (дата обращения: 25.03.2021).
- Шеуджен Э. А.* Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 2006. Вып. 5. С. 3—15.
- Щербина Ф. А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 1. 750 с.
- Якушенкова О. С.* Женщина на американском фронтире. Астрахань: ИП Сорокин Р. В., 2013. 221 с.
- Якушенкова О. С.* Роль женщины в трансляции культуры на американском фронтире // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 33—37.
- Webb W. P.* The Great Frontier. Austin: University of Texas Press, 1964. 434 p.

References

- Barrett, M. T. (2000) *Linii neopredelennosti: severokavkazskii "frontir" Rossii* [Lines of uncertainty: the North Caucasian "frontier" of Russia], in: *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period*, Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, pp. 163—195.
- Bentkovskii, I. V. (1889) *Grebenty: Istoricheskoe issledovanie* [Grebenets: Historical research], 2nd ed., Moscow: Russkaia tipolitografiia.
- Blanch, L. (1991) *Sabli raia* [Sabers of paradise], Makhachkala: Iupiter.
- Blaramberg, I. (2005) *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus], Moscow: Nadyrshin.
- Boguslavskii, L. A. (1892) *Istoriia Apsheronского полка, 1700—1892 gg.* [History of the Absheron Regiment, 1700—1892], vol. 1, St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva putei soobshcheniia.
- Butova, E. (1889) *Stanitsa Borozdinovskaia* [The village of Borozdinovskaya], in: *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemën Kavkaza*, iss. 7, Tiflis: Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga, pp. 3—156.
- Dnevnik russkogo soldata, byvshego desiat' mesiatsev v plenu u chechentsev* (1848) [Diary of a Russian soldier who was held captive by the Chechens for ten months], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Beljaev_S/text1.htm (accessed 27.04.2021).
- Goncharov, Yu. M. (2002) *Zhenshchiny frontira: obraz sibirichki v regional'nom sotsiume serediny XIX — nachala XX v.* [Women of the frontier: the image of a Siberian woman in the regional society of the mid XIX and early XX century], available from <https://zaimka.ru/goncharov-siberians/> (accessed 24.05.2021).
- Iakushenkova, O. S. (2009) *Rol' zhenshchiny v transliatsii kul'tury na amerikanskom frontire* [The role of women in broadcasting culture on the American frontier], *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 33—37.
- Iakushenkova, O. S. (2013) *Zhenshchina na amerikanskom frontire* [Woman on the American frontier], Astrakhan: Individual'nyi predprinimatel' Sorokin R. V.
- Izvlechenie iz prikazov po Kavkazskoi armii* (1858) [Extract from orders for the Caucasian army], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/VS/1858_07.htm (accessed 03.04.2021).
- Karaulov, M. A. (1912) *Terskoe kazachestvo v proshlom i nastoiashchem* [Terek Cossacks in the past and present], Vladikavkaz.
- Kaziev, Sh. M. (2001) *Imam Shamil'* [Imam Shamil], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi* (1941) [Chronicle of Muhammad-Tahir al-Karahi], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Maksimov, E. (1893) *Chechentsy* [Chechens], *Terskii sbornik*, iss. 3, b. 2, Vladikavkaz: Terskii oblastnoi statisticheskii komitet, pp. 3—100.
- Markedonov, S. (2005) *Iuzhnyi Kavkaz: mnogougol'nik interesov* [South Caucasus: a polygon of interests], *Agentstvo politicheskikh novosteï*, available from <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm> (accessed 10.14.2020).
- Matveev, O. V. (2002) *Vragi, soiuzniki, sosedi: Ètnicheskaiia kartina mira v istoricheskikh predstavleniakh kazakov* [Enemies, allies, neighbors, ethnic picture of the world in the historical views of the Cossacks], Krasnodar.
- Mutieva, O. S. (2006) *Rol' zhenshchiny-kazachki v zhizni naseleniia Nizhnego Tereka v XIX — nachale XX v.* [The role of the Cossack woman in the life of the population of the Nizhny Terek in the XIX and early XX century], Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi universitet.

- Mutieva, O. S. (2015) Zhena-gorianka kak faktor mezhkul'turnoi kommunikatsii na Severnom Kavkaze [The Mountainous Wife as a factor of intercultural communication in the North Caucasus], in: *Kontakty i vzaimodeistviia kul'tur*: Sbornik materialov XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii (Ekaterinburg, 7—10 iulia, 2015), Yekaterinburg, pp. 297—298.
- Mutieva, O. S. (2017) Mezhnatsional'nye braki kak forma mezhétnicheskoi kommunikatsii v period Kavkazskoi voiny [Interethnic marriages as a form of interethnic communication during the Caucasian War], in: *Étnografiia sem'i i pola v XXI veke: traditsii, sovremennye realii, oppozitsiia Svoi/Druгой*: Sbornik materialov XII Kongressa antropologov i etnologov Rossii (Izhevsk, 3—6 iulia, 2017), Izhevsk, p. 278.
- Mutieva, O. S. (2019) Izmeneniia povsednevnosti v protsesse étnokul'turnogo vzaimodeistviia narodov Dagestana i sopredel'nykh étnosov, vtoraiia polovina XIX v. [Changes in everyday life in the process of ethnocultural interaction of the peoples of Dagestan and neighboring ethnic groups in the second half of the XIX century], in: *Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza*: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Groznyĭ, 19 oktiabria, 2019), Grozny, pp. 304—310.
- Mutieva, O. S. (2020) *Povsednevnaia zhizn' dagestanskoĭ zhenshchiny v kontekste Kavkazskoi voiny i sotsiokul'turnykh peremen XIX veka*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Everyday life of a Dagestan woman in the context of the Caucasian war and socio-cultural changes in the XIX century: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Narochnitskiĭ, A. A. (ed.) (1988) *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII — 1917god)* [History of the peoples of the North Caucasus (end XVIII — 1917)], Moscow: Nauka.
- Ocherk o kavkazskikh gorskikh plemenakh, s ikh obriadami i obychaiami v grazhdanskom, voinstvennom i domashnem dukhe* (1855) [Essay on the Caucasian mountain tribes, with their rituals and customs in a civil, warlike and domestic spirit], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Svecov_V/text2.htm (accessed 20.04.2021).
- Oleĭnikov, D. I. *Frontir i kolonizatsiia* [Frontier and colonization], available from <https://refdb.ru/look/1734838.html> (accessed 12.05.2020).
- Opisanie grebenskikh kazakov XVIII v.* (1958) [Description of the Greben Cossacks of the XVIII century], available from http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Opis_grebenskich_kazakov/text.htm (accessed 07.15.2021).
- Pallas, P. S. (1999) *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793—1794], Moscow: Nauka.
- Popko, I. D. (1880) *Terskie kazaki so starodavnikh vremĕn* [Terek Cossacks from ancient times], iss. 1, St. Petersburg: Tipografiia Departamenta udelov.
- Potto, A. V. (1899) *Kavkazskaia voĭna* [Caucasian War], vol. 1: Ot drevneishikh vremĕn do Ermolova, available from <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/11.html> (accessed 20.04.2021).
- Pushkareva, N. L. (1998) Istoriia zhenshchin i gendernyi podkhod k analizu proshlogo v kontekste problem sotsial'noi istorii [History of women and gender approach to the analysis of the past in the context of social history problems], in: *Sotsial'naia istoriia*, Moscow: ROSSPĒN, pp. 69—91.
- Rasina, E. O. (2017) Zhenshchina na nizhnevolzhskom frontire [Woman on the Nizhnevol'sk frontier], *Zhurnal frontirnykh issledovaniĭ*, no. 3, pp. 21—31.
- Romanova, A. P., Iakushenkov, S. N. (2012) Frontirnaia teoriia: novyi podkhod k osmysleniiu sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi situatsii na luge Rossii [The theory of social-political and economic situation on the border of Russia]

- of frontier: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the South of Russia], *Innovatika i ekspertiza*, iss. 2, pp. 74—80.
- Romanovskii, D. I. (1860) *Kavkaz i Kavkazskaia voĭna* [Caucasus and the Caucasian War], St. Petersburg: Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za”.
- Ryblova, M. A. (2009) *Muzhskie soobshchestva donskikh kazakov kak sotsiokul’turnyĭ fenomen XVI — pervoiĭ treti XIX veka*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Male communities of the Don Cossacks as a socio-cultural phenomenon of the XVI — first third of the XIX century: Diss. (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Shcherbina, F. A. (1910) *Istoriia kubanskogo kazach’ego voĭska* [The history of the Kuban Cossack army], vol. 1, Yekaterinodar: Tipografiia Kubanskogo oblastnogo pravleniia.
- Sheudzhen, Ė. A. (2006) *Zona li frontira Severnyĭ Kavkaz?* [Is the frontier zone the North Caucasus?], in: *Voprosy teorii i metodologii istorii*: Sbornik nauchnykh trudov, iss. 5, Maykop: Izdatel’stvo Adygeĭskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tērner, F. (2009) *Frontir v amerikanskoĭ istorii* [A frontier in American history], Moscow: Ves’ mir.
- Tolstoĭ, L. N. (2006) *Kazaki* [Cossacks], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 6, Moscow: Terra.
- Tsybul’nikova, A. A. (2008) *Rol’ zhenshchin v protsessakh mirnogo vzaimodeĭstviia kazakov i gortsev Severnogo Kavkaza v XVIII—XIX vv.* [The role of women in the processes of peaceful interaction between the Cossacks and the highlanders of the North Caucasus in the XVIII—XIX centuries], available from <http://slavakubani.ru/geography/neighbors/traditions-neighborliness/rol-zhenshchin-v-protsessakh-mirnogo-vzaimodeystviya-kazakov-i-gortsev-severnogo-kavkaza-v-khviix-xi/> (accessed 25.03.2021).
- Uchastie gorianok v Kavkazskoĭ voĭne* (2018) [Participation of mountain women in the Caucasian War], available from <http://caucaswomen.ru/uchastie-goryanok-v-kavkazskoj-vojne/> (accessed 15.12.2020).
- Vekhi edinstva: K 200-letiiu dobrovol’nogo vkhozheniia Checheno-Ingushetii v sostav Rossii* (1982) [Milestones of unity: To the 200th anniversary of the voluntary entry of Chechen-Ingushetia into Russia], Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel’stvo.
- Zeleneva, I. V. (2005) *Geopolitika i geostrategiia Rossii XVIII — pervoiĭ poloviny XIX veka* [Geopolitics and geostrategy of Russia in the XVIII — first half of the XIX century], St. Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Статья поступила в редакцию 29.11.2020; одобрена после рецензирования 02.05.2021; принята к публикации 03.09.2021.

The article was submitted 29.11.2020; approved after reviewing 02.05.2021; accepted for publication 03.09.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Газиева Абида́т Абдулаевна — младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия, gazieva.abidat@mail.ru (Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

GENDER HISTORY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 136—148.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 136—148.

Научная статья

УДК 070(091)(470+571)“1941/1945”

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.10

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Алемжан Галымжанович Аринов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, arinov061993@gmail.com

Аннотация. Раскрывается малоизвестная страница истории советской военной периодической печати, связанная с освещением участия женщин в Великой Отечественной войне. Статья основана на материалах военной периодической печати, хранящихся в фондах Российской государственной библиотеки, и документах из фонда ВЛКСМ Российского государственного архива социально-политической истории. В рамках исследования, на основе гендерного подхода, рассмотрены особенности и характерные черты интерпретации «женского вопроса» в военной печати. Делается вывод, что в военной периодической печати вопрос об участии женщин в войне обсуждался с двух противоположных точек зрения (женской и мужской). Авторы-женщины отмечали свое равенство в правах с мужчинами на фронте, а также создавали и поддерживали образ доблестной военнотруженицы-женщины. Авторы-мужчины ущемляли женщин лишь вспомогательной ролью в войне, выделяя их в контексте помощи военнотруженицам-мужчинам в различных боевых и небоевых условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, армейские газеты, военная печать, военнотруженицы-женщины, женщины-комбатанты, фронтовые газеты, 1945 г.

Для цитирования: Аринов А. Г. Участие женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в советской военной периодической печати // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 136—148.

Original article

PARTICIPATION OF WOMEN IN COMBAT ACTIONS ON THE FRONTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (AS REFLECTED BY THE SOVIET MILITARY PERIODICAL PRESS)

Alemzhan G. Arinov

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, arinov061993@gmail.com

Abstract. In this article, on the basis of a gender approach, it is proposed to consider the image of women soldiers created on the pages of the Soviet military periodical press. This is undertaken in order to understand how exactly the idea of women in the Red Army was formed and promoted. This approach allows us to determine the main characteristic features in the interpretation of the “female issue” and at the same time to identify the features of the design of “female” and “male” authorship in the military press, as well as to prove that, although gender equality was officially proclaimed in the USSR, discriminatory practices were widely used in newspaper materials. The army and front newspapers of the period under review were characterized by two tricks in covering the issue of women’s participation in the war: the first — articles authored by women themselves, the second — publications about female military personnel by authorship of men. In the first case, we see the desire of women to emphasize their equal rights with men at the front. In the second case, the heroism of women became famous, but in most cases, the heroism of female military personnel stood out in the context of help provided to male combatants in various combat and non-combat conditions. The author concluded that so different a coverage of the participation of women in the war in the Soviet military periodical press testifies to the high importance of both the issue of equality in the army for women and the image of the valiant female military personnel created by them in the newspapers. However, due to the fact that the USSR remained essentially a patriarchal state and the traditional gender hierarchy was not violated, which is confirmed by examples of publications of male authors who honored women with an auxiliary role in the war.

Key words: the Great Patriotic War, army newspapers, military press, female combatants, female soldiers, front newspapers, 1945

For citation: Arinov, A. G. (2021) Uchastie zhenshchin v boevykh deistviyakh na frontakh Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny v sovetskoĭ voennoĭ periodicheskoi pečati [Participation of women in combat actions on the fronts of the Great Patriotic War in the Soviet military periodical press], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 136—148.

Введение

В современной историографии особое место занимают работы, которые выполнены в ключе женской и гендерной истории — исторической феминологии [Пушкарева, 2007]. Исследование «женского лица» прошлого России проливает свет на проблематику, которая еще совсем недавно казалась малозначимой или не подлежащей публичному обсуждению. Проблема «Женщины Великой Отечественной войны» была и остается в поле зрения историков. В течение

длительного времени участие женщин в боевых действиях носило эпизодический характер, и только в годы Второй мировой войны сделалось массовым, стало социальным явлением, которое потребовало конкретного изучения. Еще весной 1943 г. газета «Правда» констатировала, ссылаясь на Постановление ЦК ВКП(б) «О коммунистическом женском дне 8 Марта», что «никогда еще во всей прошлой истории женщина не участвовала так самоотверженно в защите своей Родины, как в дни Отечественной войны...»¹.

Участию женщин в войне посвящено немало обобщающих и специальных исследований, в большинстве из которых прославляется патриотизм советских женщин, доказывается, что они проявляли мужество, отвагу и героизм наравне с мужчинами [Николаева, Карасева, 1941; Кононенко, 1941; Мишакова, 1943; Героини, 1969; Мурманцева, 1974; Галаган, 1986; Сенявская, 1995, 1999; Иванова, 2002; Виноградова, 2016]. Наряду с повышенным вниманием к проблеме участия женщин в войне [Линдсей, 2003], все чаще изучается вопрос о гендерных особенностях практик взаимоотношений между мужчинами и женщинами в Красной армии.

Аспекты, связанные с гендерной проблематикой, были рассмотрены в ряде работ американских и российских историков. Самой фундаментальной из них, пожалуй, является книга А. Крыловой. Автор задается вопросом, каким образом обширному патриархальному обществу с существовавшими традиционными гендерными установками, такому как сталинская Россия в 1930-х гг., удалось объединить понятия насилия и женственности в первую теоретическую, а затем и практическую концепцию для набора женщин-добровольцев в ряды Вооруженных сил. А. Крылова начинает с того, что подчеркивает, как довоенная революционная культура поощряла участие женщин во всех аспектах гражданской жизни, включая национальную оборону через военизированные формирования. Центральным тезисом для американской исследовательницы выступает следующее утверждение: полагаясь на политику, разработанную в 1930-х гг., женщины-военнослужащие создавали свою идентичность — как двойственную, так и не состязательную: они и женщины, и солдаты. Толкование этой конструкции идентичности доведено до крайности при анализе использования цветов, которыми женщины украшают свою винтовку или укрытие. Это не вопрос сохранения традиционных гендерных соглашений. Напротив, женщины таким образом утверждают свое присутствие, реинвестируя и изменяя понятие «женственность», отделяя его от понятий хрупкости и слабости, с которыми оно обычно связано [Krylova, 2010].

В монографии Р. Марквика и Е. Кардоны основное внимание уделяется формам взаимодействия женщин, мужчин и государства в различных обстоятельствах и в различных воинских частях. Авторы приходят к выводу о том, что женщины были готовы выполнять новые социальные роли — служить в армии и соревноваться с мужчинами, особенно в медицинских и снайперских подразделениях. В то же время исследователи утверждают, что мужчины зачастую не считали женщин себе равными. Женщины подвергались сексуальным домогательствам, сексуальной и профессиональной дискриминации. Карьера женщин была более успешной в воинских частях, которые состояли только

¹ Священный долг советской женщины // Правда. 1943. 8 марта.

из женщин. Государство, в свою очередь, разработало гендерную политику, основанную на двойных стандартах. Так, женщины поддерживались и поощрялись государством только тогда, когда они были ему нужны. После войны официальный дискурс молчал об участии женщин в боевых действиях [Markwick, Cardona, 2012].

Отдельным блоком гендерные отношения были рассмотрены в статье американского историка С. Джага, где на основании источников личного происхождения, а также документов из фонда ВЛКСМ в РГАСПИ утверждается, что массовое вливание советских женщин в ряды Вооруженных сил не изменило самовосприятия мужчин как участников мужской военной организации из-за сохранения мужского авторитета и ориентации мужчин на романтические и сексуальные роли женщин на фронте [Jug, 2012].

Статья американского исследователя Б. Шехтера посвящена конфликту между военными обязанностями женщин-военнослужащих и сексуальными практиками в Красной армии. Опираясь на терминологию, использовавшуюся во время войны, автор позиционирует «девочек» и «женщин» как две модели поведения. Первая подчеркивает солдатские обязанности: женщины-военнослужащие могли оставаться «девочками», устанавливая строгие границы в своих отношениях с военнослужащими-мужчинами. Другой вариант — стать женщиной. Это, вероятно, приведет к беременности и соответствующей реакции со стороны товарищей и семьи. Б. Шехтер приходит к выводу, что женщины-военнослужащие оказались в крайне неоднозначной ситуации, когда комсомол, вербовавший в армию большое количество «девочек», пропагандировал сексуальное воздержание и женскую «культурность», в то время как партия и армия согласились с желанием командиров взять любовниц из числа своих подчиненных [Schechter, 2016].

Среди работ российских историков следует отметить статью О. В. Будницкого, где охарактеризована проблема изменений, происшедших в сексуальном поведении мужчин и женщин в Красной армии в период Второй мировой (Великой Отечественной) войны. Подчеркивается сходство изменений, которые произошли в общепринятой морали, в отношениях между мужчинами и женщинами в годы войны, с аналогичными изменениями эпохи сексуальной революции 1960-х гг. Однако, по мнению автора, в первом случае эти изменения были вызваны катастрофой, приведшей к разрушению традиционного уклада жизни и установленных норм поведения, включая отношения между мужчинами и женщинами [Будницкий, 2011: 421].

Нужно отметить, что в большинстве отечественных и зарубежных исследований в области участия советских женщин в Великой Отечественной войне обсуждается несколько ключевых аспектов: гендерные взаимоотношения в Красной армии; героизм женщин-военнослужащих на фронтах войны; сексуальное насилие в Красной армии; советский дискурс 1930-х гг. о гендере и Вооруженных силах; создание, подготовка и боевая служба женских воинских формирований. Собственно, вне поля зрения историков все еще остаются вопросы, связанные с освещением участия женщин в войне в советской военной периодической печати.

В данной статье на основе гендерного подхода предлагается рассмотреть образ военнослужащих-женщин на страницах советской военной периодической печати для понимания того, как именно формировалось и пропагандировалось представление о женщинах в действующей армии. Такой подход позволяет определить характерные черты в интерпретации «женского вопроса» и в то же время выявить особенности конструирования женского и мужского авторства в военной печати, а также доказать, что, хотя официально в СССР и было провозглашено равенство полов, в газетных материалах довольно широко использовались дискриминационные практики. Исследование основано на материалах военной периодической печати, хранящихся в фондах Российской государственной библиотеки (РГБ), и документах из фонда ВЛКСМ Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Основную массу используемых материалов печати составляют фронтовые и армейские газеты за март 1945 г.

«Женский вопрос» на страницах советской военной периодической печати

Советская пропаганда внесла немалый вклад в создание образа военнослужащей-женщины. Содержание пропаганды было единственным источником, из которого советское общество могло создать свое впечатление о женщинах-комбатантах. Можно было найти некоторые статьи о женщинах-комбатантах, но, как заметила историк Р. Пеннингтон, большинство из них были опубликованы в изданиях, предназначенных для женской аудитории, — журналах «Крестьянка» и «Работница». Те, что публиковались в крупных газетах, обычно были связаны со специальными событиями, такими как Международный женский день, когда женщины чествовались коллективно [Pennington, 2001: 61]. Рассмотрение участия женщин в боевых действиях в военной периодической печати отмечается после публикации Постановления ЦК ВКП(б) «О Международном женском дне — 8 Марта», напечатанного во всех армейских и фронтовых газетах. «На фронтах Отечественной войны многие советские женщины с оружием в руках героически сражаются с врагом. Среди связистов, снайперов, зенитчиков, летчиков немало женщин — мастеров военного дела. Санитарки, медицинские сестры, врачи спасают жизни раненых бойцов и офицеров. Тысячи женщин-фронтовиков награждены орденами и медалями»² — приводит текст постановления газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» в выпуске от 6 марта 1945 г.

Военные периодические издания подчеркивали интегрированность женщин в ряды Красной армии. Политика интеграции прослеживается на примерах публикаций лозунгов, требовавших от военнослужащих-женщин так же, как и от мужчин, вести дальнейшую борьбу с «немецкими извергами». «Женщины — зенитчицы, снайперы, летчицы, связистки! Настойчиво повышайте свое боевое мастерство, беспощадно уничтожайте немецких извергов!»³ —

² Советский воин. 1945. 6 марта.

³ Суворовец. 1945. 6 марта.

из Постановления ЦК ВКП(б) «О Международном женском дне — 8 Марта», опубликованного в газете 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец».

Армейские и фронтовые газеты выделяли следующие категории военнослужащих-женщин: работники медицинской службы (госпитальные служащие, санитарки), летчицы, персонал войскового тыла, связистки, снайперы, танкистки. В интерпретации вопроса по участию женщин в войне в военной периодической печати мы наблюдаем две тенденции: статьи, авторами которых являлись военнослужащие-женщины, и публикации о женщинах за авторством военнослужащих-мужчин.

Как правило, возникновение «женского вопроса» на полосах военных периодических изданий было связано с выступлениями женщин на различных митингах, собраниях, совещаниях, которые затем публиковались в рубриках «Дочери Родины» (газета 18-й армии «Знамя Родины») ⁴, «Пламенный привет боевым подругам!» (газета 70-й армии «За Родину!») ⁵, «Слава советским героиням!» (газета 1-й гвардейской армии «За нашу Победу») ⁶, «Славные героини — защитницы Родины!» (газета 67-й армии «Вперед за Родину!») ⁷, «Твои боевые подруги» (газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск») ⁸. К примеру, в «Суворовском натиске» за март 1945 г. было опубликовано 6 заметок с фронтового совещания женщин-военнослужащих, где они рассказывали о своей фронтовой повседневности.

Характерной чертой рассказов женщин-комбатантов являлось чувство гордости за свое непосредственное участие в боевых действиях, они отмечали свое равенство с военнослужащими-мужчинами: «Их много, отважных патриотов, которые плечом к плечу с мужчинами громят ненавистного врага» («Суворовский натиск») ⁹, «Я горжусь, что в этих боях я участвовала наравне с мужчинами и шла рядом с ними плечом к плечу», «Если надо... и в бой идем рядом с мужчинами», «Вместе с мужчинами переносу и радость победы и трудности солдатской жизни» («Суворовский натиск») ¹⁰, «Мы гордимся тем, что женщина идет рядом с мужчинами и выполняет свой воинский долг» («Суворовский натиск») ¹¹, «Много наших патриотов с оружием в руках рядом с мужчинами насмерть уничтожают врага. Многие идут сквозь огни сражений рядом с мужчинами» («Суворовский натиск») ¹².

Специфика «женских» статей наиболее всего прослеживается на материалах публицистики военного времени. Среди популярных женщин-публицистов были Т. Губа, П. Гостева, Е. Кононенко, О. Кузнецова, О. Мишакова, К. Николаева и другие. В публицистических брошюрах подчеркивалось равноправие

⁴ Знамя Родины. 1945. 8 марта.

⁵ За Родину. 1945. 8 марта.

⁶ За нашу Победу. 1945. 8 марта.

⁷ Вперед за Родину! 1945. 8 марта.

⁸ Суворовский натиск. 1945. 6 марта.

⁹ Фронтовое совещание женщин-военнослужащих // Суворовский натиск. 1945. 9 марта.

¹⁰ Мы возмужали и выросли на войне // Там же. 11 марта.

¹¹ Бью врага снайперской пулей // Там же. 10 марта.

¹² Родина ценит наши подвиги // Там же. 11 марта.

женщин с мужчинами на фронте [Мишакова, 1944: 38]. Женщины-публицисты создавали образ решительной женщины-воина, которая «на весь мир прославила родину своими героическими подвигами» [там же: 39]. Эти очерки носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, информировали граждан страны о мужестве и героизме женщин на фронте. В силу жанровой особенности брошюра не могла претендовать на глубину анализа проблемы, однако она, даже будучи по своей сущности глубоко публицистичной, основывалась на реальных фактах. Примеры героических подвигов женщин на фронте [Кононенко, 1941: 8—18; Мишакова, 1943a: 26—29; 1943b: 15—24; 1944: 37—39; Гостева, 1945: 6—14] брались из печати.

В брошюрах было много патетики, они были довольно эмоциональны [Полтораки, 2002: 3—4]. Их авторы рассказывали о подвигах женщин — Героев Советского Союза, кавалеров ордена Славы и других правительственных наград [Мишакова, 1944: 39—55]. «Героический» характер данных работ позволяет нам предположить, что тем самым авторы-женщины пытались выделить индивидуальность и независимость женщин-военнослужащих, героизм которых ни в чем не уступал героизму мужчин.

Наряду с выделением гендерного равноправия на фронте, авторы-женщины фиксировали равенство в плане пропаганды ненависти и мести в отношении врагов. Публиковались статьи с обещаниями и клятвами женщин «покарать» немцев: «Моей мечтой стало — убить фашиста. Наши воины сражаются уже на подступах к Берлину. Хочется и нам скорее туда попасть, чтобы сполна рассчитаться с немецкими извергами» (газета Ленинградского фронта «На страже Родины») ¹³, «Хочется и мне скорее... в Берлин, хочется с немцами последние счета свести» («Вперед за Родину!») ¹⁴, «Пусть трепещут немцы, пусть трепещут и их проклятые фрау, пусть они узнают, что такое война» («Суворовец») ¹⁵.

Следует подчеркнуть, что в военных периодических изданиях публиковались статьи, в которых для многих женщин чувство мести стало главной причиной вступления в армию: «Я чувствовала, что должна отомстить за отца, за дядю и всех, кто погиб с начала войны» [Линдсей, 2003: 26]. В газетах «Суворовец» и «На страже Родины» было опубликовано несколько статей, в которых женщины признавались, что отправились на фронт из чувства мести. «Я мстить пришла, Гриша! — рассказывает старшина К. Родионова-Баранова. — Это чувство воодушевляло меня, когда я выходила в снайперскую засаду... выслеживая немцев» ¹⁶. Схожие эмоции выражала связистка гвардии ефрейтор Т. Гаврилова: «Узнала я летом 1943 года, что отец мой был расстрелян немцами за связь с партизанами. Буду мстить им за отца...» ¹⁷.

В публикациях о военнослужащих-женщинах, авторами которых являлись мужчины, на первый план выдвигалась категория героизма советских женщин на фронте. В частности, в газете 43-й армии «Защитник Отечества» появилась статья «Героические советские женщины», в которой констатировалось,

¹³ Родионова-Баранова К. Моя месть // На страже Родины. 1945. 8 марта.

¹⁴ Родионова-Баранова К. Указ. соч. // Вперед за Родину! 1945. 8 марта.

¹⁵ Гаврилова Т. Солдатская шинель стала мне родной // Суворовец. 1945. 8 марта.

¹⁶ Родионова-Баранова К. Указ. соч. // На страже Родины. 1945. 8 марта.

¹⁷ Гаврилова Т. Указ. соч.

что никогда русские женщины не были окружены таким ореолом славы, как в военные годы¹⁸.

Тем не менее в большинстве описываемых случаев данная категория всегда употреблялась в контексте помощи мужчинам в различных боевых и небоевых ситуациях: оказания помощи раненым на поле боя¹⁹, организации связи в условиях боевой обстановки²⁰, заботы о раненых красноармейцах в госпитальных учреждениях²¹, обслуживания материальной части²².

В качестве исключения в статьях были представлены женщины-комбатанты: летчицы, пулеметчицы, снайперы, танкистки. Например, индивидуально рассматривались истории пребывания женщин-снайперов на фронте. Эти статьи освещали боевой путь женщины-снайпера, ее становление как снайпера, описание первого боя с преодолением страха и первым убитым немцем. Так, в одном из мартовских номеров «Суворовца» в пример приводилась снайпер Л. Лещева, на которую «с уважением смотрели... бывалые воины»²³. Газета «Суворовский натиск» писала о З. Галифастовой: «Она — младший сержант и на войне она дралась, как подобает настоящему советскому солдату. Рядом с мужчинами она выдвигалась в передовые порядки... и в этих словах — облик молодой героини Зинаиды Галифастовой»²⁴. В схожей стилистике демонстрировались подвиги женщин-летчиц²⁵, пулеметчиц²⁶.

Между тем большая часть представительниц «второго пола» удостаивалась вспомогательной функции в описании их пребывания на фронте. В статьях речь шла о небоевой деятельности — военнослужащих вспомогательных армейских служб: поваров²⁷, прачек²⁸, работниц военторга²⁹.

В свою очередь, в военных газетах встречается внутренний конфликт, суть которого заключается в недопонимании со стороны женщин-комбатантов ситуации

¹⁸ Защитник Отечества. 1945. 8 марта.

¹⁹ Шпрингель А. Забота о здоровье воина // Суворовский натиск. 1945. 3 марта; Зубко А. Санструктор Вера Гулько // Советский боец. 1945. 8 марта; Михайлов М. Знатная казачка Мария Журина // Советский воин. 1945. 8 марта; Розов Л. Аня Лабугина, друг солдата // Красное знамя. 1945. 8 марта.

²⁰ Строганов В. Связь в порядке! // Советский воин. 1945. 8 марта; Связистка // Суворовский натиск. 1945. 8 марта; Связь восстановлена! // Родина зовет. 1945. 16 марта.

²¹ Крюков Ю. На страже жизни // Врага — на штык! 1945. 8 марта; Шитов М. Патриотка // Защитник Отечества. 1945. 8 марта; Рудим В. В борьбе за жизнь // Советский боец. 1945. 8 марта; Они заботятся о раненых, как о родных // Суворовец. 1945. 11 марта.

²² Петров П. Они помогают побеждать // Сталинское знамя. 1945. 8 марта; Кириллов Н., Некрасов М. На каждом участке, в каждом деле они помогают бойцам // Родина зовет. 1945. 16 марта.

²³ Хелемский Я. Она стала снайпером // Суворовец. 1945. 8 марта.

²⁴ Снайпер // Суворовский натиск. 1945. 8 марта.

²⁵ Воздушный стрелок старший сержант Ольга Черникова // Советский воин. 1945. 8 марта; Отважная летчица нашего фронта... // Фронтная правда. 1945. 9 марта.

²⁶ Графов В. Пулеметчица Ирина Исакова // На страже Родины. 1945. 8 марта.

²⁷ Аня Моисеенко — отличный повар // Родина зовет. 1945. 16 марта.

²⁸ Лавриненко М. Наша помощь воинам // Врага — на штык! 1945. 8 марта.

²⁹ Заслуженный почет // Там же.

недооценки роли женщин, наравне с мужчинами разделявших опасности и риски войны, вне зависимости от половой принадлежности [Pennington, 2001: 9]. Примером недопонимания наличия в печати дискриминационных практик, а именно — почему в военной периодике недостаточно места уделяется женщинам-военнослужащим, служит «замечание», опубликованное в «Суворовском натиске». «Еще небольшой счет нашим красноармейским газетам. Не рассказывают подробно о боевых делах наших девушек, — отмечает сержант Л. Татарина, — а ведь девушки у нас очень храбрые и стойкие и заслуживают, чтобы о них писали в газете»³⁰.

Кроме того, в том же «Суворовском натиске» военнослужащие-женщины ссылались на недостатки агитационно-пропагандистской работы с ними. В номерах от 13 и 14 марта 1945 г. женщины отмечали отсутствие «интересных лекций, хороших докладов»³¹, а также упоминали о том, что «интересы и особенности девушек учитываются не всегда»³². В газете 54-й армии «Сын Отечества» младший сержант комсорг батальона Т. Кундрюцкая жаловалась на то, что на проводившихся собраниях не затрагивались наиболее острые и волнующие женщин-военнослужащих вопросы³³.

Недовольство в среде военнослужащих-женщин относительно плохого освещения их «подвигов» в ходе боевых действий, в том числе и в военной печати, сохранялось вплоть до окончания войны. Это подтверждается словами военнослужащей Князевой, записанными в стенограмме беседы М. И. Калинина с демобилизованными девушками-воинами: «Я хотела бы остановиться еще на одном вопросе... на вопросе популяризации героических дел... наших женщин. <...> Ничего у нас не написано и не показано о девушках — Героях Отечественной войны... По-моему, литература... в этом отношении в долгу перед девушками-воинами»³⁴.

Материалы военной периодической печати показывают нам, что зачастую военнослужащими-женщинами руководило чувство необходимости доказывать свое равенство с мужчинами. Возможно, это было связано с желанием женщин преодолеть барьеры виктимизации и дискриминации, с которыми, в частности, они сталкивались в 1920—1930-х гг., когда стали «частью» советской индустрии [Голдман, 2010: 31—32, 262, 269—270]. Это подчеркивает, как милитаризация женщин во время войны была связана с гендерным равенством [Fieseler et al., 2014: 118].

Впрочем, после победы руководство СССР было полно решимости возобновить традиционные гендерные роли. Война считалась исключительной форс-мажорной ситуацией, которая требовала, чтобы женщины сражались, но восприятие места женщин в советском обществе не изменилось. В работе «Гендерный мир» Д. Панкхерст заявляет, что в странах, которые стремятся построить новое общество после конфликта, женщины имеют больше шансов получить

³⁰ Доверие оправдаем // Суворовский натиск. 1945. 11 марта.

³¹ С любовью ухаживаем за ранеными // Там же. 13 марта.

³² Война многому научила нас // Там же. 14 марта.

³³ Кундрюцкая Т. Волнующие вопросы // Сын Отечества. 1945. 3 апреля.

³⁴ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1. Оп. 5. Д. 246. Л. 11.

в еще большей степени права и признание [Pankhurst, 2008: 14]. Советские руководители не собирались строить новое общество, вследствие чего женщины в послевоенные годы не получили желаемого признания.

Героически сражаясь, многие женщины ожидали, что их будут помнить и чтить как героев, патриотов, защищавших свою Родину. Советские литераторы в значительной степени забыли о вкладе женщин, участвовавших в войне, вместо этого сосредоточившись на их традиционных, воспитательных ролях. По окончании войны изображения счастливых, улыбающихся матерей с детьми заменили фотографии женщин-военнослужащих.

Заключение

В статье были рассмотрены вопросы, связанные с освещением участия женщин в войне на страницах советской военной периодической печати. До настоящего времени в отечественной и зарубежной историографии подобных исследований не проводилось. Анализ армейских и фронтовых газет за март 1945 г. показал, что образ военнослужащих-женщин в военной периодической печати имеет ряд характерных черт. Так, пропагандировалось инкорпорирование военнослужащих-женщин в общую структуру Красной армии на примерах героизации женщин-комбатантов (летчиц, пулеметчиц, снайперов), а также пропаганды ненависти в отношении немцев.

В то же время в военной периодической печати сложилась ситуация, когда вопрос об участии женщин в войне обсуждался с двух противоположных точек зрения. Первая излагалась в статьях, авторами которых являлись военнослужащие-женщины. При этом они отмечали свое равенство в правах с мужчинами на фронте. Статьи женщин отличались большой эмоциональностью. Они дополнительно подчеркивали свое равенство с мужчинами с помощью упоминания ряда конкретных определителей: выражения гордости за участие в боевых действиях; создания и поддержания героического образа женщины-воина; выделения индивидуальности и независимости женщины на фронте; пропаганды чувств ненависти и мести по отношению к врагу.

Авторы-мужчины также прославляли героизм женщин. Однако в большинстве случаев категория героизма военнослужащих-женщин помещалась в контекст помощи мужчинам в различных боевых и небоевых условиях, что являлось дискриминационной практикой, ставшей причиной недовольства многих военнослужащих-женщин, главным образом женщин-комбатантов, которые постоянно разделяли с мужчинами все риски войны, но не получали равноправного освещения своих подвигов в военной периодической печати.

В целом такое разное освещение участия женщин в войне в советской военной периодической печати свидетельствует о важном значении как вопроса равенства в армии для женщин, так и создаваемого ими в газетах образа доблестной военнослужащей-женщины. Однако в силу того что СССР оставался в сущности патриархальным государством, а женщина осваивала нехарактерные для себя военные роли, традиционная гендерная иерархия не нарушалась, что подтверждается примерами публикаций авторов-мужчин, удостаивавших женщин лишь вспомогательной ролью в войне.

Список источников

- Будницкий О.* Мужчины и женщины в Красной армии (1941—1945) // *Cahiers du Monde Russe*. 2011. Vol. 52, № 2—3. С. 405—422.
- Виноградова Л.* Ангелы мщения: женщины-снайперы Великой Отечественной. М.: КоЛибри, 2016. 288 с.
- Галаган В. Я.* Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной. Киев: Вища шк., 1986. 302 с.
- Героини: очерки о женщинах — Героях Советского Союза / ред.-сост. Л. Ф. Торопов. М.: Политиздат, 1969. 447 с.
- Голдман В. З.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. 357 с.
- Гостева П.* Патриотки. Краснодар: Советская Кубань, 1945. 34 с.
- Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 272 с.
- Кононенко О.* Девушки-героини. М.: Мол. гвардия, 1941. 31 с.
- Линдсей Ш.* Женщина и война: исследование МККК о воздействии вооруженного конфликта на женщин. М.: Междунар. ком. Красного Креста, 2003. 346 с.
- Мишакова О. П.* Советская женщина. М.: Мол. гвардия, 1943а. 30 с.
- Мишакова О. П.* Советская женщина в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1943б. 30 с.
- Мишакова О. П.* Советские девушки в Отечественной войне. М.: Воениздат, 1944. 64 с.
- Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с.
- Николаева К. И., Карасева Л. М.* Великая Отечественная война и советская женщина. М.: Госполитиздат, 1941. 14 с.
- Полторак С. Н.* Женщины на фронтах Великой Отечественной войны. СПб.: Нестор, 2002. 33 с.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная история и историческое знание. М.: Алетейя, 2007. 496 с.
- Сенявская Е. С.* 1941—1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1995. 220 с.
- Сенявская Е. С.* Женщина на войне глазами мужчин: (психологический экскурс в историю России) // *Российская ментальность: методы и проблемы изучения*. 1999. Вып. 3. С. 203—216.
- Fieseler B., Hampf M. M., Schwarzkopf J.* Gendering combat: military women's status in Britain, the United States, and the Soviet Union during the Second World War // *Women's Studies International Forum*. 2014. Vol. 47. P. 115—126.
- Jug S. G.* Red Army romance: preserving masculine hegemony in mixed gender combat units, 1943—1944 // *Journal of War & Culture Studies*. 2012. Vol. 5, iss. 3. P. 321—334.
- Krylova A.* Soviet Women in Combat: a History of Violence on the Eastern Front. New York: Cambridge University Press, 2010. 320 p.
- Markwick R. D., Cardona E. C.* Soviet Women on the Frontline in the Second World War. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p.
- Pankhurst D.* Gendered Peace: Women's Struggles for Post-War Justice and Reconciliation. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 341 p.
- Pennington R.* Wings and War: Soviet Airwomen in World War II Combat. Lawrence: University Press of Kansas, 2001. 304 p.
- Schechter B. M.* «Girls» and «Women». Love, sex, duty and sexual harassment in the ranks of the Red Army 1941—1945 // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2016. Iss. 16. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/4202> (дата обращения: 17.06.2020).

References

- Budnitskiĭ, O. (2011) Muzhchiny i zhenshchiny v Krasnoĭ armii (1941—1945) [Men and women in the Red Army (1941—1945)], *Cahiers du Monde Russe*, vol. 52, no. 2—3, pp. 405—422.
- Fieseler, B., Hampf, M. M., Schwarzkopf, J. (2014) Gendering combat: military women's status in Britain, the United States, and the Soviet Union during the Second World War, *Women's Studies International Forum*, vol. 47, pp. 115—126.
- Galagan, V. Ia. (1986) *Ratnyĭ podvig zhenshchin v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ* [A glorious feat of women during the Great Patriotic War], Kiev: Vishcha shkola.
- Goldman, V. Z. (2010) *Zhenshchiny u prokhodnoĭ: Gendernye otnosheniia v sovetskoĭ industrii (1917—1937 gg.)* [Women at the entrance: Gender relations in the Soviet industry (1917—1937)], Moscow: Fond "Prezidentskiĭ tsentr B. N. El'tsina": ROSSPĖN.
- Gosteva, P. (1945) *Patriotki* [Patriots], Krasnodar: Sovetskaia Kuban'.
- Ivanova, Iu. N. (2002) *Khrabreĭshie iz prekrasnykh. Zhenshchiny Rossii v voĭnakh* [The bravest of the beautiful. Russian women in wars], Moscow: ROSSPĖN.
- Jug, S. G. (2012) Red Army romance: preserving masculine hegemony in mixed gender combat units, 1943—1944, *Journal of War & Culture Studies*, vol. 5, iss. 3, pp. 321—334.
- Kononenko, O. (1941) *Devushki-geroini* [Girls-heroes], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Krylova, A. (2010) *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front*, New York: Cambridge University Press.
- Lindseĭ, Sh. (2003) *Zhenshchina i voĭna: Issledovanie MKKK o vozdeĭstvii vooruzhĕnnogo konflikta na zhenshchin* [Woman and war: MKKK study on the impact of armed conflict on women], Moscow: Mezhdunarodnyĭ komitet Krasnogo Kresta.
- Markwick, R. D., Cardona, E. C. (2012) *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*, New York: Palgrave Macmillan.
- Mishakova, O. P. (1943a) *Sovetskaia zhenshchina* [Soviet woman], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Mishakova, O. P. (1943b) *Sovetskaia zhenshchina v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne* [Soviet woman in the Great Patriotic War], Moscow: Gospolitizdat.
- Mishakova, O. P. (1944) *Sovetskie devushki v Otechestvennoĭ voĭne* [Soviet girls in the Great Patriotic War], Moscow: Voenizdat.
- Murmantseva, V. S. (1974) *Sovetskie zhenshchiny v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne* [Soviet women in the Great Patriotic War], Moscow: Mysl'.
- Nikolaeva, K. I., Karaseva, L. M. (1941) *Velikaia Otechestvennaia voĭna i sovetskaia zhenshchina* [Great Patriotic War and the Soviet woman], Moscow: Gospolitizdat.
- Pankhurst, D. (2008) *Gendered Peace: Women's Struggles for Post-War Justice and Reconciliation*, New York: Routledge Taylor & Francis Group.
- Pennington, R. (2001) *Wings and War: Soviet Airwomen in World War II Combat*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Poltorak, S. N. (2002) *Zhenshchiny na frontakh Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny* [Women on the fronts of the Great Patriotic War], St. Petersburg: Nestor.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia istoriia i istoricheskoe znanie* [Gender history and historical knowledge], Moscow: Aleteĭia.
- Schechter, B. M. (2016) "Girls" and "Women". Love, sex, duty and sexual harassment in the ranks of the Red Army 1941—1945, *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, iss. 16, available from <http://journals.openedition.org/pipss/4202> (accessed 17.06.2020).

-
- Seniavskaia, E. S. (1995) *1941—1945. Frontovoe pokolenie: Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [1941—1945. Front-line generation: Historical and psychological research], Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk.
- Seniavskaia, E. S. (1999) Zhenshchina na voine glazami muzhchin: (Psikhologicheskii èkskurs v istoriiu Rossii) [Woman in war through the eyes of men: Psychological excursion into the Russian history], *Rossiiskaia mental'nost': metody i problemy izucheniia*, no. 3, pp. 203—216.
- Toropov, L. F. (ed.) (1969) *Geroini: Ocherki o zhenshchinakh — Geroiakh Sovetskogo Soiuza* [Heroins: Essays on women — Heroes of the Soviet Union], Moscow: Politizdat.
- Vinogradova, L. (2016) *Angely mshcheniia. Zhenshchiny-snaipery Velikoi Otechestvennoi* [Angels of vengeance. Women snipers of the Great Patriotic War], Moscow: KoLibri.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021; одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 14.08.2021.

The article was submitted 06.07.2021; approved after reviewing 08.08.2021; accepted for publication 14.08.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Аринов Алемжан Галымжанович — стажер-исследователь института советской и постсоветской истории факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, arinov061993@gmail.com (Research Assistant at the Institute for Advanced Soviet and Post-Soviet Studies, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ GENDER HISTORY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 149—168.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 149—168.

Научная статья

УДК 629(091)(47+57)''1960/1970''

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.11

«МОРЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МУЖЧИНАМ?»: ЖЕНЩИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА В 1960—1970-х гг.

Ксения Сергеевна Еременко, Елена Александровна Поливанчук

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия, eremenko.ks@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена определению роли женщины в гендерном укладе советского торгового флота и реконструкции гендерных стереотипов о женщинах-морячках в рамках и за рамками профессионального сообщества в 1960—1970-х гг. Для решения этих задач использованы подходы микроистории и устной истории. Основу источниковой базы исследования составили 19 полуструктурированных интервью с ветеранами Дальневосточного морского пароходства, созданных в период с 24 июня 2019 г. по 20 января 2020 г. в рамках исследовательского проекта «Морской Владивосток: повседневные практики и профессиональная культура моряков торгового флота позднесоветского периода» и дополненных широким кругом опубликованных источников. Авторы характеризуют должности, которые наиболее часто занимали женщины на судах торгового флота, и связанные с ними обязанности, анализируют мотивы выбора профессии и выделяют сценарии формирования стереотипов о советских морячках на фоне трансформации гендерного порядка советского общества в послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: гендерная история, микроистория, устная история, торговый флот, советское общество, Дальневосточное морское пароходство, морячки

Для цитирования: *Еременко К. С., Поливанчук Е. А. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг. // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 149—168.*

Original article

**“THE SEA BELONGS TO MEN?”:
WOMEN IN THE SOVIET MERCHANT MARINE
IN THE 1960s AND 1970s**

Kseniia S. Eremenko, Elena A. Polivanchuk

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, eremenko.ks@dvfu.ru

Abstract. The article is aimed at identifying the role of women in the gender structure of the Soviet merchant marine and reconstructing gender stereotypes about women seafarers within and outside the professional community in the 1960s and 1970s. To reach the goals the authors employ the approaches of microhistory and oral history. The main primary source for the research is the series of 19 interviews with the veterans of the Far Eastern Shipping Company collected from June 24, 2019 to January 20, 2020 as a part of the research project “Marine Vladivostok: Daily Practices and Professional Culture of Merchant Marine Seamen of the Late Soviet Period”. The interviews were supplemented by a wide range of published sources such as statistical data, regulations, press, memoirs, fiction, and films. The authors characterize the range of positions occupied by women on merchant marine vessels most often and the responsibilities associated with them as well as analyze the motives for choosing a seafaring profession. Special attention is paid to identifying scenarios for the formation of stereotypes about Soviet women seafarers placed against the wider background of the gender order of post-war Soviet society and its transformations.

Key words: gender history, microhistory, oral history, merchant marine, Soviet society, Far Eastern Shipping Company, women seafarers

For citation: Eremenko, K. S., Polivanchuk, E. A. (2021) “More prinadlezhit muzhchinam?”: zhenshchiny v professional’nom soobshchestve sovetskogo torgovogo flota v 1960—1970-kh gg. [“The sea belongs to men?”: women in the Soviet merchant marine in the 1960s and 1970s], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 149—168.

Введение

Широкое поле проблем гендерных отношений в советском обществе представляет интерес как для историков, так и для социологов, причем последние чаще обращаются в рамках гендерного подхода именно к макроисторической динамике, реконструируя этапы формирования гендерного порядка в СССР [Здравомыслова, Темкина, 2003] или советские гендерные контракты [Темкина, Роткирх, 2002]. На фоне большого количества отечественных и зарубежных работ по истории гендерных отношений в советский период в сфере брака, семьи, быта, общественной жизни и политики гендерные аспекты труда и занятости в СССР привлекают гораздо меньше внимания. Имеющиеся же работы посвящены преимущественно вопросам женского труда в эпоху сталинской модернизации (конец 1920-х — 1930-е гг.) [Goldman, 2002; Хасбулатова, 2004; Морозова, 2005; Ульянова, 2013; Пис, 2018] и в годы Великой Отечественной войны, в последнем случае проблема рассматривается чаще всего в региональном аспекте с акцентом на выявление ее количественных характеристик [Conze, 2001; Ежеля,

2012; Романов, 2016]. Однако проблематика роли женщин в сфере труда в первые послевоенные десятилетия и позднесоветское время редко становится предметом специального исследования [Filtzer, 2004; Вавулинская, 2016; Гонина и др., 2019] и находит лишь фрагментарное отражение в работах, посвященных советской повседневности [Лебина, 2015: 223—260].

При этом если о роли женщин в советской промышленности, сельском хозяйстве и образовании в 1960—1970-х гг. хотя бы упоминается в достаточно большом количестве исторических работ, то труд женщин в морском торговом флоте СССР до сих пор полностью игнорировался отечественной историографией как в части изучения количественных параметров вопроса, так и в части анализа роли женщин в гендерном укладе преимущественно мужского по своему составу морского сообщества, циркулирующих в профессиональной среде гендерных стереотипов, восприятия морячек советским обществом и т. д. Описанная историографическая ситуация актуализирует потенциал микроисторических сюжетов о моряках и морячках советского торгового флота для изучения гендерных ролей и стереотипов в трудовой сфере позднесоветского периода.

В данной работе мы попытаемся определить роль женщины в гендерном укладе советского торгового флота и реконструировать вариации гендерных стереотипов о женщинах-морячках в рамках и за рамками профессионального сообщества в позднесоветский период (1960—1970-е гг.), используя для решения этих задач подходы микроистории и устной истории. В центре нашего внимания будет находиться Дальневосточное морское пароходство (ДВМП), крупнейшее судоходное предприятие региона и одно из крупнейших в СССР. Указанный период — время колоссального количественного роста и качественного развития советского торгового флота в целом и ДВМП в частности. Именно в эти десятилетия морской транспорт превратился в одну из самых эффективных отраслей народного хозяйства СССР. Пополнение морского транспорта новыми судами в 1960-х гг. шло небывалыми темпами: почти каждую неделю вступали в строй два-три новых судна [Под флагом России, 1995: 360]. Значительно расширилась география районов плавания советских судов, выросло количество учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров для морской отрасли. С начала 1960-х гг. ДВМП, как и весь торговый флот страны, переживало период небывалого подъема: регулярное поступление новых судов, заметный количественный рост плавсостава, ежегодное увеличение грузооборота и расширение линейки специализированных судов. Все это обеспечило ДВМП роль одного из ключевых предприятий региона, а число его работников к 1980 г. насчитывало около 60 тыс. человек [Дальневосточное морское пароходство... , 1980: 17].

Источниковая база работы включает как опубликованные, так и неопубликованные источники, среди которых особое место принадлежит материалам устной истории. Представляется, что любая попытка реконструкции гендерных ролей и стереотипов советского общества невозможна без привлечения такого рода источников, поскольку они, с одной стороны, помогают восстанавливать «сферы опыта, которые иначе были бы утрачены» [Келли, 2004: 112], а с другой — позволяют сделать видимым плюрализм этого опыта, ведь, как полагает Н. Л. Пушкарева, неофициальность памяти и возможная непризнанность

оценок — это именно то, что «роднит устную историю и историю, написанную с применением методов гендерной экспертизы фактов и явлений» [Пушкарева, 2012b: 172]. В работе были использованы 19 полуструктурированных интервью с ветеранами Дальневосточного морского пароходства¹ в возрасте от 91 до 63 лет, созданных в г. Владивостоке и г. Уссурийске (Приморский край) в период с 24 июня 2019 г. по 20 января 2020 г. в рамках исследовательского проекта «Морской Владивосток: повседневные практики и профессиональная культура моряков торгового флота позднесоветского периода». Опросник для проведения интервью состоял из 60 пунктов и охватывал широкий круг тем, одной из которых была тема роли женщин в гендерном укладе торгового флота. Следует отметить, что гендерная проблематика не являлась для данного проекта главной и единственной. Помимо нее, в рамках проекта исследовались специфика корпоративной культуры, внутренней иерархии и границ профессионального сообщества, распорядок дня и опыт переживания чрезвычайных ситуаций, потребительские возможности и предпочтения советских моряков, а также особенности поведения за рубежом и впечатления от инокультурных реалий.

Круг респондентов был определен исходя из необходимого для реализации целей проекта соотношения представителей различных категорий: 12 человек из командного состава и 7 — из рядового; 15 мужчин и 4 женщины. Доля респондентов женского пола в общем числе опрошенных (примерно 20 %), на наш взгляд, адекватно репрезентирует реальное присутствие женщин в профессиональном сообществе морского торгового флота советского периода. Выбор респондентов диктовался также стремлением максимально представить разнообразие должностей судового экипажа.

Для более точной реконструкции макроисторического контекста изучаемых в данной работе проблем материалы устной истории были дополнены широким спектром опубликованных источников, среди которых нормативные акты, статистические материалы, материалы периодической печати, источники личного происхождения и кинофильмы.

Женщины в торговом флоте: должности и обязанности

Годы Великой Отечественной войны, несомненно, выделяются как особый этап в процессе формирования гендерного порядка советского общества. Массовая трудовая мобилизация женщин пришлась на канун войны и значительно возросла к ее окончанию. Если в 1929 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих народного хозяйства СССР составляла 27 %, то к 1940 г. этот показатель достиг 38 %, а к 1945-му — 55 % [Женщины и дети... , 1963: 104]. Война также катализировала массовое вовлечение женщин в традиционно «мужские» профессии: заменив ушедших на фронт мужчин, они работали машинистами и шахтерами, лесорубами и комбайнерами, слесарями и металлургами.

¹ В качестве потенциальных респондентов нас интересовали люди, работавшие в ДВМП в течение длительного периода, чей трудовой путь начался или достиг своего пика в 1960-х и 1970-х гг. Согласно нашему предположению, долгая жизнь этих людей в профессии должна была послужить залогом высокой информативности проведенных с ними интервью. Чтобы получить статус ветерана ДВМП, для мужчин необходимо иметь 25 лет трудового стажа в организации, для женщин — 20 лет.

В свете описанных тенденций логично было бы предположить, что именно в этот период женщины начинают осваивать и морские профессии, в том числе в торговом флоте. Однако вопрос о времени первого появления женщин-морячек в советском торговом флоте остается открытым. Капитан П. П. Куянцев в своем художественном рассказе «Королева бульвара» упоминает, что в 1930 г. женщин во флоте не было: «В то время на судах женщины еще не работали, и общение с ними было возможно только на земле, а в рейсах мы подолгу их не видели» [Куянцев, 1998]. Если мы обратимся к биографии самой известной женщины в морской профессии Анны Ивановны Щетининой, то обнаружим, что работать в морском флоте она начала в 1929 г. после окончания судоводительского отделения Владивостокского техникума. Тем не менее женщины во флоте в то время еще были редкостью, так что утверждение П. П. Куянцева об их полном отсутствии любопытно в том смысле, что оно, вероятно, отражает распространенное в обществе представление о положении дел в довоенные годы, и особенно по сравнению с военным временем.

Если судить по воспоминаниям наших респондентов, вовлечение женщин в сферу морских профессий становится заметным с началом Второй мировой войны. Один из них упоминал, что в детском возрасте встречал женщин, работавших на судах и выполнявших «женскую» работу, но «врезался» в его память, вероятно, контрастирующий на этом фоне образ женщин-кочегаров, труд которых респондент описывает эмоционально, подчеркивая их маскулинные черты:

В суровые дни или, во время войны, потому что не хватало мужиков. По этим соображениям. Так еще куда или! Ведь я встречал, когда меня брали дядьки на пароходы, друзья отца, я встречал еще тогда, женщины были повара там, уборщицы, дневальные — всяких разных мастей, женскую работу выполняли по чистоте, наведению порядка, приготовлению пищи. А были кочегары-женщины. Они лопату могли держать, забрасывать. <...> Конечно, там мощные женщины были, не слабые, а такие крепкие, мужеподобные (МВ-2019-01-К)².

Другой респондент вспоминал, что во время войны ему довелось работать с женщиной-радиострой (МВ-2019-02-К). В военные годы женщины занимали должность штурмана. Помимо уже упомянутой А. И. Щетининой, в их числе были В. Я. Орликова (Северное морское пароходство), Н. Н. Кисса (Азовское морское пароходство), выпускницы Батумского мореходного училища Ю. А. Пайлодзе, Н. Г. Каландадзе (ДВМП), Ш. Г. Туманишвили, В. Гваришвили (Каспийское пароходство) и, вероятно, многие другие.

Таким образом, несмотря на то что вопрос о первом появлении женщин в экипажах судов советского торгового флота требует отдельного изучения, мы можем утверждать: именно Великая Отечественная война стала катализатором вовлечения женщин в морские профессии. Однако в последовавшие за окончанием войны десятилетия характер занятости женщин в торговом

² Здесь и далее для соблюдения анонимности респондентов при ссылке на интервью используется код вида «МВ-2019-00-Р/К», где МВ — аббревиатура проекта «Морской Владивосток», 2019 — год инициации проекта, 00 — порядковый номер интервью в реестре проекта, Р или К — обозначение принадлежности респондента к рядовому (Р) или командному (К) составу.

флоте трансформировался под влиянием происходивших в советском обществе изменений.

Период середины 1950-х — конца 1980-х гг. в исследовательской литературе характеризуется как кризис этакратического гендерного порядка советского общества [Пушкарева, 2012а]. Государство все так же сохраняло главенство в регулировании гендерных отношений, однако «оттепель» расширила пространство частной жизни и принесла некоторую либерализацию в гендерную политику. В своей монографии Н. Б. Лебина отмечает, что возврат к совместному обучению детей разных полов (1954 г.) и легализация аборта (1955 г.) стали важными переменами в советском обществе, которые можно сравнить с сексуальной революцией, проходившей в то время на Западе [Лебина, 2015: 233—234]. В контексте демографического спада осуществляется постепенное переосмысление совмещения женщиной двух ролей — матери и работницы: на первый план в данный период выходят именно семейно-бытовые обязанности женщины. В общественном дискурсе артикулируется необходимость возврата женщины в семью и преодоления ее маскулинизации [Пушкарева, 2012а].

В послевоенные десятилетия, согласно статистическим данным, существенно снизилось участие женщин в сельском хозяйстве (на 18 % в 1961 г. по сравнению с 1945 г.) и сфере транспорта (на 15 %). К 1961 г. численное преобладание женщин наблюдалось в таких отраслях народного хозяйства, как просвещение и наука (62 %), связь (64 %), торговля и общественное питание (70 %), здравоохранение (86 %) [Женщины и дети... , 1963: 104]. Профессии в торговле и общественном питании, в сфере коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания в общественном дискурсе начинают квалифицироваться как «женские». Схожие тенденции мы наблюдаем и в отношении занятости женщин в торговом флоте в 1950—1960-х гг. С одной стороны, происходит постепенный уход женщин с занимаемых ими во время войны «мужских» должностей, связанных с эксплуатацией судна (штурманы, радисты, матросы, кочегары и др.). Вспоминая о послевоенном периоде, один из наших респондентов констатировал:

Уже таких категорий, как кочегары, как матросы, женщин не стало. <...> Женщин-механиков тоже не стало, это была у нас одна когда-то или две... На маленьких катерах были. А потом с развитием флота, где-то после 50-х, войны, с развитием флота все уменьшалось (МВ-2019-02-К).

С другой стороны, отмечается феминизация профессий, связанных с питанием и бытовым обслуживанием на судах, что ясно прослеживается в рассказах наших респондентов. Остановимся на рассмотрении этой тенденции более подробно. Количество членов экипажа в изучаемый период варьировалось в зависимости от типа судна и могло составлять от 15 человек на буксирах до 60 и более на пассажирских судах и ледоколах, однако в экипаже самого распространенного типа судов — грузовых (сухогрузы, контейнеровозы, танкеры и др.) — считывалось в среднем 25—30 человек, в их числе, по сообщениям интервьюируемых, женщин обычно было от 3 до 7. Респонденты без труда отвечали на вопрос интервьюера о том, кем женщины чаще всего работали во флоте в изучаемый период, причем эти ответы в смысловом отношении были одинаковыми у всех:

*К. С. Еременко, Е. А. Поливанчук. «Море принадлежит мужчинам?»:
женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг.*

...женская должность: буфетчица, дневальная, уборщица, доктор, повариха. ...Элементарные эти пять должностей... они были чисто женские (МВ-2019-18-К).

В целом на судах ДВМП в изучаемый период женщины чаще всего трудились в должности поварихи, буфетчицы, дневальной и уборщицы. Судовой врач присутствовал в составе далеко не каждого экипажа. Представителей этой должности можно было встретить на ледоколах и судах, которые совершали заграничные рейсы, причем гораздо чаще судовыми врачами работали мужчины, а не женщины. Из высказывания респондента видно, что данные обязанности в сфере обслуживания и заботы интерпретируются как «женские», т. е. приписываемые женщинам и в домашней «береговой» жизни (преимущественно приготовление пищи и уборка).

Стоит отметить, что на пассажирских судах штат обслуживающего персонала существенно расширялся, ведь организовать сферу заботы и ухода необходимо было не только для членов судовой команды, но и для пассажиров. Такие должности, как официант, бармен, номерная (горничная), прачка (кастелянша), здесь, как правило, также занимались женщинами, поэтому в количественном отношении больше всего морячек было именно на пассажирских судах. Советский документальный фильм «На пороге рабочей профессии» (1975 г.), посвященный профтехучилищам, которые готовят кадры для торгового флота, предлагал девушкам покорять море именно в должности барменов и стюардесс пассажирского флота.

Рассмотрим подробнее круг обязанностей, выполняемых в рамках самых распространенных «женских» должностей на судах советского торгового флота — поварихи, буфетчицы, дневальной и уборщицы. В иерархии морских профессий эти должности относились к рядовому составу и в соответствии с судовым уставом 1976 г. были объединены в службу быта [Устав..., 1976: 4]. В обязанности судового повара входило приготовление пищи для всех членов экипажа согласно режиму питания (завтрак, обед и ужин). Повар также отвечал за надлежащее состояние помещения камбуза, оборудования и инвентаря. Кроме того, совместно с артельщиком и судовым врачом он составлял меню для экипажа [там же: 122]. Некоторые респонденты упоминали, что в составе команды — чаще всего ледокола или пассажирского судна — мог присутствовать и пекарь, однако впоследствии эта должность была упразднена, а ее обязанности совмещены с обязанностями повара (повар-пекарь). Согласно сообщениям респондентов, повар и пекарь делили между собой «камбузные» обязанности. Также пекарь помогал повару в каких-либо предварительных работах по приготовлению пищи. В качестве работников на данных должностях, как правило, трудились женщины, однако в интервью присутствуют упоминания, что в этой роли нередко встречались и мужчины.

Буфетчица отвечала за качественное состояние посуды буфета кают-компании, сервировку, обслуживание и уборку стола в кают-компании во время и после приема пищи, поддержание чистоты и порядка в каютах старшего командного состава — капитана, старшего помощника и старшего механика. В круг обязанностей дневальной входило обслуживание столовой судовой

команды (подача еды и уборка), а также уборка кают командного состава, служебных помещений, коридоров и красного уголка [там же: 123].

Для работы на судне в качестве уборщицы, дневальной или буфетчицы не требовалось наличия специального образования: процесс овладения профессией у женщин, занимавших эти должности, проходил непосредственно на рабочем месте. Анализируя профессионализацию женщин, занятых в сфере «домашнего труда» в 1990-х гг. (домработницы и уборщицы), социолог О. А. Ткач обратила внимание, что этот процесс имеет две составляющие: для работниц в сфере заботы и уюта необходимо освоение представления о чистоте и порядке, отличное от своего привычного, а также освоение «рабочей техники» для исполнения своих обязанностей [Ткач, 2011: 319]. На наш взгляд, аналогичный опыт профессионализации переживали и те, кто приступал к выполнению «женских» обязанностей на советских торговых судах, что ярко прослеживается в интервью. Осуществлять уборку на судне было необходимо в соответствии с санитарными нормами и правилами техники безопасности. Это с неизбежностью трансформировало личные стандарты чистоты и порядка. Более того, как следует из воспоминаний одной из наших респонденток, на рабочем месте приходилось учиться таким, казалось бы, повседневным действиям, как мытье полов, стирка белья и подача еды членам экипажа в кают-компаниях:

Меня буфетчицей послали... А здесь надо было хозяйничать. Ну мне подсказывали. Кто? Ребята из комсостава. Штурмана, механики. Все доброжелательно: «Ты вот это, вот это сделай». Столы накрывать — «Ты что, никогда в ресторане не была?». Нет, я человек такой, обыкновенный человек. Они мне подсказывали. Раза два подсказали, долго меня не надо было учить. Белье стирала — показали, как стирать (МВ-2019-04-Р).

Стоит обратить внимание, что на каждом судне сферы ответственности и круг обязанностей буфетчиц, дневальных и уборщиц могли незначительно варьироваться или же совмещаться. Так, если экипаж судна был небольшим, то буфетчица или уборщица брали на себя обязанность стирки постельного белья, что оплачивалось дополнительно. В судовых ролях можно было обнаружить и такие варианты совмещения должностей, как буфетчица-дневальная или дневальная-буфетчица. Данные вариации обуславливаются гибкой системой должностных обязанностей на судне в сфере обслуживания. Подобное совмещение обязанностей также свидетельствует о том, что штат обслуживающего персонала мог расширяться или сужаться в зависимости от типа судна, специфики конкретного рейса и численности экипажа в целом. Наконец, совмещение должностных обязанностей стимулировалось так называемым щекинским экспериментом, который был нацелен на повышение производительности труда и начал внедряться в промышленности СССР в конце 1960-х гг., а на судах торгового флота — в начале 1970-х гг. (см., напр.: [Пономарев, 1971]).

Таким образом, в позднесоветский период в гендерном укладе профессионального сообщества моряков торгового флота СССР женщине отводится исполнение трудовых ролей, связанных с питанием, заботой, поддержанием чистоты и порядка, т. е. такими обязанностями, которые в послевоенном советском обществе прочно ассоциировались с «нормативной» женственностью. Вместе

с тем специфичность условий, в которых происходило исполнение этих трудовых обязанностей (повышенный риск возникновения аварийных ситуаций, особый режим труда и отдыха, ограниченность рабочего пространства, долгая разлука с семьей и родными и т. д.), заставляет нас предположить, что решение женщины пойти работать поварихой, буфетчицей или дневальной на судно было результатом не только доминирующих в обществе идеологических установок, но и собственного осознанного выбора, за которым стояли различные мотивы. Остановимся подробнее на том, как объясняют этот выбор мужчины и женщины морского профессионального сообщества.

Большинство респондентов-мужчин (11 из 15) в качестве основного фактора, обуславливавшего решение женщин стать морячками, называли материальную выгоду. Респонденты утверждали, что женщины шли во флот для того, чтобы заработать деньги. Кроме того, при отсутствии необходимости платить за питание и проживание в судовых условиях женщины получали возможность не только заработать, но и сэкономить средства. Здесь следует подчеркнуть, что, по сообщениям респондентов, в советском торговом флоте не существовало гендерной дискриминации в сфере оплаты труда:

Зарплата была должностной, должностной оклад. А не важно, кто на этом окладе был, мужчина или женщина — без разницы. И спрос одинаковый (МВ-2019-18-К).

При этом респондентки в своих воспоминаниях отмечали, что у женщин, работавших в море, заработная плата в среднем была выше, чем у женщин, которые работали на берегу.

В качестве второй причины выбора профессии респонденты-мужчины называли возможность для молодых девушек выйти замуж (МВ-2019-03-К) или найти себе жениха (МВ-2019-19-Р) в преимущественно мужском рабочем коллективе. В подтверждение этого тезиса приводились примеры создания семей в рамках профессионального сообщества. Однако, по нашим сведениям, став супругами, моряк и морячка уже не могли работать в одном судовом коллективе и вместе ходить в рейс: с точки зрения должностных лиц, определявших кадровую политику, в случае заграничных рейсов это увеличивало риск бегства во время пребывания в зарубежном порту. Наконец, несколько респондентов предположили, что женщины шли работать в море, чтобы обрести возможность путешествовать.

Анализ женских интервью представляет нам совершенно иную картину: говоря о своем выборе, респондентки акцентировали внимание на том, что решение стать морячкой было обусловлено их личным желанием. Отметим, что среди родственников респонденток не было моряков, т. е. близкие родственные связи в данном случае не могли повлиять на выбор профессии. Рассуждая о причинах ее выбора, женщины апеллировали к чувственному опыту и даже говорили о предопределении: *Я мечтала о море с детства, я очень любила море (МВ-2019-08-Р); Я с детства знала, что в море пойду, я очень хотела этого, я любила и сейчас люблю (МВ-2019-12-Р).* Л. Н. Крылова-Лопаченко, которая начала трудовой путь в ДВМП в 1969 г., в опубликованных воспоминаниях и вовсе осмысляет свой выбор в пользу работы в море как «сбывшееся гадание» [Крылова-Лопаченко, 2016: 7].

Таким образом, женщины, с одной стороны, романтизировали морскую профессию, а с другой — видели в выборе данной работы возможность осуществить свои мечты о путешествиях. И если о материальных выгодах как мотиве выбора морской профессии респондентки еще упоминали (правда, в отношении других женщин), то мотив поиска спутника жизни не звучал вовсе. Более того, респондентки использовали личный пример, чтобы опровергнуть мнение о том, что женщины шли работать в море по этой причине:

Я приехала сюда, чтобы не замуж выйти. Потому что говорят: «Ой, много мужчин, все замуж выходят». Я просто хотела посмотреть мир (МВ-2019-12-Р).

Таким образом, в 1960—1970-х гг. в СССР прослеживается тенденция феминизации профессий в сферах здравоохранения, просвещения, связи, торговли и общественного питания. Тем не менее, в рамках такой дифференциации труда у женщин сохраняется возможность совмещать предписанную обществом трудовую роль с индивидуальным выбором. Анализ сообщений респонденток позволил заключить, что выбор женщин, сделанный в пользу профессий торгового флота и работы в опасных условиях, был обусловлен как сугубо личными причинами, связанными с мечтами о путешествиях и познании мира, так и стремлением иметь более высокий заработок в рамках своей профессиональной ниши.

Советская морячка: вариации гендерных стереотипов

Работа в море подразумевает длительную оторванность от дома, вследствие чего роли труженицы и матери для женщины-морячки, с точки зрения общества, вступали в явное противоречие. Выбор стать морячкой с неизбежностью трансформировал образ женщины в глазах общества в целом и профессиональной группы в частности, и здесь мы выделяем два возможных сценария формирования стереотипов. Рассмотрим подробнее каждый из них.

В тех редких случаях, когда женщина решала занять в морской сфере какую-либо из должностей, связанных с эксплуатацией судна (в основном речь идет, конечно, о должностях командного, а не рядового состава), ее образ неизбежно приобретал маскулинные черты. Как полагает антрополог Т. Б. Щепанская, категория «профессионализм» находится в прямой корреляции с маскулинностью: «...повышение профессионального уровня одновременно означает и утверждение маскулинности» [Щепанская, 2010: 295—296]. В свою очередь, для женщин демонстрация профессионализма и профессиональных успехов, в особенности в сфере «мужского» труда, оборачивается потерей женственности. В таких случаях неформальный дискурс приписывает им не только мужской склад ума или мужской характер, но и недостаток красоты и неспособность к материнству [Щепанская, 2005: 80].

В неформальном дискурсе морского сообщества складывается представление о том, что женщине необходимо «стать мужчиной» для того, чтобы быть штурманом или механиком, или же постоянно доказывать мужской половине коллектива, что она равноправный член экипажа: *Ну что ей нужно сделать? Ей нужно надеть сапоги кирзовые, надеть погонь и стать мужчиной (МВ-2019-02-К); Женщине тогда придется постоянно доказывать, что она полноценная и не хуже*

мужиков (МВ-2019-11-К). Примечательно, что в рассказе респондента-мужчины о женщине, занимавшей должность второго помощника, приписываемая ей маскулинность оценивается явно негативно:

В Мурманске пароход пришел, и вот там мы что-то перегружали на ле- докол. И вот там была эта женщина, она второй помощник. Она и курит, и матерится. У меня такое неприятное впечатление осталось (МВ-2019-05-К).

Маскулинность выступает одной из ведущих характеристик и в образе Анны Ивановны Щетиной (1908—1999), первой в мире женщины-капитана дальнего плавания. Прежде всего она сама акцентирует свои нефемининные черты в самоописаниях. Так, в статье для журнала «Общественница» (1937 г.) А. И. Щетина подчеркивает: «Я человек положительный, математический»; «...не люблю этих “ахов” и “вздохов”»; «Меня нелегко свернуть с пути»; «Я человек здоровый, крепкий» (цит. по: [Капитан Анна, 2005: 22]). «Мужские» черты в ней видят и окружающие. Американский журналист У. Мандель в своей книге о советских женщинах, упоминая об А. Щетининой, называет ее крупной (large-bodied) и противопоставляет другой женщине-штурману — В. Орликовой, которую описывает как «миниатюрную», «хрупкую», «с потрясающе красивым лицом» [Mandel, 1975: 82]. Респонденты нашего проекта также говорят об Анне Ивановне как о сильной женщине с мужским складом характера (МВ-2019-11-К; МВ-2019-17-К). Стремление связать профессионализацию с маскулинизацией прослеживается и в том, что нередко интервьюируемые, говоря о знаменитой женщине-капитане, помещают рассказ о ее профессиональном успехе в контекст несчастливой семейной жизни, нежелания реализоваться как матери: *По-моему, у нее семейные дела были не очень важно. <...> Вот капитаном быть и женщиной — это сложно* (МВ-2019-02-К).

В то же время в официальном дискурсе СССР образ женщины-капитана позиционировался с гендерно-нейтральных позиций. Если в прессе зарубежных стран появление женщины на капитанском мостике в 1930—1940-х гг. рассматривалось как настоящая сенсация, то для советского государства женщина-капитан была частью продуманного курса на позиционирование равенства мужчин и женщин во всех сферах как одного из важных преимуществ социалистического строя. Поэтому в образе А. И. Щетиной в СМИ акцентировались такие не сводимые к полу характеристики, как «работоспособность, преданность делу, высокая квалификация и идейно-политическая вооруженность» (цит. по: [Капитан Анна, 2005: 25]). В статье «Женщины — равные граждане» (1947 г.) в «USSR Information Bulletin», издававшемся посольством СССР в Вашингтоне для пропаганды социалистических успехов среди зарубежной аудитории, пример А. И. Щетиной выступает одной из множества иллюстраций гендерного равноправия в сфере труда в СССР [Aralovets, 1947].

На фоне А. И. Щетиной образ другой известной женщины-капитана — Валентины Орликовой (1915—1986), работавшей в Мурманске, кажется исключительным из-за соединения в нем несоединимого — сохранения фемининных черт и успешной реализации в профессии, где доминируют мужчины. Может быть, именно благодаря этому после рейса в порты США на теплоходе «Двина» в качестве четвертого помощника капитана (ноябрь 1942 — январь 1943 г.)

В. Я. Орликова приобрела большую известность. В апреле 1943 г. ее фото было опубликовано на обложке американского журнала «Soviet Russia Today». В своих дневниках эссеистка А. Нин описывала то глубокое впечатление, которое произвел образ Валентины Орликовой на американских женщин в 1940-х гг.: «Она стала символом самых тайных желаний женщины: быть способной, быть свободной и распоряжаться своей судьбой, нести ответственность без потери своей женственности» [Nin, 1972: 10].

Итак, мы можем заключить, что пример положения дел в советском торговом флоте (за небольшими исключениями) подтверждает тезис о маскулинизации в глазах общества женщин, которые добивались успеха и строили карьеру, занимая традиционно «мужские» должности. Однако поводов для реализации данного сценария формирования стереотипов о советских морячках в 1960—1970-х гг. было крайне мало. Во-первых, женщины чрезвычайно редко встречались на командных должностях советского торгового флота. В пользу этого косвенно свидетельствует и мотив «одной женщины», который появляется в воспоминаниях наших респондентов, когда речь заходит о женщинах-штурманах или механиках. Такая вербальная формула, по мнению Т. Б. Щепанской, указывает на «исключительный статус» женщины в данной профессиональной среде [Щепанская, 2010: 284]. Во-вторых, имеются сведения, что в 1950—1970-х гг. девушки в принципе не принимались в морские учебные заведения на специальности, связанные с эксплуатацией судна; такое могло произойти только в порядке исключения³.

Гораздо более вероятной была реализация другого сценария стереотипизации. Как мы уже выяснили ранее, наиболее часто в изучаемый период женщины шли работать в море на должности обслуживающего персонала, считавшиеся типично «женскими», а потому, несмотря на труд в условиях повышенного риска, женщины, которые работали поварихой, буфетчицей или дневальной в торговом флоте, не теряли в глазах общества своей фемининности. Напротив, мы можем заметить, что в неформальном дискурсе за рамками морской профессии бытовали представления о морячках как женщинах, активно пользовавшихся своей привлекательностью в условиях преимущественно мужского коллектива на судне. Такой предстает буфетчица в повести В. В. Конецкого «Кто смотрит на облака» (1967 г.): «Буфетчица в новом платье крутит задом назло женщинам. В каждом шаге буфетчицы вызов: я здесь с вашими мужьями длинные месяцы. Они таращат на меня глаза и стоят под трапом, когда я спускаюсь и поднимаюсь. Они щиплют меня в уголке и играют со мной в козла, когда вы от них за тысячу верст» [Конецкий, 1967]. Приговор общественности был прост: в море идут работать лишь «разгульные» женщины. В этом смысле очень показателен сюжет из воспоминаний нашей респондентки:

Почему-то считали, что каждая женщина там будет вести разгульный образ жизни. ...Тетья Фрося, вот моя тетя, она сказала, говорит: «Ты что, там одни гулящие женщины...» Вот, а я говорю: «Это зависит от человека, тетя

³ Этот вопрос требует отдельного исследования, однако о существовании такой практики упоминается в статье с красноречивым названием «В порядке исключения» [Мезенцев, 1969].

К. С. Еременко, Е. А. Поливанчук. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг.

Фрося, я могу и на берегу быть гулящей, если я захочу». И когда я пришла в кадры, они мне сказали: «Что вас тянет туда, что мужчин много или что?» А я говорю: «Меня тянет море, я хочу быть внутри моря» (МВ-2019-08-Р).

При этом отметим, что в образе моряка аналогичная характеристика — популярность среди женщин — исторически не являлась предметом осуждения, а даже напротив добавляла мужчине привлекательности. Так, в морском фольклоре разных стран издавна существуют шуточные песни о моряке, которого в каждом порту ждет любимая девушка, а в советском фильме «Любимая женщина механика Гаврилова» (1981 г.) история о «жуткой любви» с француженкой из Марселя служит дополнением образа «мужчины мечты».

В формальном дискурсе профессионального сообщества в 1960—1970-х гг. мы также можем заметить акцентирование фемининных черт советских морячек. Так, среди редких изображений женщин, которые появляются на обложке профессионального журнала «Морской флот» в 1970-х гг. (всего трижды за десятилетие), исключительно работницы пассажирского флота из сферы обслуживания. Единственный женский образ, который фигурирует на сувенирной продукции ДВМП позднесоветского периода, — рисунок бортпроводницы с букетом цветов, которая встречает гостей пассажирского лайнера (1977 г.). Все это ярко высвечивает тенденцию формирования стереотипа о том, что морячки, работающие в сфере заботы и ухода, должны демонстрировать «женские» качества. Так, в статье 1974 г., посвященной экипажу теплохода «Боцман Зотов» ДВМП, среди мужчин — членов командного и рядового состава, ударников коммунистического труда, представлена одна женщина: «Наташа Лежаева — пекарь, дневальная. Своим скромным трудом создает хорошее настроение коллектива. Она настоящая мастерица: хлеб, испеченный ею, всегда вкусный, столы накрыты вовремя, а настроение экипажа от этого на самом высоком уровне» (курсив наш. — К. Е., Е. П.) [Ботков, 1974: 32]. Обращает на себя внимание, что заметки о мужчинах содержат их полное имя, отчество и фамилию, в то время как дневальная представлена здесь как Наташа с фамилией, но без отчества. Примечательно, что ее труд назван скромным, а роль в коллективе дважды артикулирована как связанная с поддержанием хорошего настроения.

Внутри профессионального сообщества фемининность морячек могла актуализироваться различными способами. Во-первых, посредством практики помощи женщинам в решении тех производственных задач, которые требовали физической силы. Респонденты отмечают, что женщины были освобождены от тяжелых физических работ, поэтому чаще всего мужчины осуществляли помощь женщинам, когда им надо было перенести, достать или поднять что-нибудь тяжелое. Приводились следующие примеры таких задач: «принести что-нибудь с артелки», «нарубить мясо», «покрасить камбуз», «помочь прачке донести белье», «вылить отходы через борт». Показательно, что оказание такой помощи носило гендерно-окрашенный характер, ведь именно поэтому некоторые респонденты, принадлежавшие к комсоставу, утверждали, что их поведение в этом контексте могло быть неверно интерпретировано:

Нормальный человек, конечно, помогать должен, такого как у меня характера. Что-то помочь... если б я был рядовым... Ну, стал офицером —

ну ладно, как-то неудобно вроде. Помогать неудобно, потому что экипаж скажет: «А ты заигрываешь!» Вот третьему механику можно заигрывать, а мне нельзя. Это же понимаете. Другое дело, понравилась девушка какому-то молодому парню, ну как не помочь? (МВ-2019-02-К).

В свою очередь, у женщин-респонденток практика помощи со стороны мужчин ассоциировалась не только с физической работой, но и с моральной поддержкой, а потому женщины более эмоционально оценивали сам феномен помощи в судовых условиях, связывая его с ценностями профессионального сообщества в целом:

Я сейчас, по истечении времени, вспоминаю: боялась, а когда попала — столько заботы, столько внимания со стороны мужчин, просто вот чисто морально помогали переносить качки, помогали в тяжелые переходы (МВ-2019-04-Р);

Когда я заболела, в первый раз пошла в море... Меня рвало, мне плохо было. Я смотрю, мальчишки пошли в город, купили там кто-то конфет, кто-то... чего-то, принесли мне. <...> Не потому, что я была там красивая... или я была женщина, там девушка или кто, а просто чисто по-человечески мы относились друг к другу. Мы не разделяли, мужчина это или женщина, мы помогали друг другу (МВ-2019-08-Р).

Возможно, по этой причине среди «женских» описаний взаимоотношений внутри морского коллектива преобладает метафора семьи: *Мы были одной семьей там. Потому что они нам были как братья, а мы им как сестры (МВ-2019-08-Р).*

Во-вторых, статус женщин актуализировался в судовых условиях и через практику празднования 8 Марта. В 1965 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Международный женский день 8 Марта был объявлен в СССР нерабочим. К началу 1970-х гг., как отмечают исследователи, этот праздник деполитизировался в официальном дискурсе и начал приобретать популярность в обществе именно как «женский день» [Козлова, 2011: 42]. По свидетельствам респондентов, в изучаемый период он обязательно отмечался и на судах советского торгового флота. Помимо привычных поздравлений, здесь, как и на некоторых других предприятиях, существовала традиция освобождать в этот день женщин от любых работ и предоставлять им выходной. «Женские» обязанности брали на себя мужчины, преимущественно представители рядового состава:

Всех поздравляли. Всех буфетщиц, дневальных. Мы сами накрывали на стол, мыли посуду, делали сервиз. А они в этот день отдыхали. И то некоторые девушки смотрят, чтобы мы делали правильно. Приходят, смотрят, если что-то не то (МВ-2019-07-Р);

Мы не работали, мы отдыхали в этот день. Спали до обеда (смеется). И всегда бегали, переживали: «Ой, может быть, помочь?» Всегда так хотелось, а они: «Идите, отдыхайте, что вы сюда прибегаете. Мы сами справимся». Вот так вот всегда было (МВ-2019-12-Р).

Наблюдаемое в этот день смещение ролей в судовом коллективе по своему содержанию частично напоминает ритуалы перемены статуса, в рамках которых

определенные категории людей, занимающие в обычное время невысокое положение в иерархической структуре, временно оказываются в привилегированной позиции, в данном случае сопряженной с праздностью. Несмотря на приятный след, который эти события оставили в воспоминаниях морячек, вслед за В. Тэрнером можно предположить, что посредством такого рода перемен статуса, актуальных и возможных лишь в рамках ограниченного отрезка времени, заново утверждалась существующая иерархия и высвечивалась разумность и неизменность повседневного порядка вещей [Тэрнер, 1983: 240].

Наконец, гендерная идентичность женщин подчеркивалась и посредством особого наименования, которое применялось моряками для обозначения женской части коллектива и не было секретом для самих женщин:

Нас называли не женщины, на судне нас всегда называли «тетки». «Кто?» — «Да вон, у теток. Тетки наши». Ну если с нами — «женщины», всё. А так, в быту: «Ну какие там тетки у вас?» Вот почему-то, я не знаю, как сейчас, но в то время, в мое время, — тетки. Тетки так тетки. Не мальчишки ведь (МВ-2019-04-Р).

Любопытно, что данная практика именования была, по всей видимости, очень устойчивой: приведенный фрагмент из воспоминаний респондентки касается периода 1950—1960-х гг., а вот как эта практика выглядит в описании мужчины, начало работы которого в ДВМП пришлось на конец 1970-х — начало 1980-х гг.: «За глаза в общем и целом женщин на судне у нас называли — “тетки”. Не бабы, не ведьмы, не девки — тетки. Все были тетки, в любом возрасте, от 18 до 55. Называли все, от капитана до матроса. Никаких попыток унижения, никаких попыток принижения, называли и все. Равнодушно и повседневно... Это было и ни хорошо, и ни плохо. Это просто было» [Женщины на судне].

С одной стороны, слово «тетка», как образованное от слова «тетя», обозначающего сестру отца или матери по отношению к племянникам, могло подчеркивать родственный характер отношения к женщинам экипажа как к «своим». С другой — такое обозначение женщин, наиболее вероятно, неосознанно использовалось мужчинами для маркирования гендерных границ, ведь антиподом «теток» выступают «мужики»: именно этим понятием, по наблюдению Т. Б. Щепанской, в «мужских» профессиях очерчивается круг принадлежности к профессиональному ядру [Щепанская, 2010: 283].

Заключение

Образ советской морячки претерпел серьезные изменения на фоне акцентирования фемининных черт и семейно-бытовых обязанностей советской женщины в общественном дискурсе 1960—1970-х гг. Карьерный сценарий женщин, которые попали в торговый флот на волне движения за вовлечение женщин в «мужские» профессии в 1930-х гг. или в период войны, чтобы занять должности штурманов, механиков и радистов, в новых условиях потерял свою актуальность, в том числе как сопряженный с нежелательной маскулинизацией женщин. В торговый флот пришли новые поколения морячек, которые работали почти исключительно в рамках предписанного обществом распределения гендерных ролей, занимая на судах «женские» должности, связанные с питанием, заботой

и поддержанием чистоты. Есть, однако, основания полагать, что, даже несмотря на разделяемый с мужчинами опыт тяжелой работы в море, эти женщины не рассматривались представителями морского сообщества как часть профессионального ядра, которое прочно ассоциировалось с должностями, непосредственно связанными с эксплуатацией судна.

Список источников

- Ботков В.* Они с теплохода «Боцман Зотов» // Морской флот. 1974. № 11. С. 32—33.
- Вавулинская Л. И.* Проблема женской занятости в 1950-х гг.: (на материалах Карелии) // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 82—90.
- Гонина Н. В., Павлюкевич Р. В., Вавиленко А. Ю.* На обочине светлого пути: женский труд в пищевой промышленности в 1954—1964 годах: (на материалах Красноярского края) // Научный диалог. 2019. № 11. С. 258—270.
- Дальневосточное морское пароходство, 1880—1980. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980. 592 с.
- Ежеля У. В.* Женский труд на железнодорожном транспорте Дальнего Востока СССР в 30—40-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 72—79.
- Женщины и дети в СССР: статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1963. 204 с.
- Женщины на судне. Ч. 1. URL: <https://gruppman.livejournal.com/240545.html> (дата обращения: 02.05.2020)
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—321.
- Капитан Анна / ред.-сост. И. Егорчев. Владивосток: Светлана, 2005. 168 с.
- Келли К.* «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104—155.
- Козлова Н. Н.* Международный женский день 8 Марта как инструмент формирования советской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 36—44.
- Конецкий В.* Кто смотрит на облака // Библиотека Виктора Конецкого. 1967. URL: <http://www.baltkon.ru/about/works/detail.php?ID=143> (дата обращения: 06.06.2020).
- Крылова-Лопаченко Л.* О Вьетнаме и не только. [Б. м.]: Изд. решения, 2016. 89 с.
- Куянцева П. П.* Я бы снова выбрал море...: очерки. Путевые заметки. Воспоминания. Интервью. Владивосток: Дюма, 1998. URL: <https://kapitanydv.ru/book-kuyantsev-vybral-more/> (дата обращения: 13.05.2020).
- Либина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950—1960-е годы. СПб.: Книга: Победа, 2015. 484 с.
- Мезенцев В.* В порядке исключения // Морской флот. 1969. № 3. С. 5.
- Морозова Ю.* Государственная политика в области женской занятости в 1920-е — 1930-е годы: (на примере немецкой автономии) // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. Саратов: Науч. кн., 2005. С. 281—297.
- Под флагом России: история зарождения и развития морского торгового флота. М.: Согласие, 1995. 568 с.
- Пономарев В.* Первые шаги щекинского метода на флоте // Морской флот. 1971. № 6. С. 12—13.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012а. № 5. URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines/>

К. С. Еременко, Е. А. Поливанчук. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг.

novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (дата обращения: 06.06.2020).

- Пушкарева Н. Л. Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*. 2012b. № 1. С. 168—176.
- Романов Р. Е. Женщины и молодежь в промышленности советского тыла (1941—1945 гг.): феномен «коротких» социальных лифтов // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 106—113.
- Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 4—15.
- Ткач О. Профессионализация домашней уборки: очерчивая фронтиры // *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен*. М.: Вариант, 2011. С. 304—333.
- Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. С. 104—264.
- Ульянова С. Б. Гендерные отношения в советской промышленности в 1920-е — 1930-е гг. // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*. Общество. Коммуникация. Образование. 2013. № 184. С. 119—126.
- Устав службы на судах Министерства морского флота Союза ССР. Одесса: Моряк, 1976.
- Хасбулатова О. А. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство // *Женщина в российском обществе*. 2004. № 1—2. С. 43—56.
- Щепанская Т. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // *Антропология профессий: сборник научных статей*. Саратов: Науч. кн., 2005. С. 50—101.
- Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды: (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 364 с.
- Aralovets N. Women — equal citizens // *USSR Information Bulletin*. 1947. 5 November. P. 40—42.
- Conze S. Women's work and emancipation in the Soviet Union, 1941—1950 // *Women in the Stalin Era* / ed. by M. Ilič. New York: Palgrave MacMillan, 2001. P. 216—233.
- Filtzer D. Women workers in the Khrushchev era // *Women in the Khrushchev Era* / ed. by M. Ilič, S. E. Reid, L. Attwood. New York: Palgrave MacMillan, 2004. P. 29—51.
- Goldman W. Z. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 294 p.
- Ilič M. "Equal pay for equal work": women's wages in Soviet Russia // *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union* / ed. by M. Ilič. New York: Palgrave MacMillan, 2018. P. 101—116.
- Mandel W. M. *Soviet Women*. Garden City: Anchor Books, 1975. 350 p.
- Nin A. *The Diary of Anaïs Nin, 1944—1947*. New York: HBJ, 1972. 237 p.

References

- Aralovets, N. (1947) Women — equal citizens, *USSR Information Bulletin*, 5 November, pp. 40—42.
- Botkov, V. (1974) Oni s teplokhoda "Botsman Zotov" [They are from the ship "Boatswain Zotov"], *Morskoj flot*, no. 11, pp. 32—33.
- Conze, S. (2001) Women's work and emancipation in the Soviet Union, 1941—1950, in: Ilič, M. (ed.), *Women in the Stalin Era*, New York: Palgrave MacMillan, pp. 216—233.
- Dal'nevostochnoe morskoe parokhodstvo, 1880—1980* (1980) [Far Eastern Shipping Company, 1880—1980], Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo.

- Egorchev, I. (ed.) (2005) *Kapitan Anna* [Captain Anna], Vladivostok: Svetlana.
- Ezhelia, U. V. (2012) Zhenskiĭ trud na zheleznodorozhnom transporte Dal'nego Vostoka SSSR v 30—40-e gg. XX v. [Women's labour on railway transport in the Far East of the USSR in the 1930—1940s], *Rossii i ATR*, no. 3, pp. 72—79.
- Filtzer, D. (2004) Women workers in the Khrushchev era, in: Iliĭ, M., Reid, S. E., Attwood, L. (eds), *Women in the Khrushchev Era*, New York: Palgrave MacMillan, pp. 29—51.
- Goldman, W. Z. (2002) *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gonina, N. V., Pavliukevich, R. V., Vavilenko, A. Iu. (2019) Na obochine svetlogo puti: zhenskiĭ trud v pishchevoi promyshlennosti v 1954—1964 godakh: (Na materialakh Krasnoïarskogo kraia) [On the bright path: female labor in the food industry in 1954—1964 (Based on materials from the Krasnoyarsk territory)], *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 258—270.
- Iliĭ, M. (2018) "Equal pay for equal work": women's wages in Soviet Russia, in: Iliĭ, M. (ed.), *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*, New York: Palgrave MacMillan, pp. 101—116.
- Kelli, C. (2004) "Shkol'nyi val's": povsednevnaia zhizn' sovet'skoi shkoly v poslestalinskoe vremia ["The School Waltz": the everyday life of the Post-Stalinist Soviet classroom], *Antropologicheskii forum*, no. 1, pp. 104—155.
- Khasbulatova, O. A. (2004) Dvizhenie zhenshchin-obshchestvenits v 1930-e gody kak tekhnologiia gosudarstvennoi politiki po vovlecheniiu domashnikh khoziaek v obshchestvennoe proizvodstvo [The movement of women activists in the 1930s as a way of the state to involve housewives in social production], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 43—56.
- Konetskiĭ, V. (1967) *Kto smotrit na oblaka* [Who looks at the clouds], available from <http://www.baltkon.ru/about/works/detail.php?ID=143> (accessed 06.06.2020).
- Kozlova, N. N. (2011) Mezhdunarodnyi zhenskiĭ den' 8 Marta kak instrument formirovaniia sovet'skoi politicheskoi kul'tury [International Women's Day as a tool for the formation of Soviet political culture], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 36—44.
- Krylova-Lopachenko, L. (2016) *O V'etname i ne tol'ko* [About Vietnam and more], s. l.: Izdatel'skie resheniia.
- Kuiantsev, P. P. (1998) *Ia by snova vybral more...: Ocherki. Putevye zametki. Vospominaniia. Interv'iu* [I would choose the sea again...: Essays. Travel notes. Memories. Interviews], available from <https://kapitanydv.ru/book-kuyantsev-vybral-more/> (accessed 13.05.2020).
- Lebina, N. B. (2015) *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruktsiia bol'shogo stilia: Leningrad 1950—1960-e gody* [Everyday life of the space and corn era: Destruction of a great style: Leningrad of the 1950s and 1960s], St. Petersburg: Kniga, Pobeda.
- Mandel, W. M. (1975) *Soviet Women*, Garden City: Anchor Books.
- Mezentsev, V. (1969) V poriadke isklucheniia [As an exception], *Morskoĭ flot*, no. 3, p. 5.
- Morozova, Iu. (2005) Gosudarstvennaia politika v oblasti zhenskoĭ zaniatosti v 1920-e — 1930-e gody: (Na primere nemetskoĭ avtonomii) [State policy in the field of female employment in the 1920s and 1930s: (A case study of Volga German Autonomous SSR)], in: *Nuzhda i poriadok: Istoriia sotsial'noi raboty v Rossii, XX v.*, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 281—297.
- Nin, A. (1972) *The Diary of Anaïs Nin, 1944—1947*, New York: HBJ.
- Pod flagom Rossii: Istoriia zarozhdeniia i razvitiia morskogo torgovogo flota* (1995) [Under the flag of Russia: The history of the merchant marine fleet], Moscow: Soglasie.
- Ponomarev, V. (1971) Pervye shagi shchĕkinskogo metoda na flote [The first steps of the Shchekin method in the navy], *Morskoĭ flot*, no. 6, pp. 12—13.

- Pushkareva, N. L. (2012a) Gendernaia sistema Sovetskoï Rossii i sud'by rossiiianok [Gender system of the Soviet Russia and the fate of Russian women], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, available from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (accessed 06.06.2020).
- Pushkareva, N. L. (2012b) Ustnaia istoriia i gendernaia istoriia: sbližhenie i perspektivy razvitiia [Oral history and gender history: convergence and development prospects], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 168—176.
- Romanov, R. E. (2016) Zhenshchiny i molodëzh' v promyshlennosti sovetskogo tyła (1941—1945 gg.): fenomen “korotkikh” sotsial'nykh liftov [Women and youth in the industry of the Soviet home front, 1941—1945: the phenomenon of “quick” upward mobility], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 412, pp. 106—113.
- Shchepanskaia, T. (2005) Konstruktsii gendera v neformal'nom diskurse professii [The constructions of gender in the informal discourse of occupations], in: *Antropologiya professii: Sbornik nauchnykh statei*, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 50—101.
- Shchepanskaia, T. B. (2010) *Sravnitel'naia ètnografiia professii: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody: (Rossiia, konets XX — nachalo XXI v.)* [Comparative ethnography of occupations: everyday practices and cultural codes: (Russia, late XX — early XXI century)], St. Petersburg: Nauka.
- Temkina, A. A., Rotkirkh, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 4—15.
- Tërner, V. (1983) Ritual'nyi protsess. Struktura i antistruktura [The ritual process: structure and anti-structure], in: Tërner, V. *Simvol i ritual*, Moscow: Nauka, pp. 104—264.
- Tkach, O. (2011) Professionalizatsiia domashnei uborki: ocherchivaia frontiry [Professionalization of home cleaning: outlining frontiers], in: *Antropologiya professii, ili postoronnim vkhod razreshën*, Moscow: Variant, pp. 304—333.
- Ul'ianova, S. B. (2013) Gendernye otnosheniia v sovetskoï promyshlennosti v 1920—1930-e gg. [Gender relationship in the Soviet industry in the 1920s and 1930s], *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*. Obshchestvo. Kommunikatsiia. Obrazovanie, no. 184, pp. 119—126.
- Vavulinskaia, L. I. (2016) Problema zhenskoï zaniatosti v 1950-kh gg.: (Na materialakh Karelii) [The problem of female employment in the 1950s: (A case study of Karelia)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 82—90.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniie gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—321.
- Zhenshchiny i deti v SSSR: Statisticheskii sbornik* (1963) [Women and children in the USSR: Collection of statistics], Moscow: Gosstatizdat.
- Zhenshchiny na sudne* [Women on the ship], pt. 1, available from <https://gruppman.livejournal.com/240545.html> (accessed 02.05.2020).

Статья поступила в редакцию 03.03.2021; одобрена после рецензирования 26.06.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 03.03.2021; approved after reviewing 26.06.2021; accepted for publication 01.11.2021.

Информация об авторах / Information about the authors

Еременко Ксения Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, eremenko.ks@dvfu.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History and Archaeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation).

Поливанчук Елена Александровна — аспирантка департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, polivanchuk.ea@dvfu.ru (Post-graduate student at the Department of History and Archaeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Силласте Г. Г. Наука как сфера самореализации женщин и социогендерный потенциал ее развития	3
Кашина М. А. «Видимость» гендерных исследований в российской социологии: преодолена ли маргинальность?	18
Тран Тхи Минь Туэт. Свободная миграция женщин из сельской местности в города во Вьетнаме: текущая ситуация и поднятые проблемы	37
Габараева М. Р. Контент-анализ феминистских интернет-сообществ Ингушетии: поднимаемые темы и проблемы	52
Гербут Н. А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств	62

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Шведова Н. А. Штрихи к портрету женского движения в США	72
Милаева О. В., Бобров В. А., Мартынова О. А., Питерова А. Ю., Сиушкин А. Е. Женский депутатский корпус Российской Федерации субфедерального уровня: количественные характеристики	88

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Ворошилова С. В., Великая Н. М. Законопроект о равноправии женщин 1906 г. — первая гендерная экспертиза российского законодательства	110
Газиева А. А. Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронтире	121
Аринов А. Г. Участие женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в советской военной периодической печати	136
Еременко К. С., Поливанчук Е. А. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг.	149
<i>Информация для авторов</i>	169

CONTENTS

GENDER SOCIOLOGY

Sillaste G. G. Science as a sphere of self-realization of women and the socio-gender potential of its development	3
Kashina M. A. “Visibility” of gender studies in Russian sociology: has marginality been overcome?	18
Tran Thi Minh Tuyet. Free rural-urban migration of women in Vietnam: current situation and raised issues	37
Gabaraeva M. R. Content analysis of the feminist Internet communities of Ingushetia: topics and issues	52
Herbut N. A., Herbut I. A. Women’s underrepresentation in street names: gender narratives of urban spaces	62

GENDER POLITOLOGY

Shvedova N. A. Strokes to a portrait of women’s movement in the USA	72
Milaeva O. V., Bobrov V. A., Martynova O. A., Piterova A. Yu., Siushkin A. E. Female deputies of the Russian Federation at the sub-federal level: quantitative characteristics	88

GENDER HISTORY

Voroshilova S. V., Velikaya N. M. The draft law on women’s equality of 1906 — the first gender examination of Russian legislation	110
Gazieva A. A. Mediators of culture: about gender features of the status roles of women on the Caucasian frontier	121
Arinov A. G. Participation of women in combat actions on the fronts of the Great Patriotic War (As reflected by the Soviet military periodical press)	136
Eremenko K. S., Polivanchuk E. A. “The sea belongs to men?”: women in the Soviet merchant marine in the 1960s and 1970s	149
<i>Information for the authors</i>	169

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 — 2021

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.12.2021 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 100 экз.
Заказ № 150. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ